

Р.А.МЮЛЛЕРСОН

**Соотношение
международного
и национального
права**

ББК 67.91
М 98

Рецензенты:

член-корреспондент АН СССР

Г. И. ТУНКИН

доктор юридических наук профессор

С. В. ЧЕРНИЧЕНКО

Взаимоотношения между государствами, между гражданами и организациями разных стран становятся все теснее. С одной стороны, усиливается влияние событий, происходящих на международной арене, на внутреннюю жизнь государств. С другой стороны, происходящее в какой-либо стране часто не безразлично для других государств, для международного сообщества в целом. «Современный мир отличается усиливающееся взаимодействие, переплетение внутренних и международных факторов», — отметил в своей речи на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук член Политбюро ЦК КПСС М. А. Сулов. Это означает, что происходит интенсификация взаимодействия между сферами, в рамках которых функционируют соответственно международное и национальное (внутригосударственное) право.

Особенно тесным является переплетение внутренней и международной сфер в отношениях между государствами — членами Совета Экономической Взаимопомощи. «Сама жизнь ставит задачу — дополнить координацию планов согласованием экономической политики в целом.

В повестку дня ставятся и такие вопросы, как сближение структур хозяйственных механизмов, дальнейшее развитие прямых связей между министерствами, объединениями и предприятиями, участвующими в кооперации, создание совместных фирм, возможны и другие формы соединения наших усилий и ресурсов», — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. Реализация поставленных задач требует урегулирования международных отношений, так и на уровне внутригосударствен-

Мюллерсон Р. А.

М 98 Соотношение международного и национального права. — М.: Междунар. отношения, 1982. — 136 с.

В книге анализируется соотношение международного и национального права в контексте взаимодействия внутренней и внешней политики, международных и внутригосударственных отношений. Исследуется также связь международного публичного и частного права. Особое внимание уделяется рассмотрению законодательства и практики социалистических государств, критическому анализу буржуазных теорий и практики империалистических стран в этой области.

1207000000 — 032

— 36 — 82

М

003(01) — 82

ББК 67.91

© «Международные отношения», 1982

ном (национальным правом). Следовательно, от четкой координации этих сфер правового регулирования во многом зависит успешное выполнение поставленных съездом задач.

Поэтому взаимодействие международного и национального права становится все более тесным. Международное право, регулируя отношения между субъектами международного права (главным образом между государствами), все чаще затрагивает вопросы, являющиеся предметом норм национального права. Происходит своеобразное расширение сферы действия международного права, не сопровождающееся тем не менее сокращением сферы действия национального права. В этой своей «нетрадиционной» сфере международное право действует через национальное право, при помощи последнего.

Количественное увеличение явлений, имеющих как внутригосударственные, так и международные аспекты, приведет на определенном этапе к качественным изменениям в соотношении международного и национального права. Появятся новые формы взаимодействия, видоизменяются существующие.

Много нового внесится во взаимодействие международного и национального права также в связи с изменением сущности и содержания современной эпохи. «Все больше возрастает воздействие мировой социалистической системы на ход общественного развития в интересах мира, демократии и социализма»³, — подчеркивается в Программе КПСС. Это обстоятельство отражается и на соотношении международного и национального права.

В эпоху перехода от капитализма к социализму и коммунизму во всемирном масштабе происходит эволюция социального содержания и сущности международного права. Оно под воздействием социалистических государств, всех прогрессивных сил человечества из буржуазного превратилось в современное международное право, имеющее общедемократический характер.

Происходит своеобразное удаление международного права от реакционных принципов и норм национального права империалистических держав, его сближение с внутренним правом социалистических государств. Если, например, в буржуазном международном праве были нормы, неприемлемые для первого в мире социалистического государства, и наша страна не признавала их, то нормы современного общего международного права соответствуют интересам Советского государства, не противо-

речат принципам и нормам его национального права. В то же время реакционные нормы внутреннего права некоторых капиталистических стран все чаще начинают вступать в противоречие с общепризнанными принципами и нормами международного права. Как следствие этого изменяется и характер соотношения международного и национального права различных государств, их отношение к международному праву в целом.

На основе и во исполнение внешнеполитических положений Конституции СССР одним из первых среди законодательных мероприятий по приведению текущего законодательства в соответствие с новой Конституцией 6 июля 1978 г. был принят Закон о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР, большинство положений которого так или иначе связаны с проблемой соотношения международного и национального права. На XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев отметил: «Большой полезный эффект дает проведение на основе Конституции обновление советского законодательства»⁴.

По важнейшим проблемам международного права, и в частности по вопросу о соотношении международного и национального права, идет порой острая идеологическая борьба. И в этой сфере в буржуазной литературе «извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, подтравка и просто беспардонная ложь — все пускается в ход»⁵. Некоторые буржуазные авторы, изображая в розовом свете соотношение международного права и национального права капиталистических государств, извращают советскую доктрину и практику в этом важном с точки зрения не только международного, но и внутригосударственного права вопросе.

Советская наука международного права много сделала для разработки проблемы соотношения международного и национального права. В трудах советских ученых (И. П. Блищенко, В. Г. Будкевича, Г. В. Игнатенко, Д. Б. Левина, И. И. Лукашук, Н. В. Миронова, Г. И. Тункина, Е. Т. Усенко, С. В. Черниченко) рассматривались важнейшие вопросы этой проблемы. Однако вряд ли можно считать ее решенной. Бурное развитие, происходящее во всех сферах общественной жизни, отражается на праве, регулирующем соответствующие общественные отношения, по-новому ставит многие вопросы соотношения различных систем права.

МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО КАК РАЗЛИЧНЫЕ, НО ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ СИСТЕМЫ ПРАВА

История проблемы соотношения международного и национального права

Вряд ли возможно правильно подойти к вопросу соотношения международного и национального права без хотя бы краткого исторического взгляда на возникновение и развитие этой проблемы. В. И. Ленин исключительно точно отметил, что «самое надежное в вопросе общественной науки... — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

С появлением государственности возникло и национальное право. Международное право также стало формироваться уже на ранних стадиях развития международного общения. Сама же проблема их соотношения возникла намного позднее, и первые работы, посвященные этому вопросу, были опубликованы только в конце XIX столетия, хотя предпосылки для ее возникновения существовали значительно раньше. Например, еще в XIV веке возник конфликт между внутренним правом княжества Литовского и договором, заключенным Иваном III с великим князем литовским. Иван III считал необходимым отказать великому князю литовскому построить для своей жены Елены, дочери Ивана III, православную церковь ввиду издавна существующего в Литве запрета увеличивать число православных церквей: «С кем будут предкове его да и он имают те права, нам до тех его прав дела нет никоторого; а с нами брат наш

князь великий, да и его рада делали на том, что нашей до чери держати свой греческий закон»². Выраженное здесь мнение о том, что международные договоры должны соблюдать, несмотря на противоречие им положения в национальном законодательстве, является одним из важных принципов, касающихся соотношения международного и национального права и в наши дни.

Известный русский юрист-международник Ф. Ф. Мартенс несомненно видел связь международного и национального права, когда писал, что «те внутренние законы, которые определяют социальное устройство, взаимные права и обязанности общественных классов и государства, очевидно должны оказывать влияние на право, обеспечивающее социальные интересы каждого народа в области международных отношений». И далее: «Современное положительное международное право нельзя почитать, не зная действующего государственного права образованных народов»³. Одним из первых русский автор А. Л. Байков достаточно подробно для своего времени исследовал вопросы конституционного регулирования заключения международных договоров и их исполнения внутри государства⁴.

Вообще следует подчеркнуть, что русские дореволюционные юристы-международники больше внимания, чем их зарубежные коллеги, уделяли связи международного и национального права. Однако, так как проблема эта не имела в то время особой практической значимости, вполне естественно, что она рассматривалась не специально как вопрос соотношения международного и национального права, а в рамках исследования связи науки международного права с другими смежными дисциплинами. Тем не менее ими был высказан ряд интересных соображений. Как прогрессивные для своего времени следует отметить многие идеи ректора Московского университета Л. А. Камаровского в данной области. Так, он пишет, что «нормы, выставляемые каким-либо одним государством, превращаются в международных (consensu gentium), выраженного либо молчаливо (обычай), либо формально (договоры)»⁵. Эта мысль вполне правильна и в наше время. Нормы внутреннего права, не являясь непосредственным источником международного права, оказывают на него значительное влияние через международный договор и обычай. Л. А. Камаровский подчеркивает и другую сторону соотношения международного и национального пра-

ва — влияние первого на второе: «... Правительство своими законами, распоряжениями и действиями придает международным нормам практическую санкцию на подвластной им территории и по отношению к собственным подданным... Между трактатами и законами существуют многочисленные и живые связи. Часто издаются законы, сообразные с трактатами, и, наоборот, заключаются постановления для дальнейшего развития и осуществления перуных»⁶. Трудно переоценить, даже рассматривая данную проблему с точки зрения наших дней, следующую мысль Л. А. Камаровского: «Здесь нужно строго разграничивать соприкасающиеся области государственную и международную: нельзя одобрить ни перенесения государственных принципов на почву международную, как пытались это делать легитимизм, ни поддержки каких-либо государственных порядков международными мерами (например, гарантии известной формы правления или династии)»⁷. Автор выступает, с одной стороны, против влияния реакционных, отживших принципов внутреннего права на международное право, а с другой — против использования международного права в качестве средства обеспечения, говоря современным языком, социального статус-кво.

Вполне современно звучат и некоторые соображения другого известного русского юриста — П. Е. Казанского. Так, он считает, что международное право и «постановления права внутригосударственного должны находиться в согласии между собою. Внутригосударственное право не может противоречить международному. Если же подобные противоречия окажутся почему-либо, государство обязано не только нравственно..., но и юридически согласовать свои внутренние порядки с принятыми им на себя обязательствами. Международное право должно быть выполнено. Находится или не находится с ним в согласии внутреннее право страны, это с международно-правовой точки зрения. — Р. М.) безразлично»⁸.

Для русских дореволюционных авторов характерно рассмотрение международного и национального права как различных правовых сфер, то есть хотя сами они эту сторону специально не подчеркивали, но были дуалистами в вопросе их соотношения.

Как и в России, в Западной Европе юристы XIX века если и касались соотношения международного и национального права, то лишь в связи с исследованием соотношения науки международного права с другими научными дисциплинами. Кроме того, рассматривались лишь от-

дельные аспекты проблемы. Так, немецкий профессор Ф. Гольцендорф в 1885 году писал о том, что международные договоры могут исполняться не только для принятия межгосударственных обязательств, но и для создания законов для подданных⁹. Он считал, вопреки общепринятому тогда мнению, что «приговор национального суда может основываться непосредственно на нормах международного права»¹⁰. Французский автор Г. Бонфикс в вышедшем в 1898 году втором издании курса «Международное публичное право» также рассматривал лишь соотношение науки международного права с другими отраслями знания, в том числе с государственным правом отдельных государств¹¹. Немецкий ученый И. Клюбер в работе «Современное право народов Европы» еще в первой половине прошлого века рассматривал связь международного и внутреннего права сквозь призму соответствующих наук¹².

Первая специальная работа «Международное и внутригосударственное право» известного немецкого юриста Г. Трипеля вышла в 1899 году. В течение нынешнего столетия можно отметить повышенный интерес к данной проблеме. То, что особое внимание ей стали уделять в эпоху превращения доминирующего капитализма в империализм, вполне закономерно. С одной стороны, происходит все более активная ломка национальной ограниченности отдельных государств. Появляющиеся монополии капиталистических держав начинают действовать не только у себя дома и в своих колониях, но и проникают в другие «цивилизованные» государства. Это ведет к интенсификации взаимодействия различных сторон внутренней жизни разных государств, резко расширению связей между самими государствами. С другой стороны, увеличивается сфера правового регулирования общественных отношений, как внутригосударственных, так и международных. Буржуазное государство начинает активно вмешиваться в хозяйственную жизнь страны. Появление на мировой арене социалистических государств с плановой экономикой, где национальному праву отводится значительное место в регулировании хозяйственной жизни страны, их активное включение в международное разделение труда также служат причиной интенсификации взаимодействия международного и национального права.

Все эти обстоятельства превращают вопрос соотношения международного и национального права в острую

практическую проблему. Возникают различные теории, отражающие вполне конкретные практические интересы различных государств.

Буржуазная наука международного права в вопросе соотношения международного и национального права выработала три основных направления: дуалистическое и два монистических. Суть дуализма в том, что международное и национальное право рассматриваются как два различных правопорядка. В упоминавшейся выше работе Г. Трипель писал: «Международное и внутригосударственное право суть не только различные отрасли права, но и различные правопорядки. Это два круга, которые тесно соприкасаются, но никогда не пересекаются»¹³. Другой известный дуалист — Д. Анцилотти отмечает, что «международное и внутригосударственное право тем самым представляют собой отдельные правопорядки»¹⁴.

Между тем, на наш взгляд, не совсем точны встречающиеся иногда в литературе утверждения, что дуалисты не видят связи международного права с национальным¹⁵. Но ведь Анцилотти пишет о законодательной деятельности, предписанной международным правом, разрешенной международным правом и воспрещенной им¹⁶. Кроме того, он достаточно подробно останавливается на такой форме связи международного и национального права, как отсылка. Г. Трипель в своем «Гаагском курсе» даже подчеркивает, что «основной темой его дискуссии является исследование взаимоотношений между этими двумя системами права»¹⁷. Он считал, что «для того, чтобы международное право смогло выполнить свою задачу, оно должно должно обратиться за помощью к внутреннему праву. Без него оно во многих отношениях является совсем бессильным. Оно подобно маршалу, дающему приказы только генералам и могущему достичь своих целей только в том случае, если последние, согласно его указаниям, дадут новые приказы своим подчиненным»¹⁸.

Далее мы подробно рассмотрим социалистическую концепцию соотношения международного и национального права, но здесь хотелось бы отметить, что, по существу, наш подход к проблеме — это дуалистический подход, так как международное и национальное право рассматриваются как различные системы права. Одно из главных отличий нашей доктрины от традиционного дуализма состоит в том, что социалистическая наука исследует как международное, так и национальное право в системе их социальных связей. Изучая соотношение международного

и национального права, она выходит за пределы объяснения конкретных чисто юридических аспектов их взаимодействия, исследует последнее в широком социальном контексте. Поэтому она в состоянии объяснить действительные причины их взаимодействия. Такой вытекающий из марксистско-ленинской диалектики подход позволяет правильно отвечать и на многие конкретные вопросы соотношения международного и национального права.

Суть монистических концепций, как уже видно из названия, состоит в признании единства этих систем права. Международное и национальное право рассматриваются как части единой системы права. Однако сторонники этих концепций не отличаются единством взглядов. Если дуалисты допускают различные степени и способы взаимодействия международного и национального права, то еще сильнее отличаются друг от друга взгляды монистов. Они делятся на сторонников примата (верховенства) национального права и сторонников примата международного права.

Сторонники примата национального права рассматривают международное право как сумму внешнегосударственных прав различных государств. В основе их рассуждений лежат взгляды Гегеля, который писал: «Взаимоотношения между государствами суть взаимоотношения между самостоятельными контрагентами, которые, правда, стипулируют между собой, но, вместе с тем, остаются выше этих стипуляций»¹⁹. Государство рассматривалось Гегелем как «дух в его субстанциональной разумности и непосредственной действительности» и поэтому оно, по Гегелю, «есть абсолютная власть на земле». Вследствие этого оно вправе по своей особой воле изменить не только нормы внутригосударственного, но и нормы «внешнегосударственного», то есть международного, права. Эти взгляды Гегеля были использованы апологетами германского милитаризма и фашизма для оправдания произвола в международных отношениях. Подобное признание примата национального права над международным правом неизбежно ведет к международно-правовому нигилизму.

В настоящее время более распространена другая разновидность монистической концепции — примат международного права над национальным. Наиболее полно она, пожалуй, развита в трудах Г. Кельзена.

Истоки монистической концепции Кельзена находятся в его «чистой теории права», о которой он пишет: «Именно из-за своего антидеологического характера чистая

теория права является истинной наукой права»²⁰. Пытаясь идеологизировать понятия государства и права, отрящая их политическую природу, Кельзен отождествляет государство с корпорацией. «Государство рассматривается только как правовое явление, как юридическое лицо, то есть корпорация». Корпорацию Кельзен определяет как «группу индивидов, к которым право относится как к единому объекту, как к лицу, которое имеет права и обязанности, отличные от прав и обязанностей индивидов, составляющих корпорацию». Поэтому, по мнению Кельзена, соотношение между международным правом порядком и национальными правовыми порядками «напоминает соотношение национального правового порядка и внутренних норм корпорации»²¹.

Главное, что отличает государство от любой другой социальной организации, — это наличие у него суверенитета, что означает состояние полновластия государства на своей территории и его независимость от других государств. Кельзен отлично понимает, что вопрос о соотношении между международным и национальным правом может быть решен только вместе с рассмотрением вопроса о государственном суверенитете. «Вопрос о том, — пишет он, — является ли государство суверенным, совпадает с вопросом, является ли международное право правом порядком, стоящим выше национального права»²². Но, как он считает, государство может быть «суверенным в истинном, абсолютном смысле этого слова», только если мы примем концепцию примата национального права.

Здесь Кельзен неправильно подходит к понятию государственного суверенитета. Признание государства суверенным не означает, что оно не подчиняется нормам международного права. Это означает, что оно не подчиняется другим государствам. Однако подчинение государства нормам международного права не предполагает признания примата международного права над национальным. Если исходить из того, как делает Кельзен, что государство — это правовое явление, то, действительно, признав необходимость государства подчиняться нормам международного права, нужно было бы признать и необходимость подчинения национального права международному праву. Но государство и национальный правовой порядок — не одно и то же. Государство — исторически преходящая, выходящая из общества и обусловленная его экономическим строем классовая политическая организация суверенной публичной власти, обеспечивающая и защи-

щающая общие интересы собственников основных средств производства. Правовые нормы — это определенное состояние упорядоченности общественных отношений, созданное при помощи норм права. Государство создает правовые нормы, обеспечивает его реальность и придает ему все государственно-правовые свойства. Поэтому подчинение государства нормам международного права еще не означает подчинения национального права праву международному.

Философской основой монистической концепции Кельзена является метафизический (недиалектический) подход к исследованию явлений объективной реальности. Г. И. Тункин отмечает, что его теория «полностью отрицает правовые нормы от воли государства и от общественных отношений. Нормы права рассматриваются как выражение некоего абстрактного доложенства, которое основывается на гипотетической основной норме»²³. В вопросе о соотношении международного и национального права недилектический подход Кельзена проявляется в недопущении существования различных, но взаимосвязанных систем права. Если международное и национальное право — различные системы права, то они должны быть независимы друг от друга, дуализм в вопросе соотношения международного и национального права возможен только, если международное и национальное право являются независимыми системами права — таков недилектический ход рассуждений Г. Кельзена.

Подобный подход характерен не только для Кельзена, но и для других буржуазных ученых. Так, по мнению Ш. Руссо, международная практика отвергает положение о том, что «национальное право и международное право — это две различные, обособленные, строго герметичные в отношении друг друга юридические системы». Не соответствует международной практике и «концепция о двух юридических порядках, иерархически подчиненных один другому»²⁴. Но в другом месте он пишет, что в вопросе о соотношении международного и национального права «мыслимы только два решения: или два правовых порядка независимы друг от друга, различны, обособлены и взаимно непроницаемы (дуализм), или же они пронизывают друг друга, что означает признание концепции единства права (монизм)»²⁵. Однако явления объективного мира могут быть разными, иногда они выступают элементами различных, более широких систем, что не ме-

шает им взаимодействовать и порой оказывать значительное влияние друг на друга. «Взаимосвязь различных явлений не уничтожает различий между ними и тем более не делает их тождественными»²⁶, — справедливо отмечает Е. Т. Усенко.

Другие сторонники монистического взгляда, признающие примат международного права над правом национальным, имея различные исходные предпосылки, тем не менее в вопросах о государственном суверенитете, о международной правосубъектности индивидов и юридических лиц и в некоторых других вопросах полностью согласны с Г. Кельзеном. Так, французский юрист Ж. Ссель считает, что «сама идея о суверенитете несовместима с идеей правовой международной системы»²⁷. Единственным субъектом международного права, по мнению Сселя, является индивид. Ф. Джессел признает, что единственным препятствием для осуществления его «транснационального права» является «устарелое понятие государственного суверенитета»²⁸.

Как сторонники примата национального права над международным правом, так и сторонники верховенства международного права противопоставляют международное право государственному суверенитету: или международное право, или государственного суверенитета. Если у сторонников примата национального права такое противопоставление прямо ведет к отрицанию международного права, то, по существу, к такому же результату приходят и сторонники примата международного права над национальным, отрицающие суверенитет государства. Государственный суверенитет и международное право предполагают друг друга. Отрицание одного означает и отрицание другого. Сторонники примата международного права над правом национальным, отрицая суверенитет государства, на самом деле заменяют международное право правом мирового государства, то есть, по существу, также отрицают международное право. «Если признать, — пишет А. М. Ладженский, — будто международное право является основанием права внутригосударственного, то это значит отрицать международное право, как таковое, то есть координационное международное право, а считать его правом надгосударственным, субординационным, правом якобы складывающегося мирового государства»²⁹. Как сторонники примата международного права, так и сторонники примата национального права государственного суверенитета понимают в абсолютном

смысле как независимость государств не только друг от друга, но и от международного права.

Только незнанием советской международно-правовой доктрины можно объяснить попытки некоторых буржуазных юристов огнести советских ученых к числу сторонников абсолютного суверенитета. Например, Ш. Руссо пишет, что доктрина абсолютного суверенитета «все еще вдохновляет в настоящее время советских юристов (В. Н. Дурденевский, С. Б. Крылов, Г. И. Тункин), хотя более поздняя доктрина категорически отвергает концепцию абсолютного суверенитета (И. И. Лукашук)»³⁰. Подобное утверждение не имеет ничего общего с действительностью. Еще в 1947 году Е. А. Коровин утверждал, что «приписывать советской науке международного права какую-то склонность к теории «абсолютного суверенитета» — значит утверждать заведомую и абсолютную неправду»³¹. Г. И. Тункин пишет: «Когда мы говорим о суверенитете государств, мы имеем в виду не абсолютный суверенитет (абсолютный суверенитет не может существовать), а скорее суверенитет в рамках международного права»³².

В последние годы, однако, можно заметить тенденцию отхода от монистической концепции среди буржуазных юристов-международников. Так, Я. Броунли утверждает, что эта «доктрина не соответствует правовым реальностям существования суверенных государств и низводит внутригосударственное право до положения пенсионера международного права»³³. В. Фридман, имея в виду сторонника монистического взгляда Х. Лаутерпахта, писал, что «сторонники монистической теории пытаются доказать, несмотря на факты, показывающие нам обратное, что международное право, как таковое, инкорпорируется в английское право»³⁴. Известный американский юрист-международник К. Райт пишет: «Мы должны принять дуалистическую точку зрения. Международные суды применяют международное право, национальные суды — национальное право»³⁵.

Как нам представляется, такой отход буржуазной международно-правовой науки от монистической доктрины имеет две причины: теоретико-познавательную (гносеологическую) и политическую. Первая из них заключается в совершеннейшей оторванности этой концепции от реальности. Г. И. Тункин пишет, что «концепция единства права является произвольным построением, не отражающим реальной действительности. Ныне, когда на

международной арене выступают государства двух международных систем, нельзя утверждать, что существует единая мировая система права, обнимающая международное право, внутригосударственное право буржуазных государств и внутригосударственное право социалистических государств»³⁶. Броунли справедливо отмечает, что «Кельзен развил монистические принципы на базе формальных методов анализа, покоящихся на теории познания»³⁷.

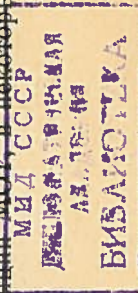
Однако не одна теоретическая несостоятельность явилась причиной отказа буржуазных ученых от монистической концепции. Она была политически выгодна, служила юридическому обоснованию экспансионистской политики империалистических держав. Вторая причина состоит в изменении международной обстановки и как следствие этого — сущности и содержания современного международного права. Старое международное право (буржуазное) со своими реакционными институтами колониализма, права вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом защиты жизни и имущества иностранцев и т. д. служило инструментом в руках сильных капиталистических держав. Международное право того периода было созданием западной цивилизации, которая и пожинала основные его плоды.

В таких условиях концепция примата международного права оправдывала вмешательство сильных государств во внутренние дела их более слабых соседей. Поэтому буржуазные ученые и провозгласили примат международного права над национальным. Формально провозглашался примат международного права над национальным правом всех государств, а фактически имел место примат созданного в соответствии с основными принципами национального права крупнейших буржуазных государств международного права над национальным правом более слабых государств. Например, не так давно, когда государства, добившиеся освобождения от колониальной зависимости, встали на путь национализации собственности иностранных компаний, добытой в результате эксплуатации развивающихся стран — бывших колоний, буржуазными учеными была выдвинута так называемая доктрина быстрой и адекватной компенсации за национализированное имущество иностранных корпораций. Этот принцип, являющийся принципом национального права буржуазных государств, пытались выдать за принцип современного международного права, который обязате-

лен для всех государств современного мира. В этом случае провозглашение и проведение в жизнь доктрины примата международного права над национальным правом было бы выгодно буржуазным государствам, их монополиям и служило бы осуществлению принципов их национального права при помощи международного права в сфере действия национального права более слабых государств. Как отмечает Д. Б. Левин, в таких случаях «примат» международного права в переводе на ясный политический язык означал бы примат воли крупных капиталистических держав, навязываемой ими другим государствам в форме решений международных органов или в форме международных соглашений»³⁸.

Однако за последние 60 лет в международном праве произошли крупные изменения. «Под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции, — отмечает Г. И. Тункин, — в результате борьбы Советского государства, а за последние десятилетия и других социалистических стран, национально-освободительного движения и новых государств, возникших в результате борьбы всех прогрессивных сил в мире, в международном праве произошли кардинальные изменения: исчезли «права государства на войну», «право победителя», институты «колониального права», «право на различные виды интервенции» и другие реакционные принципы и нормы»³⁹. В условиях, когда, как говорится в Программе КПСС, «главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человечества определяются мировой социалистической системой, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества»⁴⁰, когда вследствие этого изменился характер самого международного права, нельзя более рассчитывать на возможность навязать свою волю другим государствам, теоретически оправдывая это доктриной примата международного права над национальным. Современное международное право не может служить проводником принципов и норм национального права буржуазных государств в сферу действия национального права других стран.

Иллюстрацией взглядов буржуазных юристов на соотношение международного и национального права может служить книга американского судьи Ф. Аллена «Договор как инструмент законодательства»⁴¹. Он жалуется, что многие договоры, например «проект Пакта о правах человека и различные конвенции МОТ в некоторых от-

ношениях прямо вторгаются в дела внутренней юрисдикции наций. Этим нарушается дух п. 7 ст. 2 Устава ООН». МОН, по мнению Аллена, выполняла бы свои функции лучше, если бы занималась не разработкой обязательных международных конвенций, а информацией и обработкой «отсталых наций». Он считает, что «под видом международных договоров нам, по существу, предлагается внутреннее законодательство». Он предлагает дополнить Конституцию США следующими положениями: «а) договоры, противоречащие Конституции США, являются недействительными; б) любой договор, который прямо или косвенно вторгается в вопросы внутренней юрисдикции, является недействительным». Рассуждения Аллена показывают отношение к нормам международного права человека, стоящего на страже интересов буржуазии внутри страны. Его отнюдь не привлекает доктрина примата международного права, как, например, его коллегу по защите интересов США на международной арене Ф. Джексона, который пытается использовать доктрину примата международного права для оправдания вмешательства США в вопросы внутренней юрисдикции «отсталых наций».

Дебаты в сенате конгресса США по поводу поправки сенатора Бриккера в 50-х годах, направленной на ограничение полномочий исполнительной власти в области заключения международных договоров, принятие в сенате 21 ноября 1974 г. законопроекта сенатора Эрвина, предусматривающего, что все исполнительные соглашения вступают в силу только после того, как они найдены в палатах конгресса в течение 60 дней и обе палаты в рамках этого периода не приняли резолюцию об отказе от соглашения⁴², и другие аналогичные акции показывают, что США тщательно оберегают независимость своего национального права от влияния со стороны международного права. Еще в 1953 году Дж. Даллес заявил, что «движение за ограничение прав президента в деле заключения международных договоров отражает опасения, как бы наша власть заключать международные договоры не была использована для проведения внутренней реформы, особенно в сфере экономических и социальных дел, для навязывания нашей стране социалистических концепций, которые чужды нашим традициям и идеалам»⁴³.

Следовательно, изменение характера международного права, не являющегося более буржуазным, а носящего

общедемократический характер, направленного на обеспечение прогресса человечества, заставляет буржуазных ученых и государственных деятелей пересматривать свое отношение к теории примата международного права над национальным. Ведь закрепление в нормах современного международного права права наций на самоопределение, права на труд и т. д. в глазах реакционных буржуазных деятелей означает «навязывание социалистических концепций» их странам. Примат такого международного права опасен для господствующих классов этих государств.

Как можно было заметить, вышеприведенные буржуазные концепции возникли не случайно. Они отражают вполне реально существующие интересы тех или иных государств, слоев господствующего класса. Можно даже проследить определенную общую тенденцию: сторонники примата международного права чаще всего представляют собой интересы сильной империалистической державы, которая в течение длительного периода оказывала значительное влияние на развитие международного права и в силу этого в определенном смысле являлась международным «законодателем». Сюда относятся в первую очередь юристы США и в значительной мере Великобритания.

Теорию примата национального права проповедовали немецкие юристы конца XIX — начала XX века, а также периода после первой мировой войны. Германия быстро набирала силы, но ее международные позиции по сравнению с другими империалистическими странами были слабее. Даже старое (буржуазное) международное право мало отвечало агрессивным устремлениям германского милитаризма. Отсюда и доктрина верховенства национального права над международным, направленная на отказ от общепризнанных норм международного права, от заключенных государством договоров.

В дуалистическом направлении представлено либеральное крыло буржуазных ученых. Оно наиболее полно отражает реальностям существования суверенных государств, и поэтому многие рациональные зерна этой концепции содержатся в обогащенном виде в социалистической концепции соотношения международного и национального права.

В социалистических странах международное и национальное право рассматриваются, как правило, в качестве различных систем права. Однако встречаются ученые, которые, стремясь объяснить тесное взаимодействие меж-

дународного и национального права, фактически встают на позицию признания их единства. Например, авторы, считающие международные договоры источником внутреннего права СССР, желают они того или нет, объективно должны прийти к признанию монистической концепции.

Венгерский юрист К. Надь, по существу, также приходит к признанию своеобразного единства международного и национального права. Он считает, что «каждое государство имеет свое международное право, так же как оно имеет свое внутреннее право»⁴⁴. Поэтому, по его мнению, «право каждого государства состоит из двух юридических систем: внутригосударственной системы и международной юридической системы государства. Они вместе составляют определенное единство — право страны». В международную юридическую систему данного государства входят, по мнению венгерского юриста, все нормы международного права, обязательные для этого государства. Ошибка К. Нады, как нам представляется, состоит в смешении двух различных, хотя и взаимосвязанных явлений: права как системы норм и права как определенной социальной категории. Поскольку можно дать общее определение права, включающее как национальное, так и международное право, Надь приходит к выводу об их единстве как систем права⁴⁵.

Большинство же юристов-международников из социалистических стран рассматривают соотношение международного и национального права как взаимодействие различных систем права. Например, болгарский ученый П. Радойнов считает, что соотношение международного и национального права — это «реалистический дуализм». По его мнению, «одно из его наиболее существенных отличий от ортодоксального дуализма (Анцилотти) состоит в том, что он признает тесную связь между национальным и международным правом, а также возможность конфликтов между ними, допуская даже параюридическое верховенство национального права над международным правом в процессе создания норм международного права государствами: каждое государство, которое участвует в создании норм международного права, исходит из существования и возможности своего национального права»⁴⁶.

Взаимодействие международного и национального права как регулирующих подсистем различных социальных систем

Необходимость исследования любых явлений во взаимодействии с другими в их развитии выступает одним из основных принципов марксистской диалектики. «Чтобы действительно знать предмет, — писал В. И. Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления»⁴⁷. Советская наука всегда руководствовалась этим ленинским указанием. Что касается правовой науки, то Д. А. Керимов отмечает, что «всестороннее познание права обеспечивается его изучением в системе тех экономических, политических и социальных факторов, порождением которых оно является и на развитие которых оказывает обратное регулирующее воздействие»⁴⁸. Если сформулировать это положение применительно к проблеме нашего исследования, то оно звучало бы примерно так: всестороннее познание соотношения международного и национального права обеспечивается изучением этого соотношения в контексте взаимодействия тех экономических, политических и социальных факторов, порождением которых являются эти системы права и на развитие которых они оказывают регулирующее воздействие.

Одним из методов, позволяющих исследовать сложные объекты, состоящие из множества элементов и взаимосвязей, является системный подход. «Системный подход к исследованию, — отмечает А. И. Уемов, — как раз и представляет собой одну из форм конкретизации принципов диалектики, прежде всего принципа взаимосвязи явлений»⁴⁹.

И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин пишут, что «системный подход самое непосредственное отношение имеет к обеспечению правильной постановки научных проблем. Действительно, наиболее очевидные успехи системного мышления связаны именно и прежде всего с новой постановкой проблем»⁵⁰. Поэтому мы считаем, что системный подход позволяет по-новому рассматривать проблему соотношения международного и национального права, ставить вопросы, которые ранее вообще не ставились, или формулировать старые вопросы под другим углом зрения.

Применение системного подхода к изучению данной проблемы предполагает рассмотрение международного и национального права как определенных систем, состоящих из взаимодействующих элементов (подсистем), в совокупности обладающих качеством (подсистем), в которых отсутствует системное качество, отсутствующим в них в отдельности (системным качеством), и представляющих относительно обособленную целостность, и представляющую среду. Но этого недостаточно. Системный подход требует изучения международного и национального права в системе взаимодействия тех общественных отношений, порождением которых они являются и на которые оказывают обратное воздействие, а также исследований в качестве элементов (подсистем) более широких социальных систем, их соотношения как результата и частного случая взаимодействия этих социальных систем.

Наиболее точным и четким, а в плане системного подхода (и, как нам представляется, именно благодаря ему), по существу, единственным определением места международного права является даваемое Г. И. Тункинским понятие «международной системы», которая включает государство, государственноподобные образования, борющиеся за независимость, которые, включает государства, государства в процессе становления, национальные организационные и другие союзы государств, межгосударственные организации и другие союзы государств, отношения между этими элементами, а также международное право и другие социальные нормы⁵¹.

Государство является своеобразным элементом международного системы. Оно входит в международную систему лишь как носитель, субъект межгосударственных отношений. Государства, являясь главными компонентами международной системы, осуществляют свои основные функции вне этой системы⁵², — отмечает Г. И. Тункин. «Этот факт делает отношения между международно-специфический характер этих отношений оказывающей влияние не только на развитие и функционирование международной системы, но также на развитие и функционирование международной права как части международного системы»⁵³. Более того, данное обстоятельство имеет большое значение для исследования проблемы соотношения международного и национального права. Если международное право является подсистемой международной системы, то национальное право находится в ее и соотношении международного и национального права —

это взаимодействие двух регулирующих подсистем различных систем — международной системы и внутригосударственных систем. Отсюда вытекает необходимость изучения соотношения международного и национального права как частного случая взаимодействия внутригосударственных систем и международной системы в целом.

То обстоятельство, что государство, являясь элементом международной системы, в основном находится вне ее, подчеркивает необходимость изучения соотношения международного и национального права как различных систем права. Входя в различные более широкие системы, являясь их регулирующими подсистемами, они не могут образовать единую целостную систему, как утверждают монисты. Другой аспект этого же факта, а именно, что государство все-таки является элементом международной системы, свидетельствует о тесном взаимодействии между государством (с его подсистемами) и другими элементами международной системы, в том числе и между национальным и международным правом. Государство, входя в международную систему как целое, будучи связанным с другими элементами этой системы через определенные входы и выходы, может действовать вовне (в рамках международной системы) только через свои органы, должностные лица и т. д. «Функции и сферы деятельности государства связаны с индивидами (государство является действенным только через посредство индивидов)...»⁵⁴, — подчеркивал К. Маркс. То есть и внешнее действие всегда требует определенных внутренних действий, отражается внутри государства. Так как действие вовне подпадает под регулирующее воздействие международного права, а связанные с ним внутригосударственные акты регулируются национальным правом, естественно, требуется взаимодействие и согласованность международного и национального права. В чем же непосредственная причина этого взаимодействия и каков его характер?

Право не самоцель. Оно является средством достижения определенных социальных целей, которые осуществляются путем регулирования общественных отношений. Следовательно, в рамках определенной социальной системы право теснее всего связано с общественными отношениями, а правовые отношения являются формой других общественных отношений. Поэтому требование изучения соотношения международного и национального права как частного случая взаимодействия внутригосу-

дарственных систем и международной системы конкретизируется в необходимости исследования взаимовлияния регулируемых соотноственно международным и национальным правом общественных отношений, которые, как мы считаем, являются объектом регулирования этих правовых систем.

Объектом права выступают определенные общественные отношения, возникающие по поводу различных материальных и нематериальных благ, а не сами эти блага. В противном случае было бы трудно провести вообще границу между объектами различных систем права. Например, вопросы защиты различных систем вообще международных договоров, хотя непосредственно вообще не право. То есть отношения, связанные с национальной защитой и осуществлением прав человека, регулируются только национальным правом, являются объектом национального права. Объектом же этих международных договоров являются отношения между государством и работником по поводу регулирования внутренних государственных отношений.

Если бы объектом международного права были различные материальные или нематериальные блага, то пришлось бы признать, что прав был Г. Кельзен, когда писал: «Отношения между работодателем и работником, например, являются определено внутреннегосударственными отношениями, и их правовое регулирование — типичный внутреннегосударственный вопрос. Но раз государство заключило договор с другими государствами по поводу регулирования этих отношений, то они становятся между работодателем и работником — всегда внутреннегосударственными отношениями. Они регулируются только национальным правом. Однако между государствами могут возникнуть отношения по поводу регулирования внутренних правоотношений (этих внутреннегосударственных отношений). Международное право в таком случае регулирует межгосударственные отношения, складывающиеся по поводу регулирования определенных внутреннегосударственных отношений».

Юристы, занимающиеся проблемой соотношения международного и национального права, чаще всего пишут, что международное право регулирует международные (или межгосударственные) отношения, а национальное право — отношения внутреннегосударственные⁵⁶.

Теоретики международных отношений также делят общественные отношения в зависимости от их связей с государством на две категории: международные и внутренние государственные. Так, акад. Н. Н. Ипоземцев отмечает: «Международные отношения, отражая базисные и надстроечные отношения внутри государств, представляют собой совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических, военных и иных связей и взаимоотношений между государствами и системами государств, между основными классами, основными социальными, экономическими, политическими силами, организациями и общественными движениями, действующими на мировой арене, то есть между народами в самом широком смысле этого слова»⁵⁷. Основание деления отношений на международные и внутривнутригосударственные в данном случае иное, чем у юристов-международников. Если последние делят общественные отношения в зависимости от того, объектом какого права они являются, то теоретики международных отношений критерием для включения отношений в разряд международных берут выход их за пределы одного государства. Более точным и полным, на наш взгляд, является определение, данное Е. Т. Усенко, который пишет: «Международные отношения по своей форме — это либо отношения между государствами, в том числе государствами, находящимися в стадии своего становления (народы и нации, борющиеся за свою независимость), а также между государствами и международными организациями, и отношения последних между собой, либо отношения, не имеющие межгосударственного характера (отношения между отдельными лицами, предприятиями, общественными организациями, партиями и т. п.)»⁵⁸. Наиболее полным, по нашему мнению, было бы деление общественных отношений в зависимости от их связей с государством на три категории: 1) межгосударственные отношения; 2) международные отношения негосударственного характера; 3) внутривнутригосударственные отношения. Если межгосударственные отношения, за редкими исключениями⁵⁹, регулируются международным правом, то сторонами последних двух категорий отношений являются субъекты национального права. Это, однако, не препятствует тому, что национальное право оказывает большое влияние на регулирование межгосударственных отношений и на международное право, последнее же воздействует на регулирование внутривнутригосударственных отношений и осо-

бенно международных отношений негосударственного характера.

Не требует особых доказательств то положение, что процессы, происходящие в каком-либо государстве, отражаются на взаимоотношениях этого государства с другими государствами. Как правило, происходящее внутри страны является внутренним делом этого государства, однако некоторые явления внутригосударственного характера могут оказать такое влияние на межгосударственные отношения, что государства договариваются о регулировании этих внутригосударственных отношений определенным образом. Примером могут служить вопросы защиты прав человека, которые, являясь, по существу, внутригосударственными, иногда затрагивают отношения между государствами и поэтому могут породить нарушения прав человека «у себя дома» — почти безошибочное свидетельство агрессивного внешнеполитического курса и наоборот. Так было, например, в 50-х годах в США, когда «охота на ведьм» в своей стране сопровождалась политической «холодной войной» на международной арене. Известный американский специалист по международным отношениям С. Гофман, например, признает, что внутреннее согласие с политической «холодной войной», проводимой Соединенными Штатами на международной арене, было достигнуто подавлением гражданских свобод внутри страны. «Эра консенсуса привела за собой тревожную, „охоту на ведьм“⁶⁰, — считает он. Однако скорее — наоборот. «Охота на ведьм», подавление малейшего инакомыслия создавали иллюзию согласия общественного мнения с внешней политической государственности.

Усиление агрессивных тенденций во внешней политике Белого дома в начале 80-х годов также сопровождается новой волной подавления элементарных прав человека внутри страны. Не случайно всего за три дня до вступления Р. Рейгана на пост главы государства американский журнал «Нейшн» напечатал статью, посвященную программе расширения власти американских спецслужб, снятию всех ограничений в их деятельности. Статью эту автор недвусмысленно озаглавил: «Отвязывая собак маккартизма»⁶¹. Подавление инакомыслия внутри страны должно, по мнению Вашингтона, развязать руки для агрессивного внешнеполитического курса, вмешательство во внутренние дела других государств,

для нового тура еще более оголтелой борьбы против национально-освободительного движения.

Еще теснее связаны с межгосударственными отношениями международные отношения негосударственного характера. Так как субъектами этих отношений выступают или индивиды, или юридические лица, то они не могут регулироваться непосредственно международным правом. Но воздействие на них только национальных права может привести к конфликтам между нормами национального права различных государств, поэтому национальные права различных государств, по-разному регулирующие эти отношения. Это ведет к возникновению межгосударственных отношений по поводу упорядочения международных отношений негосударственного характера. Поэтому можно сказать, что между государствами возникают международные правовые отношения по поводу регулирования внутригосударственных отношений или международных отношений негосударственного характера.

Во всех этих случаях содержанием норм международного права является обязанность государств обеспечить регулирование определенным в нормах международного права образом отношения с участием субъектов национального права. Она реализуется при помощи норм национального права.

Следующим аспектом взаимосвязи межгосударственных и внутригосударственных отношений является то обстоятельство, что государство вовне действует при помощи своих органов и должностных лиц, взаимоотношения между которыми, принципы их деятельности, компетенция и т. д. регулируются национальным правом. Например, заключение международных договоров регулируется как международным, так и национальным правом именно потому, что здесь тесно соприкасаются межгосударственные и внутригосударственные отношения. В национальном праве могут также содержаться принципы внешней политики государства, реализующиеся в конечном счете на международной арене при помощи норм международного права. Непосредственно же эти принципы обязательны только для государственных органов, участвующих в осуществлении внешнеполитических функций.

Как отмечает Е. Т. Усенко, и международные властные отношения могут иногда регулироваться национальным правом⁶². Случается это тогда, когда реализация этих отношений фактически происходит на тер-

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ритории какого-либо одного государства (дипломатические и консульские отношения). Так как такие отношения являются отношениями между государствами — субъектами власти, то и регулируются они международным правом. С другой стороны, орган, реализующий эти отношения (посольство, консульство), его должностные лица действуют на территории иностранного государства, вступают в непосредственные связи с его органами, должностными лицами, гражданами, чье поведение (в том числе в отношении органов и должностных лиц иностранного государства) регулируется нормами национального права. В таком случае данные нормы конкретизируют и уточняют положения международного права. Другой случай — область разграничения мер, ширина территориального верховенства государств (например, ширина территориальных вод, государственные границы, корабли в заграничном плавании) и область прав государств в пространствах, лежащих за пределами их территории (континентальный шельф, рыболовные и другие зоны и т. д.).

Таким образом, отношения, регулируемые международным правом, взаимодействуют с отношениями, регулирующимися объектом национального права. Естественно, что в результате этого взаимодействуют и сами правовые системы, регулирующие соответствующие отношения. Следовательно, если в широком смысле отношению, что национальное право взаимодействуют потому, что взаимосвязаны и взаимодействуют государство и международная система, то непосредственной причиной взаимодействия международного и национального права является взаимодействие между регулируемыми этими системами права общественными отношениями.

Взаимодействие международного и национального права происходит в виде их взаимодействия. Первичным при этом является влияние национального права на международное. «Государство создает международное право, а не наоборот», — отмечает Г. И. Тункин. Признание такой первичности отнюдь не означает признания примата национального права над международным. Она вытекает из первичности внутренней политики над политической внешней. Как правило, внутренняя политика является определяющей по отношению к внешней, хотя в разные исторические периоды для конкретных стран ситуация может быть обратной.

Первичность влияния внутреннего права не означает, что нормы международного права в чем-то уступают нормам национального права. Государства должны выполнять свои международные обязательства независимо от того, соответствует такое выполнение нормам национального права или нет. Эта первичность означает, что в процессе создания норм международного права государство исходят из принципов и норм своего национального права и не идут на создание норм международного права, противоречащих основам их социального и политического строя, закрепленным, как правило, в конституционных нормах. Государства также стараются не заключать международных соглашений, выполнение которых требовало бы от них осуществления значительных изменений в своем национальном праве. Что же касается взаимодействия уже существую-

щих норм международного и национального права, их соотношения в процессе реализации, то выполнение принципа, что государство не может ссылаться на национальное право в оправдание невыполнения своих международных обязательств, означает определенный приоритет норм международного права над национальным правом в процессе применения тех и других.

Национальное право оказывает двойное влияние на международное право. Во-первых, это влияние влияния на нормы национального права на содержание содержания международного права. Такое влияние можно назвать материальным. Во-вторых, это влияние норм национального права, касающихся порядка создания норм международного права (заключения международных договоров), на действительность норм международного права. Так как этот аспект влияния национального права на международное право имеет дело с нормами, касающимися процесса создания норм международного права, то его можно назвать процессуальным влиянием.

Влияние содержания норм национального права на международное право

Исследование теоретических проблем соотношения международного и национального права позволяет сделать вывод о том, что причиной взаимодействия этих систем права является взаимодействие этих систем и общественных отношений и происходит такое взаимодействие в характерной для права государственно-левой форме. Нормы национального права среди других внутрисударственных факторов оказывают влияние на волю государства, на его международно-правовую позицию и через них — на международное право. Особенностью воздействия национального права на международное право по сравнению с другими внутренними факторами является то, что это воздействие однопорядковых явлений, юридически обязательные правила поведения на другие юридически обязательные правила поведения, действующие в другой сфере.

Какие же нормы национального права могут влиять на международное право? Во-первых, закрепленные в национальном праве принципы внешней политики государства; во-вторых, нормы национального права, регу-

лирующие конкретную внешнеполитическую деятельность государства (например, заключение договоров, правовое положение иностранных дипломатических и консульских представительств в стране и т. д.); в-третьих, нормы национальных права, регулирующие отношения между субъектами национального права из разных стран; в-четвертых, нормы национальных права, регулирующие чисто внутрисударственные отношения, могущие породить межгосударственные отношения по поводу их регулирования; в-пятых, определенные юридические максимы, обеспечивающие внутреннюю согласованность правовых систем и возникшие, как правило, в рамках национального права.

Нередко государства в законодательном порядке закрепляют принципы своей внешней политики. Особенно отчетливо это видно в Советской Конституции 1977 года. Но уже с первых дней своего существования Советское государство в законодательном порядке закрепило принципы своей внешней политики. В Декрете о мире, принятом II Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 г., провозглашались такие принципы, как право наций на самоопределение и запрещение агрессивных войн². Эти принципы, конечно, не сразу вошли в международное право, но, руководствуясь ими, Советское государство неизменно добивалось, чтобы они стали законами международной жизни.

Вся международная практика показывает, что, чем прогрессивнее общественный строй государства, тем большее влияние оказывают нормы его национального права на международное право. Так, под влиянием декретов французской буржуазной революции в международное право вошли принципы уважения суверенитета государства, невмешательства во внутренние дела и некоторые другие прогрессивные принципы, против которых в эпоху империализма активно выступают буржуазные государства, объявляя их устаревшими. В XX веке основные изменения в международном праве произошли под влиянием дипломатии социалистических государств, действующих в соответствии с конституционными принципами своих стран.

В Конституции СССР 1977 года закреплены основные направления внешней политики СССР. Во-первых, внешняя политика Советского государства «направлена на обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, защиту государст-

венных интересов Советского Союза». Эта цель может быть достигнута только укреплением позиций мирового социализма, что и составляет основное направление нашей внешней политики. «Центральным направлением внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства было и остается укрепление единства и сплоченности государств социалистического содружества»³, — подчеркнул член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Основной целью внешней политики СССР в отношении развивающихся государств является поддержка борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс. «Верный своему интернациональному долгу, Советский Союз неизменно стоит на стороне народов, борющихся за независимость и социальный прогресс, против колониализма и неоколониализма, расизма и апартеида»⁴.

В отношении капиталистических государств СССР главным считает последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем, что, в свою очередь, предполагает предотвращение агрессивных войн, достижение всеобщего и полного разоружения.

Это основные направления внешней политики СССР, для реализации которых Советский Союз придерживается определенных принципов, закрепленных в ст. 29 и 30 Конституции. Отношения СССР с другими государствами строятся на основе соблюдения принципов «суверенного равенства; взаимного отказа от применения силы или угрозы силой; нерушимости границ; территориальной целостности государств; мирного урегулирования споров; невмешательства во внутренние дела; уважения прав человека и основных свобод; равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничества между государствами; добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключенных СССР международных договоров».

Отношения СССР с социалистическими государствами строятся на основе принципов социалистического интернационализма, которые, ни в коей мере не противоречат принципам отношений СССР с другими государствами, идут значительно дальше по пути укрепления дружбы и сотрудничества между братскими странами.

В нашу цель входит не рассмотрение содержания всех этих принципов, так как это сделано в работах советских юристов-международников (Миронов Н. В., Собакин В. К., Тункин Г. И.), а исследование соотношения этих принципов с основными принципами современного международного права.

Сравнение принципов отношений СССР с другими государствами, содержащихся в ст. 29 Конституции, и основных принципов международного права, как они закреплены, например, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, показывает, что их формулировки полностью совпадают. Что это означает?

С одной стороны, это свидетельство влияния внешней политики СССР на современное международное право. Руководствуясь в течение всего своего существования этими ленинскими принципами внешней политики, Советское государство добилося того, что они стали общепризнанными, вошли в современное международное право в качестве его основных принципов. С другой стороны, их конституционное закрепление упреждает правовую основу внешней политики СССР, служит правовой гарантией ее полного соответствия общепризнанным принципам и нормам международного права.

Но означает ли совпадение формулировок, что это один и те же принципы? Например, В. К. Собакин пишет, что «перечисленные в ней (в Конституции. — Р. М.) десять конституционных принципов отношений СССР с другими государствами суть не что иное, как десять принципов взаимных отношений государств, определенных Советским по безопасности и сотрудничеству в Европе... Включение в Конституцию СССР принципов внешней политики, согласованных на международном уровне, вовсе не означает, что она восприняла нечто чужеродное извне. Следует напомнить, что десять принципов международных отношений, согласованных в Хельсинки, — это не что иное, как принципы мирного сосуществования, за которые с такой убежденностью и последовательностью боролся основатель Советского государства В. И. Ленин и которые Советское государство отстаивает на протяжении всего своего существования»⁵. Г. И. Тункин, сравнивая конституционные принципы СССР с основными принципами международного права, подчеркивает другую сторону их соотношения: «Необходимо иметь в виду, что речь идет о срав-

нении принципов различных юридических систем: системы национального права СССР и системы международного права. Их положения различаются как по социальной природе, так и по нормативному содержанию. Общепризнанные принципы и нормы международного права, являясь результатом согласования воли государств с различными и даже противоположными социальными системами, имеют общедемократический характер, в то время как нормы национального права СССР — это нормы социалистические. Первые адресованы субъектам международного права, закрепляют их национальные права»⁶.

Следует отметить, что во взаимоотношениях между народного и национального права часто бывает, что одно из них содержит нормы, подлежащие реализации в сфере действия другого. Ниже мы исследуем подробнее, как нормы международного права, имеющие своей целью регулирование определенных общественных отношений в сфере действия национального права, реализуются при помощи последнего. То же самое, только в обратном порядке, происходит, если в национальном праве закрепляются принципы внешней политики государства.

Эти принципы направлены на регулирование отношений данного государства с другими, хотя непосредственно они действуют только в отношении субъектов национального права этого государства. Главным образом они определяют направление деятельности органов, участвующих в осуществлении внешнеполитических функций государства, должностных лиц. Они определяют также направление правотворческой деятельности в области внешней политики государства. Например, принятие Закона о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР 1978 года направлено непосредственно на осуществление конституционных принципов внешней политики СССР. Полностью же реализация этих принципов происходит на международной арене, в отношениях между государствами, и поэтому здесь нормы международного права помогают реализовать на деле эти принципы, их имплементация происходит на международной арене при помощи норм международного права.

Конституционные принципы внешней политики СССР и основные принципы современного международного

права имеют не только различную нормативную природу. У них различно и социальное содержание. Почему же нормы, имеющие различное социальное содержание, сформулированы одинаково? Ответ на этот вопрос — в сложном содержании норм права вообще и международного права в частности. Содержание правовой нормы включает три элемента: «правило поведения, как такое, цель, которая везде имеет социальный характер, и действительное влияние на общественные отношения»⁷, — отмечает Г. И. Тункин.

Если сравнить конституционные принципы внешней политики СССР и основные принципы международного права, можно заметить, что у них совпадает один элемент нормы — правило поведения. Социальные цели и фактическое влияние на общественные отношения у них различны, хотя, конечно, не противоположны, как это может быть в случае норм национального права государств различных социальных систем, даже если у них совпадает правило поведения.

Например, в ГДР до принятия в 1976 году Гражданского кодекса наряду с отдельными постановлениями, изданными по различным вопросам гражданского права, применялись правила Германского гражданского уложения, действовавшего в бывшей Германской империи с января 1900 года⁸. Однако если раньше эти правила использовались в интересах буржуазии и юнкерства, то в социалистическом государстве они служили интересам социалистического строительства. Поэтому это не одни и те же нормы. Хотя правило поведения у них и совпадало, их социальные цели различны. При этом для понимания социальных целей тех или иных норм недостаточно знакомства лишь с текстом какой-либо отдельной статьи законодательства. Цели обнаруживаются исследованием того или иного правила поведения в контексте системы права в целом.

Что же касается конституционных принципов внешней политики Советского Союза и основных принципов современного международного права, то они имеют одно направление, но цели принципов внешней политики СССР идут дальше по пути общественного прогресса, чем цели основных принципов международного права, хотя, конечно, осуществление последних помогает творению в жизнь первых. «Современное международное право, — указывает Г. И. Тункин, — способствует прогрессу человеческого общества, а этот прогресс неизбежно

но связан с социализмом, ведет к социализму, облегчает борьбу за социализм»⁹.

Основными целями внешней политики СССР являются обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, укрепление далеко идущие цели не стоят перед современным общим международным правом. Его цели скромнее, но они действуют в одном направлении с принципами внешней политики СССР.

Кроме принципов внешней политики государства, значительное влияние на международное право оказывают знаменитые положения на международное право через международно-правовую позицию государства, являющуюся частью его внешнеполитической позиции, национальное право содержит нормы, регулирующие многие конкретные формы осуществления внешнеполитических функций. Эти нормы также тесно взаимодействуют с международным правом, оказывают на него определенное влияние. Особенно это заметно на примере дипломатического и консульского права.

Национальное право всех государств содержит нормы, касающиеся правового положения иностранных дипломатических представительств и дипломатов на территории государства. Через практику государств эти нормы, первоначально возникшие, как правило, в национальном праве, вошли в качестве обычных норм в международное право. При разработке Конвенции о дипломатических сношениях, принятой в Вене в 1961 году, Комиссия международного права ООН запрашивала сведения о нормах национального законодательства по этой проблеме и руководствовалась ими в своей работе.

Заметное влияние на право международных договоров оказывали нормы национального права, касающиеся заключения международных договоров. Комиссия международного права при разработке Венской конвенции о праве международных договоров также руководствовалась нормами национального законодательства различных государств.

Часто целью норм международного права является достижение определенного урегулирования отношений между субъектами национального права. «Посредством международных договоров, — отмечает, например, Е. Т. Усенко, — государства определяют не только свои взаимные права и обязанности, но нередко также права и

обязанности своих физических и юридических лиц, то есть своих граждан и организаций»¹⁰. В таких случаях национальное законодательство нередко служит примером для норм международного права, которые затем, в свою очередь, могут стать образцами для национально-го законодательства.

Если речь идет о регулировании отношений между субъектами национального права из разных стран, то большую роль в появлении новых норм международного права играет так называемое «параллельное законодательство». Государства, одинаково регулирующие те или иные отношения, закрепляют эти совпадающие положения в договорах или они входят в международное право через его обычные нормы.

В период после второй мировой войны заключено значительное число международных договоров, регулирующих отношения между государствами по поводу защиты прав и свобод человека. Непосредственно эти права и свободы предоставляются индивидам государством, закрепляются в нормах национального права. Поэтому при создании норм международного права в области защиты прав человека каждое государство стремится закрепить в них свою концепцию прав человека, исходит из возможностей своего национального права. Отсюда вытекает огромное влияние национального права на содержание этих норм международного права. В этой области особенно заметно влияние советского законодательства. А. П. Мовчан отмечает: «Разрешение органами ООН вопроса о перечне прав и свобод, вошедших во Всеобщую декларацию, пакты о правах человека, Конвенцию о политических правах женщин и другие документы, является ярким примером того влияния, которое оказывают на развитие современного международного права прогрессивные принципы и начала внутригосударственных систем права»¹¹. Под влиянием Советского государства, его национального права в международном праве появились нормы, обязывающие государства представлять своим гражданам право на труд, на отдых, на образование и др.

Любая система права, и международное право не является исключением, содержит определенные юридические максимы, которые, не регулируя непосредственно какие-либо общественные отношения, направлены на обеспечение согласованности между отдельными положениями данной правовой системы. Так, правила «спе-

циальный закон отменяет общий», «последующий закон отменяет предыдущий», «договор не наделяет правами и не налагает обязательств на третьи стороны» и т. д., возникшие первоначально в национальном, главным образом в римском, праве, путем соглашения между государствами вошли в международное право. «Такого рода положения, — отмечает Г. И. Тункин, — хотя и являются правовыми, суть не нормы права»¹². Многие из таких юридических максим, образовавшиеся, как правило, в недрах национального права и воспринятые затем международным правом, стали так называемыми общими принципами права¹³.

Влияние норм национального права, касающихся порядка заключения международных договоров, на действительность договоров

Заключение международных договоров является одной из важнейших форм осуществления внешнеполитических функций государства. В их реализации участвуют различные органы государства, его должностные лица, между которыми возникают отношения по поводу осуществления этих функций. «Деятельность органов внешних сношений, — указывает П. Ф. Мартыненко, — образует вокруг себя «поле» особых внутригосударственных отношений»¹⁴. Эти отношения регулируются нормами национального права, которые определяют компетенцию органов государства, их взаимодействие и другие стороны деятельности в процессе осуществления внешних функций.

С другой стороны, заключение международных договоров — это область взаимоотношений между государствами (или другими субъектами международного права), и, следовательно, эти отношения регулируются нормами международного права. В результате имеются две группы норм, регулирующих процесс заключения международных договоров. Одни из них являются частью международного права (частью права международных договоров), другие — нормы национального права, касающиеся порядка заключения международных договоров.

Отсюда вытекает необходимость координации между нормами этих двух систем права в данной области —

в области заключения договоров. Такая координация действительно имеет место. Например, при разработке конвенции о праве международных договоров Комиссия международного права детально изучила законодательство и практику различных государств в вопросе заключения договоров. По просьбе Генеральной Ассамблеи государства представили ООН выдержки из своего законодательства и меморандумы к ним¹⁵. При разработке же нового советского Закона о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР 1978 года были учтены положения Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.

Однако это не означает, что нормы национального права повторяют положения норм международного права или наоборот. Нормы международного права, в том числе и нормы, определяющие порядок заключения договоров, регулируют отношения между государствами, нормы же национального права, включая нормы о заключении международных договоров, регулируют отношения между субъектами национального права. Если нормы международного права регулируют процесс выражения и согласования воли между государствами в деле заключения международных договоров, то в нормах национального права акцент ставится на процессе формирования воли государства, сотрудничества различных государственных органов в деле заключения международных договоров.

Тесное взаимодействие международного и национального права при регулировании заключения международных договоров обусловило возникновение нормы международного права, согласно которой нарушение определенных положений национального права, касающихся порядка заключения договоров, может повлечь за собой недействительность таких договоров. Так, ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров предусматривает, что государство может ссылаться на нарушение норм своего национального права, касающихся компетенции заключать договоры, как на основание недействительности договора, только если данное нарушение было явным и касалось нормы его внутреннего права особого значения.

Когда на практике возникали споры о действительности того или иного договора, заключенного в нарушение требований норм внутреннего права, то речь шла всегда о нарушении конституционных положений, ка-

сающихся необходимости одобрения договора перед его ратификацией главой государства законодательным органом страны. Данная проблема характерна для буржуазных государств в силу осуществления на практике доктрины разделения властей. Если эта доктрина, ее применение на практике создают предпосылки для возникновения настоящей проблемы, то необходимое условие для ее действительного появления — расхождение между «писаной» и «фактической» конституциями во многих буржуазных странах. В вопросе заключения договоров это проявляется в том, что если конституционные акты предоставляют исполнительным органам достаточно широкие полномочия в деле заключения международных договоров, то практика идет еще дальше по пути их расширения.

Международные договоры во всех буржуазных странах заключаются исполнительной властью. Однако в большинстве из этих стран конституционные акты требуют участия в этом процессе законодательных органов. Такое участие осуществляется, как правило, путем одобрения ими договора до его ратификации главой государства.

Если брать только тексты конституционных актов, отвлекаясь от практики их применения, то можно выделить четыре группы стран. Во-первых, страны, конституции которых требуют одобрения законодательным органом всех международных договоров до их ратификации (США, Швейцария, Япония и др.). Например, ст. 73 Конституции Японии предусматривает, что в обязанности кабинета входит «заключение договоров; при этом требуется предварительное или, в зависимости от обстоятельств, последующее одобрение Парламента»¹⁶. Вторая группа — это государства, конституции которых требуют одобрения законодательным органом только определенных категорий международных договоров (Франция, ФРГ, Австрия, Бельгия и др.). Например, п. 1 ст. 50 Конституции Австрии гласит: «Все политические государственные договоры, другие же государственные законы, нуждаются для своей действительности в одобрении Национальным советом»¹⁷. Третью группу составляет одно государство — Нидерланды, Конституция которого содержит общее правило о необходимости предварительного одобрения международных договоров законодательным органом (ст. 60). Однако другая статья

(ст. 62) делает исключения для некоторых категорий договоров. В четвертую группу входят страны, в конституционных актах которых вообще не содержится положений о необходимости предварительного одобрения договоров законодательными органами (Великобритания, Австралия, Канада и др.).

Однако практика заключения международных договоров показывает, что такая классификация, будучи верной в отношении формальных текстов конституций, не соответствует действительному положению вещей. Общее закономерности в деле заключения, а также исполнения договоров, пробивая себе дорогу через особенности, обусловленные национальными традициями, уровнем развития страны и т. д., на практике сближают позиции государств в вопросе заключения международных договоров. В государствах, где конституция требует одобрения законодательным органом всех договоров, практика идет по пути все более широкого применения так называемых договоров в упрощенной форме, заключаемых без такого одобрения. С другой стороны, необходимость имплементации договоров внутри страны, в сфере действия национального права, посредством издания актов законодательными органами породила практику внесения договоров на рассмотрение этих органов в тех странах, где, согласно конституционным нормам, одобрение договоров законодательным органом не является обязательным.

Практика всех буржуазных стран знает так называемые соглашения в упрощенной форме, которые, как правило, не требуют ни ратификации, ни одобрения со стороны законодательного органа. Если, например, Конституция США говорит только о международных договорах, заключаемых президентом с советом и согласия сената, то на практике встречаются различные международные соглашения. М. Макдугал и А. Лэнс насчитывают всего пять категорий международных договоров и соглашений, действующих в США: 1) договоры, заключаемые по совету и с согласия сената; 2) исполнительные соглашения конгресса, которые заключаются президентом на основе резолюции обеих палат конгресса или с последующей санкции конгресса; 3) соглашения, заключаемые в исполнение действующего договора; 4) президентские исполнительные соглашения, заключаемые президентом в рамках своих собственных полномочий; 5) соглашения, заключаемые в рамках местных полномочий конгресса и президента¹⁸.

Хотя Конституция Швейцарии требует одобрения всех договоров Союзным собранием, а некоторые договоры должны одобряться также на референдуме (ст. 89), длительная практика Швейцарии показывает, что большинство международных договоров заключается без процедуры одобрения или референдума¹⁹.

Изменения, внесенные в Конституцию Нидерландов в 1953 и 1956 годах, требуют предварительного одобрения парламентом большинства международных договоров. Если практика США пошла по пути заключения исполнительных соглашений, то в Нидерландах, для того чтобы не представлять на одобрение парламента многие международные договоры, пошли по другому пути. И. ван Панхойс пишет, что требование одобрения большинства договоров парламентом породило два пути для обхода этого правила: «1) временное применение договоров до их последующего одобрения парламентом и 2) заключение соглашений сроком до одного года с условием их последующего молчаливого возобновления по истечении этого периода»²⁰.

С другой стороны, в странах, где национальное право не требует предварительного одобрения договоров до их ратификации, складывается практика представления на рассмотрение парламента определенных категорий международных договоров, как правило, после подписания, но до ратификации. В Великобритании с течением времени сложилось так называемое «правило Понсонби», согласно которому все требующие ратификации договоры представляются на рассмотрение парламента. Такие договоры обычно не ратифицируются от имени Соединенного Королевства до истечения 21 рабочего дня парламента, отсчитываемого с момента представления договора на рассмотрение парламента²¹. А. Жакони-Миллетт отмечает, что «в Канаде стало обычной практикой представлять определенные категории международных договоров парламенту на одобрение до их ратификации»²².

В сближении на практике двух крайних положений в конституциях буржуазных государств по вопросу об одобрении договоров законодательным органом проявляются вполне реальные соображения практического характера. Ясно, что в условиях интенсивных договорных связей немислимо рассмотрение всех международных договоров по самым различным вопросам законодательным органом страны. В то же время многие меж-

дународные договоры затрагивают вопросы, входящие в компетенцию этих органов, и исполнение таких договоров невозможно без соответствующих действий с их стороны. Поэтому большинство конституций буржуазных государств содержат положения об одобрении наиболее важных договоров до их ратификации главой государства парламентом страны. Те же государства, национальное право которых требует одобрения всех договоров, и страны, конституционные положения которых совсем не предусматривают одобрения договоров парламентом, на практике отходят от крайних позиций своих конституционных положений.

Только исходя из особенностей исполнения договоров внутри страны можно верно оценить сам процесс заключения договоров в тех или иных государствах. Как мы увидим в дальнейшем, национальное право стран, где международные договоры могут действовать на территории страны в результате санкционирования такого действия нормами национального права, содержит положение о необходимости одобрения определенных категорий договоров. При этом всегда нуждаются в одобрении договоры, требующие для своего исполнения изменения национальных законов страны. В то же время внутреннее право Великобритании и некоторых других государств не требует предварительного одобрения договоров до их ратификации главой государства. В этих государствах договоры сами не могут действовать внутри страны, в сфере действия национального права. Осуществление положений договоров внутри страны возможно только путем издания в каждом случае специального акта имплементации (enabling legislation). Поэтому предварительное одобрение договоров законодательным органом не играет здесь такую важную роль, как в странах, где договоры в результате узаконивания норм национального права могут действовать внутри страны. В последних требования одобрения являются в определенной мере средством защиты национального права от «чрезмерного» влияния со стороны международного права и не позволяют исполнителю власти «законодательствовать» путем заключения международных договоров, то есть служит доктрине разделения властей.

Практика представления договоров на одобрение в тех странах, где национальное законодательство не требует одобрения, порождена также необходимостью ис-

полнения договоров. Предварительное рассмотрение и одобрение договора парламентом увеличивает вероятность принятия в последующем (или одновременно с одобрением) этим же органом необходимых для исполнения договора норм национального права.

В большинстве буржуазных государств парламент одобряет договоры (или отказывает им в одобрении) в целом (Франция, ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Австрия, Швейцария). Сенат же США может рассматривать и одобрять договоры по частям, предлагая свои поправки к ним. Если, в случае многостороннего договора, поправки сената могут в конечном счете вылиться в одобрение США к договору, то в отношении двустороннего договора они означают отказ в одобрении того или иного договора.

Большинство государств одобряют договоры в форме, аналогичной прохождению законопроектов в законодательных органах этих стран. Договоры обсуждаются в комиссиях парламентов, затем на пленарных заседаниях, а после одобрения часто публикуются наряду с актами национального законодательства.

Конституции Австрии и Нидерландов предусматривают возможность заключения договоров, изменяющих положения конституций. Процедура одобрения таких договоров в законодательном органе совпадает с процедурой внесения изменений в конституции. Пункт 2 ст. 50 Конституции Австрии гласит: «К постановлениям Национального совета об одобрении государственных договоров применяются соответственно правила пп. 1—4 ст. 42 и, если договор вносит изменения в конституционный закон, правила п. 1 ст. 44». Пункты 1—4 ст. 42 Конституции определяют порядок принятия законов, а п. 1 ст. 44 — порядок принятия конституционных законов. В Нидерландах парламент дважды применил процедуру одобрения международных договоров, содержащих «отступления от положений Конституции», — процедуру, совпадающую, по существу, с процедурой изменения Конституции страны (одобрение договора о создании так называемого Европейского оборонительного сообщества, который так и не вступил в силу из-за отказа ему в одобрении со стороны парламента Франции, и соглашения между Нидерландами и Индонезией по поводу Новой Гвинеи)²³.

Можно ли считать эти положения конституций доказательством признания примата международного права (международных договоров) над нормами национального права? По нашему мнению, нет. Хотя они и сформулированы иначе, но, по существу, эти положения аналогичны ст. 54 Конституции Франции, которая предусматривает, что если «какое-либо международное обязательство содержит положения, противоречащие Конституции, то разрешение на его ратификацию или одобрение может быть дано только после пересмотра Конституции». Следовательно, ни в одной из этих стран международные договоры не могут противоречить конституции. Поэтому вышеприведенные положения конституций Австрии, Нидерландов и Франции не могут служить доказательством примата международного права над правом внутригосударственным.

Каково юридическое значение одобрения международных договоров законодательным органом страны?

Проблема имеет два аспекта: международно-правовой и национально-правовой. В плане международно-правовом, что одобрение международного договора законодательным органом страны не означает выражения согласия государства на обязательность для него договора. Для этого всегда еще необходим акт исполнительной власти (ратификация, утверждение и т. д.). Поэтому одобрение в международном плане является разрешением, даваемым одним государственным органом (законодательным) другому органу (исполнительному), выразить волю государства в деле заключения международного договора, если это является необходимым согласно нормам национального права. Одобрение — это один из этапов формирования воли государства.

Сложнее обстоит дело с вопросом о внутригосударственном значении одобрения. Означает ли одобрение международного договора парламентом, часто происходящее в форме издания закона об одобрении, придание положениям международного договора силы внутригосударственного закона?

Вопрос этот частично относится к проблеме исполнения договоров внутри государства и поэтому подробнее будет рассмотрен в следующей главе. Здесь же можно ограничиться следующим.

Роль одобрения внутри страны зависит от значения, придаваемого ему нормами национального права или практикой государства. Анализ же практики буржуаз-

ных стран показывает, что само одобрение не означает придания положением международного договора силы внутригосударственного закона. В тех государствах, где положения международных договоров могут действовать внутри страны (США, Франция, Нидерланды и т. д.), они действуют в силу отсылки к ним со стороны норм национального права, а не в силу одобрения, хотя в определенных условиях отсутствие одобрения может служить основанием неприменения положений договора национальными судами и арбитражами.

В странах, где сами положения международных договоров не действуют внутри страны (Англия, Канада, Италия, ФРГ и др.), одобрение также не означает придания договору внутригосударственной силы, хотя довольно часто законодательный орган, одобряя договор, в этом же акте предусматривает меры по его имплементации. Однако это опять-таки не само одобрение, которое придает силу внутригосударственного закона тем или иным положениям договора, а специальное указание законодательного органа о придании им такой силы, хотя часто оба действия содержатся в одном документе.

Сами государства также не рассматривают одобрение в качестве акта, придающего договору силу внутригосударственного закона. Правительство Люксембурга в меморандуме, представленном по просьбе ООН, объясняет, что одобрение нельзя смешивать с законодательством. «Оно является просто актом контроля и согласия в большинстве случаев одобрения»²⁴. Кроме того, хотя в большинстве случаев одобрения и протекает аналогично значительные исключения. Например, совет и согласие сената США явно не аналогичны процессу принятия законов, где участвуют обе палаты конгресса. В Швейцарии же, где, как уже отмечалось, некоторые законы требуют их одобрения на референдуме, только очень немногие одобряются этим путем. При этом, согласно изменениям, внесенным в Конституцию страны в 1977 году, обязательно должны одобряться на референдуме только договоры, связанные с участием в организациях коллективной безопасности и в международных организациях наднационального характера²⁵. Наконец, одобрения законодательного органа часто требуют договоры общеполитического характера, регулирующие чисто межгосударственные отношения и не требующие

для своего исполнения предпринятия каких-либо действий со стороны субъектов национального права.

Как видим, нормы национального права играют важную роль при заключении международных договоров. Что же случается, если договор заключен в нарушение норм национального права, касающихся порядка его заключения?

В ходе выработки текста Конвенции о праве международных договоров в Комиссии международного права выявилось несколько точек зрения по этому вопросу. Такая же картина существует и в доктрине международного права. Во-первых, нет единства в вопросе о том, соблюдение каких норм национального права может вызвать недействительность договоров. Шведский автор Х. Бликс, например, отмечает, что «существуют различные положения в нормах национальных договоров государства, касающиеся функции заключения договоров»²⁶. Он выделяет «нормы, которые определяют международный договора или определенных категорий договоров... Эти нормы можно назвать ограничивающими компетенцию в узком смысле слова. Далее, существуют нормы, которые должны соблюдаться при заключении различных договоров. Эти положения можно назвать процессуальными ограничениями. О международном значении именно этих норм идет главным образом спор. Кроме того, существуют положения, которые можно назвать явно выраженные ограничениями по существу договоров. Они запрещают заключение договоров определенных категорий». Бликс выделяет еще подразумеваемые ограничения, касающиеся существа договоров. Американский юрист Д. Динер считает, что во внутригосударственном законодательстве существует два типа ограничений относительно заключения международных договоров: процессуальные ограничения и ограничения по существу договоров²⁷. Другой американский автор — К. Т. Олвер выделяет конституционные ограничения, касающиеся возможности заключения договоров, и ограничения, относящиеся к исполнению внутри страны уже заключенных договоров²⁸. Нарушение каких из этих ограничений может оказать влияние на действительность договоров?

Большинство юристов-международников (среди тех, которые вообще рассматривают нарушение норм национального права как имеющее отношение к вопросу о

действительности договоров) считают, что только нарушение норм, определяющих порядок заключения договоров, может повлечь за собой недействительность договоров. Некоторые же юристы полагают, что нарушение норм национального права вообще не может оказывать никакого влияния на действительность или недействительность договоров. Так, Д. Анцлотти пишет, что «международное право вменяет государству волеизъявление по поводу заключения договора, совершенное в должной форме главой государства, причем международное право делает это безотносительно к конституционным положениям, которые так или иначе ограничивают его компетенцию или определяют его обязанность»²⁹. Существование различных взглядов в доктрине выявилось при разработке в Комиссии международных права проекта статей о праве международных договоров. Два первых специальных докладчика — Дж. Брайерли и Х. Лутерпахт — твердо стояли на позиции оспоримости действительности договора, заключенного в нарушение конституционного права и практики государства³⁰. Третий и четвертый докладчики подошли к проблеме иначе. Х. Уолдок, например, заявил, что он «основывает свои предположения на принципе, что согласие государства на обязательность для него договора является действительным, если это согласие выражено лицом, которое в силу норм международного права компетентно совершать такие действия от имени государства»³¹.

Нет единства в данном вопросе и среди советских юристов-международников. Так, В. М. Шуршалов пишет: «Международные договоры, заключенные с нарушением установленных конституционных норм соответствующих государств, по своему характеру неправомерны и могут быть расторгнуты по требованию любого из договаривающихся государств»³². А. Н. Талалаев считает, что «международный договор, как и понятие его действительности, — это понятие исключительно международного права. Поскольку это так, действительность международных договоров определяется лишь нормами международных договоров, а не внутреннего»³³.

Международное и национальное право — это различные системы права, и, следовательно, условия действительности норм какой-либо из них должны содержаться в рамках той же системы права. Однако, являясь различными системами права, международное и национальное право тесно взаимодействуют друг с другом, нормы од-

ной из них порой оказывают значительное влияние на нормы другой системы права, и каналом, через которое оказывается такое взаимное влияние, является воля государства. А. Н. Талалаев пишет, что, для того чтобы договор был действительным, необходимо, чтобы были «стороны, обладающие международной правосубъектностью, подлинное соглашение этих субъектов, правомерный объект соглашения. Только при наличии этих условий международный договор будет действительным»³⁴. Раздел 2 ч. V Венской конвенции о праве международных договоров более конкретно определяет условия, при наличии которых договор является оспоримым либо ничтожным. Статья 46 имеет дело с нарушениями норм внутреннего права относительно компетенции заключать договоры, ст. 47 касается специальных ограничений на выражение воли государства, ст. 48 — ошибки в договоре, ст. 49 — обмана и ст. 50 — подкупа представителя государства. Во всех этих случаях международный договор является оспоримым, и объединяет их то, что при наличии вышеуказанных обстоятельств договор не выражает подлинной воли государства, хотя имеются надлежащие субъекты и объект договора правомерен.

Основной целью издания государством норм внутреннего права, касающихся порядка заключения договоров, является необходимость обеспечения выражения подлинной воли государства (господствующего класса в государствах эксплуататорского типа, воли всего народа в социалистических государствах). «...Нарушения установленного в конституциях процесса волеобразования, — пишет А. Н. Талалаев, — могут привести к таким существенным порокам воли, что она не будет подлинной волей государства и, следовательно, не сможет образовать действительного соглашения государств... Однако недействительность международного договора в этом случае будет не просто результатом несоблюдения договора, являющимся государством тех или иных норм конституционного права, а следствием пороков его воли, отсутствия подлинного соглашения, то есть недействительности и в этом случае будет определяться нормами международного права»³⁵.

Автор несомненно прав, считая, что основание недействительности международных договоров надо искать в международном праве и в данном случае таким основанием является порок воли государства. Однако порок воли является в значительной степени «результатом несоб-

людения государством тех или иных норм конституционного права», и именно на несоблюдение этих норм может ссылаться государство, внутренние нормы которого были нарушены. Г. И. Тункин в выступлении на XV сессии Комиссии международного права заметил: «Поскольку при заключении договора имеет место изъявление воли государства, то очевидно, что международное право не может не учитывать постановления национального законодательства о компетенции органов, вступающих при заключении договора»³⁶. Думается, что ключ к верному подходу к проблеме в словах «международное право не может не учитывать постановления национального законодательства». То есть условия действительности международного договора содержатся, конечно, в международном праве, но именно последнее предусматривает, что в определенных случаях нарушение норм национального права, касающихся «компетенции заключать договоры» (ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров), может служить основанием для признания недействительным согласия государства на обязательность для него договора.

Поэтому не всякое нарушение норм национального права, касающихся порядка заключения международных договоров, а только нарушение, предусмотренное нормами международного права, может служить основанием для оспаривания действительности договора. При этом право оспаривать имеет только сторона, чье национальное право нарушено, так как именно ее воля оказалась неподлинной. Воля же другой стороны была направлена на заключение именно такого договора.

Статья 46 Венской конвенции о праве международных договоров сформулирована в негативной форме. Основное правило гласит: государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия. Напомним, что первые специальные докладчики Дж. Брайерли и Х. Лаутерпахт предлагали данную статью в позитивной форме. Однако окончательный вариант Комиссии международного права, а также ст. 46 конвенции, принятой в 1969 году на дипломатической конференции в Вене, содержат отрицательную формулировку и только как исключение предусматривают, что в случае, если данное нарушение было

явным и касалось нормы внутреннего права особо важного значения, государство имеет право сослаться на такое нарушение как на основание недействительности его согласия. Как пишет нигерийский автор Т. Элайес, «отрицательная формулировка должна подчеркнуть то обстоятельство, что только в редких случаях на конституционные ограничения можно сослаться как на основание недействительности договоров»³⁷.

Многие авторы справедливо отмечают, что, как правило, буржуазные конституции, и особенно положения, касающиеся заключения международных договоров, далеко не всегда отражают реальность. Например, американский юрист К. Холлоуэй пишет: «Если влияние конституционных положений на действительность договоровных обязательств как в международной сфере, так и внутри страны было бы основано на концепции о «явных» (potogous) ограничениях на договорную правоспособность, то, согласно п. 2 ст. 2 (Конституции США. — Р. М.), ни одно международное соглашение, заключено ли оно в форме договора или исполнительного соглашения, не могло бы пройти проверку на конституционность»³⁸. Автор из ФРГ Л. Вильдхабер даже спрашивает, не является ли конституция не более чем инструментом в руках участников переговоров, которым они могут пользоваться для достижения своих целей, но которым они могут пренебречь, если это выгодно государству, партии или для личной карьеры. «Такое положение является слишком радикальным, — отвечает он сам, — но остается фактом, что не существует почти никаких санкций за заключение неконституционного соглашения»³⁹.

Это заставляет некоторых буржуазных ученых различать так называемые «писаные» и «фактические» конституции. Например, Г. Кельзен пишет, что «положение о том, что международное право оставляет на усмотрение конституции определение органа или органов, компетентных заключать договоры, должно толковаться в том смысле, что международное право оставляет это на усмотрение фактической конституции, которая может не совпадать с писаной конституцией»⁴⁰. А. Фердросс считает, что «писаная конституция с точки зрения международного права имеет значение до тех пор, пока речь идет о постоянно действующем порядке. Если же писаная конституция не только в своих отдельных положениях, но и принципиально противоречит фактическому государст-

венному порядку, то с точки зрения международного права авторитетным является не писаная конституция, а лишь фактически установленный порядок»⁴¹. Это еще раз показывает, как сложно определить, нарушение каких именно норм национального права может служить основанием для оспаривания действительности международных договоров. Этим определяется также необходимость осторожности в вопросе признания недействительным договора, заключенного в нарушение норм национального права.

Истории международного права известны прецеденты, когда государства оспаривают действительность договоров, обосновывая отказ от выполнения условий договора нарушением норм своего национального права при его заключении. Например, в 1832 году Франция объявила недействительным договор, заключенный с США, о возмещении ущерба за захват имуществ американных граждан на том основании, что отсутствовало одобрение законодательного органа⁴². В 1920 году правительство Румынии пыталось объявить недействительным торговый договор с Австрией, так как он не был одобрен парламентом⁴³. Но, насколько нам известно, еще не было случая, чтобы другая сторона (или другие стороны) согласились с аргументами первого государства. В 1935 году, например, в Лиге наций рассматривался спор между Персией и Ираком о границах. Граница между этими государствами была установлена договором и константинопольским протоколом от 4 ноября 1914 г. Представитель правительства Персии заявил: «Константинопольский протокол не был одобрен Меджлисом. Следовательно, отсутствуют необходимые условия для его действительности как в сфере национального права, так и в сфере международного права»⁴⁴. Представитель же Ирака ответил: «Я заявляю с уверенностью, что нарушение конституционных положений (например, отсутствие парламентского одобрения или ратификации) не имеет значения для действительности договоров в международной сфере, если договор заключен согласно нормам международного права и его положения не предусматривают одобрения или ратификации»⁴⁵.

Отсюда можно сделать вывод, что государства, как правило, руководствуются политическими соображениями, оспаривая действительность соглашения, заключенного в нарушение норм национального права. Юридическая аргументация служит главным образом для обосно-

вания недействительности политически невыгодных договоров.

Это, однако, не означает, что любой договор, какие бы ни были нарушения норм национального права при его заключении, должен быть признан действительным. В договоре должна воплотиться подлинная воля государства, а не воля какого-либо государственного органа или должностного лица. Если нарушения норм национального права являются настолько серьезными (а это, как правило, явные нарушения и всегда касаются норм особо важного значения), что в договоре не будет выражена подлинная воля государства, то на такие нарушения государство может ссылаться как на основание для оспаривания действительности договора. Но государство, ссылаясь на эти нарушения, должно само доказать, что именно в результате таких нарушений норм национального права произошло искажение его воли, так как международное право исходит из презумпции действительности договоров⁴⁶.

Примером международного договора, который был заключен главой государства без одобрения законодательных органов и явно не выражал волю государства в целом, может служить соглашение между Финляндией и фашистской Германией от 26 июня 1944 г., заключенное президентом Финляндии Ритти с министром иностранных дел Германии Риббентропом без всякого участия парламента Финляндии. Соглашение обязывало Финляндию не заключать мира с СССР без предварительного на то разрешения Германии. 1 августа Ритти был вынужден уйти в отставку, и 28 августа 1944 г. новое правительство Финляндии объявило о недействительности соглашения. В речи в парламенте 2 сентября 1944 г. и по радио на следующий день новый премьер-министр Хаккель заявил, что это соглашение не могло быть квалифицировано как международный договор согласно Конституции Финляндии, что дает Финляндии право отказаться от него⁴⁷.

От недействительности международных договоров, заключенных в нарушение норм национального права, на международной арене следует различать последствия таких нарушений, касающиеся осуществления положений договоров на территории государства. Эта проблема возникает главным образом в странах, где международные договоры в силу предписаний норм национального права могут действовать внутри страны, в сфере действия национального права. Так, согласно Конституции Австрии

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

(п. 1 ст. 50) международные договоры, если их содержание изменяет законы, нуждаются, чтобы быть действительными, в одобрении Национального совета⁴⁸. В деле «Покорны против Австрийской Республики» Верховный суд Австрии заявил, что положение п. 1 ст. 50 Конституции касается «внутригосударственной и конституционной» действительности международных договоров, а не их действительности на международной арене⁴⁹. Далее суд определил: «Если обязательство, содержащееся в настоящем договоре, являются действительными в сфере действия национального права, то требуется принятие специального федерального закона, чтобы выплатить необходимую компенсацию за ущерб, нанесенный в ходе военных действий»⁵⁰. В 1956 году юридический комитет сената США предложил поправку к Конституции США: «Положение договора или любого другого международного соглашения, которое противоречит какому-либо положению Конституции, лишено какой-либо юридической силы или действительности»⁵¹. Однако в комментариях комитет заявил, что слова «лишены какой-либо юридической силы или действительности» означают, что соглашение является недействительным только внутри страны. Комитет специально отметил, что международные обязательства по такому договору не затрагиваются предлагаемой статьей.

Фактически такое положение означает, что в государствах, признающих международные договоры частью права страны, в случаях, когда международный договор заключен в нарушение норм национального права и вследствие этого национальные правоприменительные органы отказываются руководствоваться положениями этого договора, образуется положение, сходное с положением в государствах, где международные договоры сами не могут действовать внутри страны. Как указывал Верховный суд Австрии в вышеприведенном деле, в таком случае появляется необходимость издания соответствующих норм национального права с целью имплементации положений таких договоров, которые, если бы при их заключении не были нарушены нормы национального права, действовали бы сами внутри страны.

Международное право оказывает обратное воздействие на национальное право. Под его влиянием в национальном праве возникают новые нормы, изменяются либо отменяются существующие, то есть, оказывая помощь международному праву с целью реализации его норм, национальное право подвергается изменениям, вызванным необходимостью исполнения норм международного права. Например, издание Постановления Совета Министров СССР от 16 июля 1976 г. «О мерах по усилению охраны от загрязнения бассейна Балтийского моря»¹ является, с одной стороны, мерой по осуществлению Конвенции по охране Балтийского моря от загрязнения от 1974 года, а с другой стороны, — это пример влияния международного права на содержание норм национального права. Д. Б. Левин отмечает, что вопрос о влиянии национального права на международное право «составляет не юридический, а социологический аспект проблемы соотношения международного и внутригосударственного права»². Зато вопрос о влиянии международного права на национальное право, не переставая быть и социологическим, представляет собой чисто юридический аспект этой проблемы именно в силу того, что влияние международного права на национальное право осуществляется главным образом как помощь последнего при осуществлении норм первого. То есть связь международного и национального права в этом аспекте является необходимой юридической связью.

Влияние международного права на национальное право, однако, не ограничивается помощью последнего осуществления норм первого. Нормы международного права могут оказать воздействие на национальное право даже тех государств, для которых они не обязательны. Так, СССР руководствовался в своем внутреннем законодательстве многими регламентами ИКАО до вступления в эту организацию в 1970 году.

Однако так как основное свое влияние международное право оказывает на национальное право именно потому, что его нормы для своей реализации нуждаются в помощи норм национального права, то в дальнейшем мы подробно рассмотрим этот аспект.

Национально-правовая имплементация — важнейший способ реализации норм международного права

Практика реализации норм международного права показывает, что большинство из них исполняются при помощи национального права. Международное право в целом, за исключением тех норм, которые адресованы международным организациям, осуществляется при содействии национального права. Чем это вызвано?

Г. Кельзен объяснил необходимость помощи национального права при исполнении норм международного права незавершенностью, неполнотой последних. Он писал: «Предыдущий анализ международного права показал, что большинство его норм являются неполными (incomplete) и требуют имплементации со стороны норм национального права»³. Это не так. Необходимость помощи национального права здесь не означает, что нормы международного права являются неполными, незавершенными. Суть в том, что особый характер международного права обуславливает и особенности реализации его норм.

Нормы международного права обязывают государство в целом, а не отдельные его органы или должностные лица. Однако вся деятельность государства осуществляется через последних, поведение которых регулируется нормами национального права. Например, согласно ст. 131 Конституции СССР, Совет Министров СССР «принимает меры к обеспечению выполнения международных договоров СССР». Статья 21 Закона о порядке заключения, ис-

полнения и денонсации международных договоров СССР 1978 года предусматривает, что «министерства, государственные комитеты, ведомства СССР, Советы Министров союзных республик и другие государственные органы, в компетенцию которых входят вопросы, регулируемые международными договорами СССР, обеспечивают выполнение обязательств, принятых по договорам Советской Страной...» Статья 23 Указа Государственного совета НРБ «Об участии Народной Республики Болгарии в международных договорах» от 5 августа 1975 г. определяет, что, «если международный договор предусматривает издание нормативного акта, Совет Министров принимает постановление по вопросам, входящим в его компетенцию, а по другим вопросам вносит предложения о принятии указа или закона»⁴.

Следовательно, если международное право налагает обязательство на государство в целом, то национальное право конкретизирует это обязательство, определяя органы государства, ответственные за выполнение норм международного права. Образно говоря, если норма международного права — это сигнал, направленный государству как целостному образованию, то принимается этот сигнал уже конкретными органами государства, обязательность которых принимать эти сигналы возникает из норм национального права, определяющих компетенцию органов государства, или из практики государства.

Если с точки зрения международного права его нормы обязательны только для государства в целом и неважно, какие органы (законодательные или исполнительные, центральные или местные) являются их конкретными исполнителями, то с точки зрения национального права нормы международного права обязательны не только для государства в целом, но и для конкретных, определенных нормами национального права органов государств. Поэтому любая норма международного права при ее исполнении государством требует помощи со стороны норм национального права. Это правило не касается лишь норм международного права, адресованных международным организациям. Эти нормы могут для своей реализации требовать помощи норм, регулирующих внутреннюю деятельность организации, то есть внутреннего права международной организации.

Следовательно, первая особенность международного права, обуславливающая необходимость помощи норм национального права при исполнении норм международ-

ного права, заключается в том, что субъектами международного права являются сложные социальные образования, к которым международное право относится как к нерасчлененному целому и, как правило, не принимает во внимание сложную структуру этих образований и особенности их функционирования. Г. Трипель еще в начале века правильно заметил эту особенность международного права, когда писал, что «сам характер международного права заставляет его опираться на внутреннее право. Международное право регулирует общую жизнь государств, но государство способно действовать через свой собственный механизм, который является результатом действия правовых норм, созданных им самим»⁵.

Второй особенностью международного права, также определяющей необходимость содействия норм национального права при исполнении норм международного права, является то обстоятельство, что в нормах последней часто содержатся положения, имеющие конечной целью регулирование не отношений между государствами (регулирование отношений между государствами является средством для достижения конечной цели), а отношений с участием субъектов национального права. Так как такие положения реализуются в действиях субъектов национального права, то нужна их «переадресовка» последним, что достигается при помощи норм национального права.

Этим двум особенностям соответствуют и два способа такой помощи. Во-первых, помощь национального права при исполнении положений международного права направленных на регулирование чисто межгосударственных отношений. Исполнение этих положений не требует, как правило, каких-либо действий со стороны субъектов национального права (индивидов и юридических лиц). Поэтому и нет необходимости их «переадресовки» последней части механизма государства, действовать определенная урегулировано нормами национального права, и помощью последних состоит в обеспечении наилучшего функционирования этого механизма в деле исполнения норм международного права. Во-вторых, помощь при исполнении норм международного права, имеющих целью достижение определенных урегулирования отношений с участием субъектов национального права. Исполнение таких положений международного права требует или издания новых материальных норм национального права, измене-

ния либо отмены уже существующих норм или применения внутри страны самих предписаний норм международного права для регулирования отношений с участием субъектов национального права.

Для обозначения процесса исполнения норм международного права внутри страны при помощи норм национального права используются различные термины. Наиболее часто в международно-правовой литературе можно встретить термин «трансформация». При этом большинство авторов, применяющих этот термин, считают его условным, указывая на его некоторую неточность (В. Г. Буткевич, Е. Т. Усенко, С. В. Черниченко и др.). Нет четкости и в объеме этого понятия. Так, одни ученые считают, что этим термином охватываются все способы осуществления норм международного права внутри страны, а другие полагают, что трансформация — это лишь один из способов наряду с другими способами осуществления норм международного права внутри страны. Уже это указывает на неточность данного термина. Но главное в том, что этот термин и охватываемое им понятие неправольны и по существу.

Когда государство заключает договор, требующий для своей реализации действий со стороны субъектов национального права, то, как показывает практика, возможны два основных варианта помощи национального права. Во-первых, государство может включить в свое национальное право норму (или несколько норм), относящую к нормам международного права, в силу чего последние могут действовать внутри страны, регулировать отношения между субъектами национального права. Этот способ исполнения положений международного права принято называть отсылкой. Однако отсылка, как мы ниже покажем подробнее, подходит для исполнения не всех норм международного права. Вторым и более универсальным способом является принятие государством норм национального права (или изменение либо отмена уже существующих), способствующих исполнению предписаний международного права. Эти нормы национального права могут повторять текстуально некоторые правила международного права, конкретизировать и адаптировать их к особенностям социального строя и правовой системы государства. Иногда для реализации норм международного права могут применяться уже существующие материальные нормы национального права. Так как в этом случае в национальное право вводятся (инкорпо-

рируются) новые нормы национального права, принятые с целью исполнения международного права, то этот способ можно было бы назвать инкорпорацией. Нужно, однако, оговориться, что здесь речь идет не о какой-то одной инкорпорации в национальное право норм международного права. Изданные во исполнение норм международного права нормы национального права — это всегда другие нормы как по своей юридической, так часто и по социальной природе.

Существует несколько форм отсылки. Отсылка может относиться ко всему международному праву (чаще всего ко всем международным договорам). Такая отсылка, как правило, содержится в конституции страны. Она закреплена, например, в разд. 2 ст. 6 Конституции США: «...Договоры, которые заключены или будут заключены Соединенными Штатами, являются верховным правом страны...» Другая форма отсылки — отсылка определенной группы норм национального права к определенной части норм международного права. Например, ст. 129 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливает, что «если международным договором или международным соглашением, в котором участвует СССР, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском законодательстве, то применяются правила международного договора или соглашения»⁶. Если первую форму можно назвать общей отсылкой, так как отсылка идет от всего национального международного права ко всему международному праву (или ко всем отсылка, отсылка от части национального права к части международного права. Кроме того, существует отсылка, которую можно назвать специальной отсылкой, так как отсылка идет к конкретной норме международного права. Например, ст. 4 Постановления СНК от 27 июля 1926 г. «Об общей и частичной отсылкой, так как отсылка идет к конкретной норме международного права. Например, ст. 4 Постановления СНК от 27 июля 1926 г. «Об общей и частичной отсылкой, так как отсылка идет к конкретной норме международного права, о возмещении убытков от столкновения судов и о морских протестах»⁷ отсылка для определения ответственности за вред от столкновения морских судов к соответствующим нормам правил относительно столкновения судов, подписанных 23 сентября 1910 г. в Брюсселе.

Некоторые советские ученые, трактующие трансформацию в широком смысле этого слова, считают, что юридическая природа отсылки заключается в превращении норм международного права в нормы национального

права. Можно ли здесь говорить о трансформации одних норм в другие?

Отсылка одних правовых норм к другим — довольно распространенный элемент юридической техники. Часто нормы национального права отсылают к другим нормам национального права этого же государства. Так, ст. 8 ГК РСФСР определяет случаи, когда в РСФСР применяется гражданское законодательство других союзных республик. Статья 12 Кодекса о браке и семье РСФСР устанавливает, что «исчисление сроков, установленных настоящим Кодексом, производится по правилам, предусмотренным главой 5 Гражданского кодекса РСФСР». Национальное право одного государства иногда отсылает к национальному праву другого государства. Например, ст. 10 ГК РСФСР гласит, что «суд в соответствии с законом применяет нормы иностранного права». В международных договорах часто содержатся положения, отсылающие к нормам национального права. Так, Соглашение между СССР и Финляндией от 26 апреля 1974 г. в области туризма в ст. 5 предусматривает, что оно «вступает в законную силу спустя 30 дней с момента обмена уведомлениями Договаривающихся сторон, подтверждающими, что надлежащие конституционные процедуры для вступления в силу настоящего Соглашения выполнены»⁸. Становятся ли в этих случаях нормы системы (или отрасли) права, к которой делается отсылка, нормами отсылающей системы?

Мы считаем, что нет. Отсылка во всех этих случаях не трансформирует нормы одной правовой системы или отрасли права в нормы другой системы или отрасли, а санкционирует применение норм отсылающей системы (отрасли) в сфере действия отсылающей системы (отрасли). Отсылка не преобразует природы той нормы, к которой она отсылает»⁹, — совершенно правильно подчеркивает Н. В. Миронов.

Нужно различать два понятия: система права данного государства и применяемое в данном государстве право. Второе понятие шире первого. На территории государства применяются не только нормы национального права, а своего государства, но и нормы иностранного права. Но как также положение норм международного права. Но как иностранное право, так и положения норм международного права могут применяться только с разрешения (санкции) норм «своего» права, и единственной формой такого разрешения является отсылка.

Здесь мы подходим, по нашему мнению, к главному недостатку не только термина, но и самого понятия «трансформация». Дело тут не в условности этого термина. Уязвимость теории трансформации, как нам представляется, будет хорошо видна, если мы сравним отсылку к нормам международного права с содержащимися в коллизийных нормах отсылками к иностранному праву.

Общим для обеих отсылок является, по нашему мнению, то, что они санкционируют применение норм «чужой» правовой системы в рамках действия «своего» права. Однако превращаются ли таким образом применяемые нормы в нормы отсылающей системы права?

Естественно, что применение какого-либо юридического правила в сфере действия «чужой» правовой системы судьями, арбитрами и другими должностными лицами, привыкшими иметь дело главным образом или исключительно со «своим» правом, происходит не совсем так, как «у себя дома». Это может иметь место, например, при применении Общих условий поставок СЭВ в государствах — членах Совета Экономической Взаимопомощи. Это происходит и при применении норм иностранного права. В Италии даже существует доктрина, согласно которой норма иностранного права, для того чтобы она могла применяться на территории государства, должна трансформироваться в норму итальянского права, толковаться «в соответствии с тем общим духом, который присущ закону суда»¹⁰. Подобная доктрина противоречит общепризнанному в международном частном праве правилу о том, что «если закон определяет государственную власть в известных случаях предписывает применять правовые нормы другого государства, то они подлежат применению так, как их применили бы в данном случае суды соответствующего иностранного государства»¹¹.

Если норма иностранного права фактически и применяется несколько иначе, чем «у себя дома», то следователен доктрине трансформации могло бы лишь усилить степень различия в применении одной и той же нормы в рамках «своей» правовой системы и в сфере действия отсылающей системы права, «узаконить» это различие.

Так же обстоит дело и с применением правил международных договоров внутри государства, в сфере действия национального права в случае санкционирования такого применения национальным правом.

В гл. I мы показали, что общественные отношения, могущие быть объектом правового регулирования, в за-

висимости от их связи с государством делятся на международные, внутригосударственные и международно-государственные, внутригосударственные и международно-государственные отношения негосударственного характера. Отсылка к международным договорам, как показывает законодательство и особенно практика государств, возможна и целесообразна тогда, когда речь идет не об урегулировании межгосударственных отношений. Эти правила не имеют целью регулировать поведение субъектов национального права и по своему характеру не могут этого делать, даже если договоры, в которых они содержатся, объявляются формально частью права страны (как, например, в США). Не подходит отсылка и для осуществления правил международных договоров, имеющих целью достижение определенного урегулирования внутригосударственных отношений. Почему?

Отвечая на этот вопрос, нужно различать возможность применения отсылки и целесообразность этого. В международных договорах содержатся двоякого рода правила, имеющие целью достижение определенного урегулирования отношений с участием субъектов национального права. Первые — это готовые к применению правила. Они могут применяться для регулирования отношений с участием субъектов национального права в неизменном виде. Другие правила определяют лишь границы, в рамках которых каждое государство само должно конкретизировать выполнение своих обязательств. Такие правила должны также реализовываться на территории государства, но применяются они всегда различным образом в разных государствах, хотя, конечно, в рамках, установленных нормой международного права.

Отсылка как способ исполнения норм международного права на территории государства возможна только к тем положениям норм международного права, которые сформулированы достаточно конкретно и полно, то есть которые по своему характеру готовы к применению для регулирования отношений с участием субъектов национального права. Такие нормы часто называются самоисполняющимися. Только они могут применяться для урегулирования отношений с участием субъектов национального права без конкретизации и адаптации к праву государства. В таком случае становится возможным применение самих норм международного права, но не непосредственно, а опосредствованно отсылочной нормой национального права.

Что касается положений международных договоров, направленных на регулирование внутригосударственных отношений, то они, как правило, сформулированы довольно широко, то есть устанавливают лишь границы поведения, а не конкретные правила. В. А. Карташкин мер, вопросы защиты прав человека. В. А. Карташкин совершенно правильно пишет, что «при разработке норм, относящихся к правам человека, государства с провинто-относящимися к правам человека, государства сознательно не положными обещание многих осуждаемых категорий уточняют содержание многих осуждаемых категорий и, разумеется, не дают им классовой оценки. Они исходят из того, что существуют взаимоприемлемые определения понятий «демократия», «права и свободы человека», «социальный прогресс» и т. д., охватывающие наиболее общие черты этих категорий»¹².

Вполне понятно, что такие положения норм международного права не могут применяться для регулирования внутригосударственных отношений, то есть они являются несоисполняющимися. Требуется их конкретизация, адаптация к особенностям социального строя государства, его правовой системы. Поэтому даже если и существует в национальном праве отсылка к договору, содержащему подобные правила, то последние остаются лишь на бумаге, если не будут изданы (конечно, если их еще нет) соответствующие нормы национального права.

Поэтому обоснованный расуждения австрийского ученого Х. Ю. Уйболу об имплементации в Советском Союзе договоров, касающихся сотрудничества государств в области защиты прав человека. Он недоволен тем, что положения этих договоров непосредственно не объявлены действующими на территории СССР и требуют для своего осуществления имплементирующего законодательства. Он пишет, что в таком случае «зависит от государства, будет ли не будет имплементирован договор вообще... С точки зрения политической такой подход является весьма сомнительным»¹³. Но стоит только открыть, допустим, текст Пакта о политических и гражданских правах, чтобы убедиться, что там черным по белому написано: «Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется принять необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами (выделено мной. — Р. М.) и положениями настоящего Пакта для принятия таких законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в настоящем Пакте». Ясно, что положе-

ния Пакта адресованы непосредственно только государствам, что для своего осуществления они требуют принятия государствами законодательных, то есть внутригосударственных, мер.

Объявление же положений договоров о правах человека действующими внутри страны вряд ли что-то дает действительной их защите, так как эти положения, как правило, являются несоисполняющимися. Так, Конституционный суд Италии в решении от 6 февраля 1978 г. по поводу применения отдельных положений Пакта о гражданских и политических правах 1966 года, которому Законом № 891 от 25 октября 1977 г. была придана сила закона в Италии, отказался признать такую силу за соответствующими положениями Пакта, потому что «Закон определенно имплементировал только самоисполняющиеся положения Пакта»¹⁴. В Англии в ходе дебатов в палате лордов представитель правительства заявил по поводу Конвенции и Протокола о беженцах, что «язык международных соглашений, которые применимы к странам с различными правовыми и административными системами, редко подходит для того, чтобы эти соглашения можно было прямо инкорпорировать в право Соединенного Королевства...»¹⁵.

Иначе обстоит дело с договорами, содержащими правила, имеющие целью достижение определенного регулирования отношений между субъектами национального права из разных стран. Такие договоры, часто заключаемые с целью унификации норм национального права различных государств, регулирующих международные отношения негосударственного характера различным образом, исключают необходимость обращения к коллизийной норме, отсылающей или к внутреннему праву своей страны, или к иностранному праву. Однако тем самым требуется применение отсылочной нормы к данному международному договору. То есть заключение международного договора, имеющего целью достижение определенного регулирования международных отношений, исключая необходимость обращения к коллизийной норме, требует применения отсылочной нормы, санкционирующей действие правил международного договора на территории государства.

В силу того что правила этих договоров формулируются обычно достаточно конкретно и полно, то есть по своему характеру они готовы к применению для регули-

рования отношений с участием субъектов национального права, становится возможным их применение для урегулирования соответствующих отношений.

Кроме того, существует и целесообразность применения именно отсылки как способа исполнения предписаний норм международного права на территории государства для реализации положений договоров, имеющих целью достижение урегулирования международных отношений негосударственного характера. Дело в том, что граждане и юридические лица данного государства вступают в различные отношения (экономические, культурные и т. д.) с гражданами и юридическими лицами из разных стран. Данное государство с одними государствами заключает договоры с целью урегулирования этих отношений, с другими же по тем или иным причинам таких договоров нет. Да и договоры с разными государствами часто предусматривают различный правовой режим для этих отношений. В результате получается, что отношения граждан и юридических лиц государства А с гражданами и юридическими лицами государства В имеют иной правовой режим, чем аналогичные отношения с гражданами или юридическими лицами государства В и т. д. Другими словами, при урегулировании отношений между внутригосударственными субъектами из разных стран действие положений международных договоров создает для этих отношений специальный правовой режим, в то время как нормы национального права создают общий правовой режим для аналогичных внутригосударственных отношений и отношений граждан и юридических лиц данного государства с гражданами и юридическими лицами государств, с которыми данное государство не заключило договоры об урегулировании этих отношений. Это означает, что одновременно могут действовать на территории одного и того же государства два (или даже более) правовых режима для урегулирования аналогичных отношений. Эти режимы могут действовать одновременно на одной и той же территории.

Примером может служить защита авторских прав. СССР является участником Женевской конвенции об авторском праве 1952 года, а также ряда двусторонних договоров с некоторыми социалистическими странами по этому вопросу. В нашем внутреннем законодательстве существует целый правовой институт — советское авторское право. Поэтому в вопросах защиты авторского права есть определенные различия в зависимости от того,

защищается ли авторское право советского гражданина в СССР, граждан государств, с которыми нами заключены двусторонние договоры по этому вопросу, либо граждан стран — участниц Женевской конвенции. Права же авторов из тех стран, с которыми у нас отсутствуют договорные связи по этому вопросу, вообще не подлежат защите.

Режим, предусмотренный положениями международного договора, имеющего целью достижение определенных и урегулирования внутригосударственных отношений, и режим, создаваемый нормами национального права для урегулирования аналогичных отношений, по объему полностью перекрывают друг друга. Их соотношение не является соотношением специального и общего режима, а отношением общего режима к общему режиму. Поэтому, если в результате отсылки положения такого договора и объявляются действующими внутри страны, то они не могут действовать наряду с общими положениями национального права по этому же вопросу, отодвигая их в сторону для данного случая по принципу *lex specialis derogat generali* (частным законом отменяется общий), как это может иметь место при урегулировании международных отношений негосударственного характера. Соотношение тех и других может регулироваться, например, исходя из принципа *lex posterior derogat priori* (последним законом отменяется более ранний). Поэтому было бы нецелесообразным применять отсылку к международному договору, когда речь идет о регулировании внутригосударственных отношений, даже если это было бы возможно (как мы показали раньше, как правило, это и невозможно в силу характера соответствующих положений международного права).

Так как положения договоров, направленных на регулирование международных отношений негосударственного характера, формулируются, как правило, с достаточной полнотой, что позволяет ими руководствоваться при решении конкретного вопроса, то нецелесообразно принимать для имплементации таких договоров в каждом случае нормы национального права, повторяющие положения международного договора. Достаточно, чтобы национальное право санкционировало применение положений последних внутри страны.

Как и в случае коллизии отсылки к иностранному праву, при отсылке к международному договору его положения, направленные на создание единообразного пра-

вского режима для международных отношений негосударственного характера, должны применяться одинаково во всех государствах — участниках договора. Если фактически их применение и имеет своеобразные черты в разных государствах (а это нужно стремиться свести к минимуму), то это не означает трансформации их в нормы внутреннего права. Их превращение в нормы внутреннего государства, что и трансформация норм иностранного права в нормы «своего» права. Правилom следует считать положение, что предписания международных договоров, направленные на регулирование международных отношений негосударственного характера, должны применяться единообразно во всех государствах — участниках договора, независимо от особенностей их национального права. В США, как уже отмечалось, Конституция объявляет международные договоры частью права страны, то есть их положения действуют на территории государства не как правила международного права, а как интегральная часть внутреннего права государства. Такая ситуация может легко привести, как мы покажем ниже, к нарушению норм международного права, так как в случае противоречий между положениями международного права и нормами национального законодательства действует принцип *lex posterior derogat priori*, сами же правила договоров толкуются и применяются в контексте национального права, чем легко может искажаться их действительный смысл.

С учетом всего вышесказанного можно сделать вывод, что отсылка к нормам какой-либо другой правовой системы не превращает и не должна превращать нормы отсылаемой системы в нормы отсылающей системы права.

Еще одним аргументом против того, что отсылка-де трансформирует норму международного права в норму национального права, является то обстоятельство, что отсылка применяется, как правило, при регулировании международных, а не внутригосударственных отношений. Другое дело, что это международные отношения с участием субъектов национального права, но от этого они не становятся внутригосударственными, и государства заключают между собой договоры, направленные на регулирование этих отношений, не для того, чтобы органы различных государств — участников таких договоров, трансформируя эти нормы в свое национальное право, толко-

вали и применяли такие договорные правила различным образом в каждом государстве — участнике договора. Цель этих договоров — создание специальных правил для особой категории общественных отношений.

Вторым способом исполнения предписаний норм международного права внутри государства, как мы уже отметили, является инкорпорация. Можно ли здесь говорить о трансформации норм международного права в нормы национального права? Думаается, что и в этом случае вряд ли можно, если быть точным, говорить о превращении норм международного права в нормы внутреннего права. Здесь на основе и во исполнение положений международного права издаются (изменяются либо отменяются) нормы национального права. Разве мы говорим о трансформации положений конституции в нормы текущего законодательства, если на основе и во исполнение конституции издаются акты текущего законодательства? Речь скорее идет о реализации, осуществлении, имплементации конституционных положений посредством актов текущего законодательства. Поэтому мы считаем, что не происходит никакой трансформации норм международного права в нормы национального права в случае, например, издания Указа Президиума Верховного Совета СССР об уголовной ответственности за угон воздушного судна от 3 января 1973 г., принятого с целью реализации положений Монреальской конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 года. Это акт внутригосударственной имплементации международного договора. Следовательно, договоры, устанавливающие лишь рамки, в пределах которых сами государства уточняют и конкретизируют свои обязательства, относящиеся к регулированию общественных отношений, сторонами которых являются субъекты национального права, не могут применяться внутри страны в результате отсылки к ним.

Единственным способом их осуществления на территории государства является инкорпорация. Конкретные, детальные положения договоров, готовые к применению в сфере действия национального права, уже не требуют их дальнейшей конкретизации. Более того, их адаптация к национальному праву страны могла бы исказить их действительный смысл. Нельзя конкретизировать конкретное. Поэтому такие положения договоров должны в государствах-участниках применяться еди-

нообразно. Ведь ясно, что государства включают в договоры такие детали положения не случайно, а для того, чтобы они применялись во всех государствах-участниках в неизменном виде. Поэтому никакого изменения, никакой «трансформации» таких правил не требуется для их применения внутри страны. Достаточно государства для правомерной санкции в виде отсылки.

В советской международно-правовой литературе довольно широко распространено мнение, что ратификация международного договора придает ему силу внутригосударственного закона, то есть, по существу, ратификация рассматривается в качестве одной из форм трансформации международного договора в норму внутригосударственного права. «Ратификация имеет двойное значение. Во-первых, — это утверждение международного договора верховной властью государства (и в этом ее международно-правовое значение) и, во-вторых, — это придание постановлением договора юридической силы внутригосударственного закона после приобретения договором международного-правовой силы действия. В этом своем качестве ратификация имеет значение трансформации»¹⁶, — пишет Е. Т. Усенко. А. Н. Талалаев считает, что «указы Президиума Верховного Совета СССР о ратификации международных договоров не являются индивидуальными актами, а представляют собой особые нормативные акты, подлежащие официальной систематизации в числе других советских нормативных актов. Юридическая сущность этих актов заключается в придании международным договорным нормам внутригосударственной юридической силы»¹⁷.

Другой точки зрения придерживается Д. Б. Левин. Он пишет: «Что же касается акта ратификации международного договора (и последующего опубликования его в Собрании законов), то этот акт юридически означает только то, что государство признало для себя договор действительным в его отношениях с другими участниками договора, вообще — в международно-правовой сфере (разумеется, после вступления договора в силу), но отнюдь не означает приведения договора в действие внутри государства, в государственно-правовой сфере»¹⁸. С. Л. Зивс также отмечает, что «ратификация международного договора, его вступление в силу вовсе не означают, что международный договор тем самым приобрел характер источника внутригосударственного права прямого действия, т. е. акта, который обязаны исполнять

и граждане, и юридические лица, а суды и иные органы государства применять»¹⁹.

Ратификация международного договора является одним из способов выражения согласия государства на обязательность для него договора. Если признать, что ратификация придает договору силу внутригосударственного закона, то, логически рассуждая, нужно прийти к выводу, что и другие формы выражения согласия на обязательность договора для государства придают ему силу если не закона, то норм национального права меньшего значения. Следовательно, это означало бы, что все международные договоры явились бы одновременно и нормами национального права. Конечно, это не так. Международно-правой договор регулирует отношения между государствами и другими субъектами международного права и не наделяет правами и не налагает непосредственно обязательств даже на отдельные органы государства, а тем более на граждан и юридических лиц.

Как мы уже установили, любой договор после его вступления в силу на международную арене становится обязательным не только для государства в целом, но и для определенных (определенных нормами национально-го права или практикой государства) органов государства. Например, международный договор, касающийся вопросов сотрудничества государств в области сельского хозяйства, сразу же после вступления в силу на международной арене становится обязательным для Министерства сельского хозяйства СССР. Но происходит это не в силу его ратификации Президиумом Верховного Совета СССР (такой договор может вообще не подлежать ратификации и вступить, например, в силу в результате подписания), а в силу указаний ст. 21 Закона о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР, на основании которой соответствующие органы государства обязаны обеспечить выполнение всех договоров, а не только ратифицированных.

Благодаря отсылке положения многих международных договоров могут действовать после вступления такого договора в силу на международной арене и внутри страны, регулировать отношения с участием субъектов национального права, но причиной тому являются не ратификация договора, а те отсылочные нормы внутреннего права, которые санкционируют применение положений международных договоров для регулирования отношений между субъектами национального права. Как мы далее

увидим, в США, согласно Конституции, любой ратифицированный договор должен рассматриваться как имеющий силу, равную силе закона внутри страны, в то время как в Великобритании сам договор после ратификации не становится обязательным для субъектов национального права страны.

Говоря о значении ратификации в Скандинавских странах, М. Соренсен отмечает, что «даже ратификация, имеющая место после одобрения договора парламентом, в принципе не вызывает никаких юридических последствий на уровне внутреннего права... Необходимо, чтобы договор был трансформирован в национальное право актом, принятым с этой целью»²⁰.

Так что дело здесь не в ратификации, которая всегда является только одним (хотя и наиболее важным) из способов выражения согласия государства на обязательность для него международного договора, а в нормах национальной права, которые определяют порядок имплементации международных договоров.

Если признать, что формы выражения согласия государства на обязательность международного договора трансформируют договоры в нормы национального права, то излишним стали бы все другие формы осуществления договора внутри страны. Зачем тогда нужна отсылка к международным договорам, если последние уже действуют в качестве норм национального права — законов, указов, постановлений и т. д.? Если же договор несамоисполняющийся (подробнее см. далее), то принятие определенных актов с целью исполнения такого договора также вряд ли возможно называть трансформацией, так как в результате ратификации это был бы уже не только договор, но и закон, то есть акт национального права. Принимаемые с целью исполнения такого закона нормы были бы нормами, уточняющими и конкретизирующими положения другого, более общего акта национального права.

В советской международно-правовой литературе кроме трансформации встречаются и другие термины и понятия для обозначения процесса исполнения положений международного права внутри страны, например адаптация, рецепция и т. д. Наиболее подробное деление сделано С. В. Черниченко, который различает следующие виды юридической трансформации: «а) автоматическая инкорпорация; б) отсылка; в) индивидуальная инкорпорация; г) адаптация; д) легитимация»²¹.

По нашему мнению, автоматическая инкорпорация у С. В. Черниченко означает, по существу, ту же отсылку, ибо положение о том, что «все или определенная категория договоров, в которых участвует государство, являются частью его внутреннего права»²², которое автор относит к автоматической инкорпорации, является также отсылочной нормой, как и норма, «которая, официально не включая те или иные нормы международного права во внутригосударственное право, допускает возможность их применения во внутригосударственной сфере». Общих для обеих положений является то, что они санкционируют действие норм международного права в сфере действия национального права. Только в первом случае речь идет о действии правил международного права, которые как бы адаптированы, приспособлены в соответствии с особенностями национального права страны, что, как уже отмечалось, не является лучшим решением вопроса. Во втором же случае нормы международного права, как таковые, применяются на территории государства.

Что касается индивидуальной инкорпорации, адаптации и легитимации, то, оговорив предварительно, что мы не согласны с тем, что при этих способах исполнения норм международного права внутри страны происходит превращение (трансформация) норм международного права в нормы внутреннего права, эти способы, по существу, являются различными вариациями того процесса, который мы назвали инкорпорацией. Государство может издать акт национального права, текстualmente повторяющий положения норм международного права (индивидуальная инкорпорация по С. В. Черниченко), может применить уже существующие нормы для реализации положений договоров (адаптация у С. В. Черниченко) или издать акт «без точного повторения в указанном акте формулировок соответствующих международно-правовых норм» (легитимация по С. В. Черниченко).

При всех этих способах, в отличие от отсылки, в национальное право инкорпорируются (вводятся) новые нормы. Поэтому мы считаем, что все эти способы (индивидуальная инкорпорация, адаптация и легитимация), указанные С. В. Черниченко, действительно имеют место, но они являются формами инкорпорации.

Иногда для обозначения процесса осуществления положений норм международного права внутри страны

пользуются термином «имплементация». Нам представляется, что этот термин и обозначаемое им понятие шире процесса осуществления норм международного права внутри страны. Во-первых, без помощи национального права осуществляются (имплементируются) нормы международного права, адресованные международным организациям. Во-вторых, как пишет А. С. Гавридовский, «на международном уровне нередко осуществляются предварительные организационно-правовые меры имплементационного характера и в том случае, когда речь идет о нормах, адресованных другому типу субъектов международного права — государствам»²³.

Мы предлагаем обозначить процесс помощи национального права исполнению норм международного права на территории государства, в сфере действия национального права, при помощи последнего, национальной правовой имплементацией. Здесь, во-первых, есть указание на то, что речь идет о процессе осуществления норм международного права, и, во-вторых, на то, что осуществление последних происходит при помощи норм национального права.

О национально-правовой имплементации, по нашему мнению, можно говорить и тогда, когда для реализации положений международно-правовых норм применяются уже существующие материально-правовые нормы национального права (адаптация согласно С. В. Черниченко). Например, в СССР еще в 1965 году был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о неприменении сроков давности к военным преступникам. Международно-правовой договор, содержащий такие требования, был открыт для подписания позже, в 1968 году. Советскому Союзу, ставшему участником этого договора, не было необходимо внести изменения в свое национальное законодательство, как многим другим государствам, в чем национальном праве таких положений не было. Часто государство, перед тем как стать участником договора, в предвидении такого участия во избежание конфликтов деленные изменения в свое внутреннее право. Конечно, речь здесь также идет о национально-правовой имплементации.

Национально-правовая имплементация в социалистических государствах

Советский Союз пользуется обоими вышеприведенными способами национально-правовой имплементации норм международного права. Статья 24 Закона о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР предусматривает, что «в случаях, когда в целях выполнения международного договора СССР необходимо издание закона СССР, указа или постановления Президиума Верховного Совета СССР либо принятие постановления или распоряжения Совета Министров СССР, заинтересованные министерства, государственные комитеты и ведомства СССР в установленном порядке представляют предложения о принятии надлежащего акта». Если же для исполнения договора достаточно издания акта самих этих органов, то на основе ст. 21 они, конечно, такое право имеют. Например, в 1973 году с целью имплементации Всемирной конвенции об авторском праве 1952 года Указом Президиума Верховного Совета СССР соответствующие изменения были внесены в гражданское законодательство СССР²⁴. Иног-да компетентными органами издаются специальные имплементационные акты. Интересным в этом плане является Постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1975 г. «О мероприятиях по обеспечению выполнения Соглашения о сохранении белых медведей» от 15 ноября 1973 г. Пункт 1 этого акта постановляет: «Одобрить подписанное в г. Осло от имени Правительства СССР Соглашение о сохранении белых медведей от 15 ноября 1973 г. Поручить Министерству иностранных дел СССР уведомить депозитария указанного соглашения — Правительство Норвегии об одобрении Правительством СССР Соглашения о сохранении белых медведей»²⁵. Если этот пункт постановления является выражением согласия СССР на обязательность для него данного соглашения, то остальные пункты направлены на имплементацию соглашения. Так, п. 2 запрещает добычу белых медведей, п. 3 обязывает соответствующие ведомств осуществлять мероприятия по сохранению медведей и т. д.

В советском законодательстве нет общей отсылки, однако широко применяется частичная отсылка, иногда встречается специальная отсылка. Кроме вышеупомянутых Основ гражданского законодательства Союза ССР

и союзных республик частичная отсылка содержится в Основах гражданского судопроизводства, Кодексе торгового мореплавания, Законе о гражданстве СССР и многих других актах. Частичная отсылка содержится, как правило, в тех актах (или в тех разделах определенных актов), в сфере действия которых наиболее частопадают международные отношения негосударственного характера.

В Советском Союзе соотношение между нормами советского законодательства и нормами международных договоров, на которые делается отсылка, — это соотношение между *lex generalis* и *lex specialis*. Например, если нормы советского гражданского законодательства являются общими правилами, обязательными для всех в нашей стране, то положения международных договоров, на которые делается отсылка в ст. 129 Основ гражданского законодательства, регулируют отношения между советскими гражданами и юридическими лицами, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами иностранных государств, с которыми мы имеем соответствующие договоры, с другой стороны.

В силу отсылки не только Внешнеторговая арбитражная комиссия и Морская арбитражная комиссия руководствуются при вынесении решений положениями международных договоров, но и суды решают конкретные дела, основываясь при этом на положениях международного договора. Так, Сокольниковский районный народный суд г. Москвы в решении от 10 ноября 1977 г. по иску Промимпортторга к Управлению международных сообщений МПС СССР заявил: «Замена пломб в пути следования свидетельствует о доступе к грузу, и поэтому ответственность за недостачу в силу ст. 22 СМГС (Соглашение о международном грузовом сообщении — международный договор, заключенный между социалистическими странами 1 ноября 1953 г. — Р. М.) несет железная дорога».

Государства, сотрудничая между собой в борьбе с определенными преступлениями международного характера, заключают договоры, положения которых реализуются при помощи норм национального уголовного права. Эти положения, как правило, недостаточно конкретно сформулированы, чтобы стало возможным их применение на территории государства без какой-либо адаптации к национальному праву, конкретизации. Например, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных су-

дов в ст. 2 предусматривает, что «каждое Договаривающееся государство обязуется применить в отношении такого преступления суровые меры наказания». Ясно, что без конкретизации санкции за это преступление невозможно реализовать предписаний данного международного договора. Поэтому положения этой категории международных договоров имплементируются методом инкорпорации. Так, в Уголовном кодексе РСФСР содержится ряд статей, принятых с целью реализации соответствующих международных договоров (например, ст. 213 — угон воздушного судна, ст. 223 — загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами и т. д.).

В уголовном законодательстве возможны и своеобразные отсылки к международному праву²⁶. Своеобразие этого рода отсылок заключается в том, что в области уголовного права положения международных договоров не применяются самостоятельно после санкционирования такого применения национальным правом, как это имеет место, например, в сфере действия гражданского права. Г. В. Игнатенко отмечает, что «типичным, пожалуй, можно считать совместное применение в соответствующих ситуациях и международно-правовых, и внутритригосударственных правовых норм., когда мы имеем дело с рассмотренными примерами уголовно-правовых отношений, регламентация которых включает отсылку к международным договорам»²⁷.

Так, для того, чтобы определить, за какие деяния, совершенные вне территории СССР, иностранец несет уголовную ответственность согласно советскому уголовному законодательству, следует обратиться в соответствии с указаниями ч. 4 ст. 5 Основ уголовного законодательства СССР к международным договорам. В данном случае соответствующие положения международных договоров, определяющие условия, при которых иностранец совершивший преступление вне пределов СССР, несет ответственность по советскому уголовному праву, являются своеобразной гипотезой норм советского уголовного права.

Ряд советских ученых считают, что международный договор действует непосредственно внутри страны, являясь источником советского права. «Международный договор, в котором участвует Советский Союз, должен признаваться источником советского внутритригосударст-

венного права»²⁸, — пишет Т. П. Гревцова. Такой же позиции придерживается В. Ф. Мешера²⁹. На наш взгляд, как об источниках национального права о нормах международного договора можно было бы говорить только в том случае, если бы эти нормы действовали только страны непосредственно, ргоргиo vige, в силу предписаний самого международного права, а не в результате санкционирования такого действия со стороны норм национального права государства. И. П. Блищенко считает, что непосредственное действие международного договора на территории СССР «объясняется единой природой государственной власти, осуществляющей суверенитет как вне, так и внутри государства. Верховный Совет СССР одобряя международный договор или принимая как Президентом Верховного Совета СССР, ратифицируя международный договор или издавая указы, выступают как одна и та же власть и создают в каждом из этих случаев правовые акты одинаковой юридической силы»³⁰. По нашему мнению, автор, исходя из правильной посылки (единая природа государственной власти), тем не менее приходит к неверным выводам. Действительно, органы нашего государства, выступают ли они вовне, в международной сфере, или внутри страны, выражают единую волю — волю народа. Однако направлена эта воля на регулирование различных по характеру общественных отношений. Ведь никто не пытается распространять действие норм советского права, регулирующих отношения, например, между государственными предприятиями, на отношения между гражданами, на отношения, воплощенные в этих нормах и в нормах, регулирующих отношения между гражданами, единая — это воля всего народа, поскольку направлена эта воля на регулирование различных общественных отношений.

Еще сложнее обстоит дело с соотношением воли, воплощенной в нормах международного права, и воли, выраженной в нормах национального права. Нормы международного права являются результатом согласования воли нескольких государств, и воля Советского Союза не всегда полностью находит в них отражение. Часто приходится идти на компромиссы. Нормы же нашего права полностью воплощают волю нашего народа, являются социалистическими. Поэтому единство воли Советского государства, отраженной в международно-правовой позиции СССР и в нормах советского внутригосударственного права, отнюдь не означает единства норм между-

народного права, обязательных для Советского государства, и норм нашего национального права.

Как и в СССР, основным способом национально-правовой имплементации норм международного права в зарубежные социалистических государствах является инкорпорация. Например, ст. 23 Указа Государственного совета НРБ «Об участии Народной Республики Болгарии в международных договорах» предусматривает, что, если международный договор предусматривает издание нормативного акта, Совет Министров принимает постановление по вопросам, входящим в его компетенцию, а по другим вопросам вносит предложение о принятии указа или закона»³¹.

В Демократической Республике Вьетнам декрет премьер-министра от 9 февраля 1973 г. о создании информационного бюро в отношении лиц, потерпевших бедствие во время войны во Вьетнаме, принят специально для осуществления Парижского соглашения об окончании войны и восстановлении мира во Вьетнаме 1973 года. Так, декрет предусматривает: «Премьер-министр с целью имплементации п. b ст. 8 Соглашения об окончании войны и восстановлении мира во Вьетнаме решает...»³².

Национальное право зарубежных социалистических стран знает и отсылку к нормам международного права. Так, Закон ЧССР о международном частном праве и процессе от 4 декабря 1963 г. в § 2 предусматривает, что «положения настоящего закона будут применены только в том случае, если иное не предусматривается международным договором, который является обязательным для Чехословацкой Социалистической Республики»³³. Закон о гражданстве ГДР от 2 февраля 1967 г. определяет: «Подлежит применению регулирование по вопросам гражданства, которое устанавливается в межгосударственных соглашениях Германской Демократической Республики с другими государствами»³⁴. Эти отсылки, подобно отсылочным нормам в советском праве, относятся к тем нормам международного права, которые имеют целью достижение определенного урегулирования международных отношений негосударственного характера.

Законодательство социалистических стран, за исключением ГДР и СФРЮ, не содержит общей отсылки к нормам международного права. Часть 2 ст. 210 Конституции Югославии определяет, что «суды непосредственно при-

меняют те международные договоры, которые опубликованы».

Главной же гарантией соблюдения социалистических государств своих международных обязательств является соответствие между принципами внешней политики этих государств и общепризнанными принципами и нормами международного права. Современное международное право, способствуя обществу прогрессу, тем самым способствует и приближению победы социализма во всемирном масштабе, что и предопределяет верность социалистических государств международному праву. Это вытекает из самой природы социалистического государства. «Если мы ставим свою подпись под договорами, — говорил Л. И. Брежнев, — то это значит, что дух этих документов»³⁵.

Так как внутреннее право помогает исполнению требований норм международного права, социалистические государства, заинтересованные в реализации последних, постоянно совершенствуют свое законодательство, касающееся вопросов осуществления норм международного права внутри страны. Примером тому служит принятие в Советском Союзе Закона о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР, содержащего специальную главу «Исполнение международных договоров».

Поэтому совершенно непонятно «впечатление» некоторых буржуазных авторов о «враждебности к международному праву, вытекающее из советской доктрины соотношения международного и национального права»³⁶. При этом автор приведенной цитаты Х. Ю. Уйболу почему-то считает, что положение, изложенное в учебнике «Международное право» под редакцией Г. И. Тункина, о том, что «в случае коллизии норм национального права с нормами международного права государство должно обеспечить соблюдение норм международного права», явно противоречит мнению других советских ученых, ссылаясь при этом лишь на одну работу³⁷.

Следует подчеркнуть, что положение, изложенное в вышеупомянутом учебнике по международному праву, является в настоящее время не только общепризнанным в советской доктрине, но на реализацию этого тезиса направлены все нормы советского внутригосударственного права, касающиеся порядка исполнения предписаний международного права.

Еще в 1956 году Г. И. Тункин писал: «В случае несоответствия между нормами внутригосударственного права и нормами международного права (коллизии между ними) государство должно выполнять свои международные обязательства, причем ссылки на внутреннее законодательство не могут освободить его от выполнения этих обязательств»³⁸.

Конечно, признание того, что «в случае коллизии норм национального права с нормами международного права государство должно обеспечить соблюдение норм международного права», не может служить примером «признания Советским Союзом моноизма с приматом международного права», как считает Х. Ю. Уйболу³⁹.

Думается, что такие утверждения буржуазного автора становятся возможными в определенной степени в силу следующего характера для некоторых буржуазных ученых рассуждения об «официальной» советской научной доктрине. Он пишет: «Советские ученые-юристы считают себя связанными советской идеологией, и часто их задача состоит в том, чтобы найти научные оправдания для действий Советского государства, являющихся крайне сомнительными с точки зрения международного права»⁴⁰. И взгляды того или иного автора автоматически отождествляются с позицией правительства в данном вопросе.

Нет сомнений в том, что советская международно-правовая наука служит внешней политике Советского государства, так же как она служит и самому международному праву, его прогрессивному развитию, неукоснительному соблюдению. Наоборот, западная, особенно американская, доктрина часто призвана служить лишь интересам внешней политики империалистического государства, оправданию даже явных нарушений международного права. Особенно преуспела в этом влиятельная в США школа «правового реализма» в целом и ее крупнейший представитель М. Макдугал. Другой американский автор — Р. Фолк правильно подмечает, что те, кто «принимает концепцию человеческого достоинства Макдугала, считают себя вправе загрязнять ядерными испытаниями атмосферу, предлагать вторжения на Кубу «защитного характера» и расставлять ракеты наступательного характера вдоль границ потенциального врага — и этим они соблюдают требования международного права. Ибо право, оказывается, — это то, что помогает определенной политике брать верх в силовой борьбе. Идентич-

ные действия противников макдугаловского варианта человеческого достоинства являются по той же причине незаконными, так как они не соответствуют ценностям человеческого достоинства, на которых основывается право»⁴¹. По этой логике, пишет дальше Р. Фолк, «американские ракеты в Турции допустимы, в то время как советские на Кубе являются незаконными. А не являются ли советские ракеты в России тоже незаконными? Почему бы и нет?».

Может ли существовать еще более яркий пример доктрины, которая служит исключительно агрессивной внешней политике империалистического государства! Служить же миролюбивой внешней политике — цель подлинной науки международного права.

Национально-правовая имплементация в буржуазных странах и в странах, освободившихся от колониальной зависимости

На основании законодательства и практики буржуазных стран в вопросе национально-правовой имплементации норм международного права эти страны можно разделить на три группы в зависимости от их позиции в данном вопросе:

1. Страны, в которых национальное законодательство объявляет международные договоры частью права страны (США, Франция, Бельгия, Голландия, Швейцария и др.).
2. Страны, в которых национальное законодательство и судебная практика строго ограничивают право международного и право внутрисударственное (Великобритания и др.).
3. Страны, в которых конституция провозглашает общепризнанные нормы международного права выше права страны (ФРГ, Италия, Греция).

а) *Национально-правовая имплементация в странах, объявляющих международные договоры частью права страны*

Первая группа государств — страны, конституции которых содержат общую отсылку к международным договорам и в силу этого международные договоры в принципе могут действовать внутри страны, в сфере действия национального права.

На первый взгляд кажется, что такое решение вопроса обеспечит наилучшим образом соблюдение норм международного права. Однако, как показывает практика, здесь возникает множество проблем. Во-первых, так как международный договор регулирует отношения между государствами и другими субъектами международного права, его положения, даже в том случае, если они в конечном счете имеют целью достижение определенного урегулирования отношений с участием субъектов национального права, не всегда пригодны для регулирования этих отношений. Отсюда возникает проблема так называемых самоисполняющихся и несамоисполняющихся договоров (точнее, положений договоров), которая не нашла удовлетворительного решения ни в одной из этих стран. Во-вторых, вступление договора в силу на международном уровне, как правило, недостаточно для того, чтобы договор стал обязательным для субъектов национального права и в этих государствах. Суды большинства из них требуют, чтобы он был опубликован в официальных изданиях страны, а, как показывает практика, это не всегда делается. В-третьих, возникает проблема соотношения между нормами международных договоров, заключенных от имени государства различными его органами, и нормами национального права различного уровня. В-четвертых, возникает вопрос о юридической силе ранее заключенных договоров и последующих норм национального права в случае разногласий между международными конституциями, которая провозгласила международные договоры частью права страны, — это действующая и ныне Конституция США 1787 года, которая предусматривает, что «настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, изданные в ее исполнение, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены Соединенными Штатами, являются высшими законами страны, и судьи каждого штата обязаны к их исполнению, хотя бы в Конституции и законах отдельных штатов встречались противоречащие постановления»⁴².

По утверждению американского ученого К. Райта, «частые нарушения договоров штатами в период действия статей Конфедерации вызвали серьезные трудности для Соединенных Штатов в их отношениях с другими странами, особенно с Великобританией, и именно по этой причине в Конституцию было включено положение о том, что договоры являются верховным правом страны»⁴³.

На эту причину появления данной статьи указывает и ряд других американских авторов. К. Оливер, например, пишет, что «„отцы-основатели“ ... знали, что нужно сделать эффективным механизм исполнения международных договоров центральным исполнением за счет ограничения прав штатов в этой области. Результатом явилось правило о верховенстве договоров в Конституции 1787 года»⁴⁴.

Следовательно, целью включения в Конституцию США положения о действии международных договоров внутри страны наравне с национальными законами было не столько желание обеспечить действие договоров внутри страны, сколько усиление центральной власти Федерации за счет полномочий отдельных штатов в сфере внешних сношений. В ч. 2 ст. 6 Конституции США уда- рение ставится не на действие международных догово- ров внутри страны, а на обеспечение верховенства Кон- ституции США, законов, изданных Федерацией, и заклю- ченных ею договоров над законодательством отдельных штатов.

Когда же в XIX и XX веках во многие конституции европейских государств стали включаться положения о непосредственном действии международных договоров внутри страны, это имело уже в определенной мере де- кларативный характер.

Особо следует сказать о Конституции Японии 1947 года, ч. 2 ст. 98 которой определяет, что «заключенные Японией договоры и установленные нормы международ- ного права должны добросовестно соблюдаться»⁴⁵. Хотя здесь ничего не говорится о непосредственном действии международных договоров на территории государства, некоторые японские, а также западные юристы, основыва- ясь на нескольких примерах из судебной практики и главным образом руководствуясь теоретическими рас- суждениями, считают, что договоры, хотя и не являются законами страны, «применяются и осуществляются в го- сударстве так же, как национальные законы и другие правовые акты»⁴⁶. Это еще раз доказывает необходи- мость исследования наряду с «писаными» текстом право- вых актов и практику их применения, для того чтобы делать какие-либо выводы.

Если национальное законодательство отсылает ко всем международным договорам, то возникает проблема от- деления тех положений договоров, которые могут при- меняться непосредственно внутри страны, от тех поло-

жений, которые для своей имплементации требуют изда- ния норм национального права, конкретизирующих по- ложения договоров, адаптирующих их к национально- правовой системе государства. Это и есть так называе- мая проблема самоисполняющихся и несамоисполняю- щихся договоров.

Буржуазные ученые самоисполняющимися считают договоры или, точнее, положения того или иного догово- ра, которые сформулированы таким образом, что стано- вятся возможным их непосредственное применение в сфере действия национального права. К. Холлоуэй, на- пример, считает, что «когда в формулировке договора ясно выражено намерение о том, что договор будет дей- ствовать в сфере национального права без какого-либо содействия со стороны правительства, то такой договор является самоисполняющимся. Когда же договор будет действовать в сфере национального права только после издания необходимых внутрисударственных правовых актов.., то такой договор является несамоисполняющим- ся»⁴⁷.

В принципе говорить о самоисполнимости и несамо- исполнимости международного договора можно только тогда, когда его положения направлены на урегулирова- ние отношений с участием субъектов национального права. Договор, регулирующий чисто межгосударствен- ные отношения, — всегда самоисполняющийся, так как конечная цель такого договора — регулирование межго- сударственных отношений — не требует какой-либо пере- адресовки положений договора субъектам национально- го права.

К. Холлоуэй считает договор несамоисполняющим- ся, если он «будет действовать в сфере национального права только после издания необходимых внутрисосу- дарственных правовых актов». Но это утверждение не совсем точно. Дело в том, что несамоисполняющийся до- говор вообще не действует и не может действовать внут- ри страны, в сфере действия национального права. Если для имплементации договора требуется издание новых (изменение либо отмена существующих) норм нацио- нального права, то действовать внутри страны будут эти нормы национального права, а не положения междуна- родного договора.

Проблема самоисполнимости международных догово- ров широко дискутируется в международно-правовой ли- тературе США. Однако эта проблема стоит перед всеми

государствами, национальное право которых содержит общую отсылку к международным договорам. Например, Федеральный суд в Швейцарии в решении от 23 мая 1962 г. заявил: «Договор, заключенный Конфедерацией и содержащий юридические нормы, с момента вступления в силу автоматически становится обязательным для публичных властей и граждан, если он является самоисполняющимся»⁴⁸.

Отсутствие точных критериев для определения самоисполнимости того или иного международного договора (либо положения договора) позволяет правящим классам буржуазных государств отказываться от применения внутри страны нежелательных для них положений международных договоров. Признание положений международного договора самоисполняющимися является в настоящее время распространенным способом отказа применения нежелательных для господствующего класса международных договоров во всех буржуазных государствах, имеющих в своем национальном законодательстве общую отсылку к международным договорам.

Так, в 1974 году в деле «США против Воргаса» в окружном суде для Пуэрто-Рико ответчик заявил, что призыв пуэрториканцев в армию, согласно закону о выборочной военной службе (Selective Service Act), нарушает п. а ст. 73 Устава ООН, который предусматривает, что члены ООН, несущие ответственность за управление территориями, народы которых еще не достигли полного самоуправления, обязаны «обеспечивать, соблюдая должное уважение к культуре указанных народов, их политический, экономический и социальный прогресс, прогресс в области образования, справедливое обращение с ними и защиту их от злоупотреблений». Суд отказался применять данную статью на том основании, что она является самоисполняющейся, выражает только «общий стандарт или цель»⁴⁹.

Соединенные Штаты Америки тщательно оберегают свое внутреннее законодательство от воздействия общедемократических норм современного международного права, особенно в области защиты прав человека. США не участвуют в большинстве важнейших международных договоров и соглашений, касающихся прав человека (например, в Пактах о правах человека); не выполняют они и положений тех договоров, в которых участвуют. США не применяют «верховное право» страны — международных договоров — для урегулирования соответст-

вующих отношений, объявляя положения договоров, касающиеся защиты прав человека, самоисполняющимися. Еще одним доказательством тому является дело «Жители острова Сайпан против США», которое рассматривалось в 1973 году в федеральном суде на Гавайских островах. Жители Микронезии, подопечной территории США, предъявили иск в федеральному окружному суду на Гавайских островах министерству внутренних дел США по поводу выдачи разрешения авиакомпании «Континентальные авиалинии» на строительство гостиницы на территории острова Сайпан (Марианские острова). Истцы в обоснование своих требований сослались на Соглашение об опеке, заключенное между ООН и Соединенными Штатами Америки, которое в ст. 6 предусматривает, что государство, управляющее территорией под опекой, обязано, среди всего прочего, «защищать жителей территории от потери их земель и природных богатств»⁵⁰. Суд в иске отказал, в частности, на том основании, что «Соглашение об опеке не наделяет истцов правами, осуществимыми в федеральном суде»⁵¹. Другими словами, суд объявил соглашение самоисполняющимся.

Эти примеры из судебной практики США показывают, что провозглашение международных договоров верховным правом страны — отнюдь не гарантия от нарушения международных договоров. Наоборот, в определенных случаях это может даже способствовать их нарушению, так как государство не вносит необходимых изменений в свое законодательство, полагаясь на общую отсылку в конституции. Но часто этого недостаточно.

Сами американские авторы отмечают, что международные договоры все реже и реже признаются самоисполняющимися в США. Так, К. Оливер считает, что «доктрина самоисполнимости договоров в течение длительного периода признавалась и признается еще и теперь, однако пользуются ею в наше время гораздо реже. Все большее количество договоров в США требуют не только согласия двух третей сената, но для их исполнения требуется издание законодательных актов, принятых обеими палатами конгресса простым большинством голосов»⁵².

Это объясняется еще и тем, что в настоящее время многие буржуазные государства, в том числе и США, являются участниками довольно многочисленных международных договоров, содержащих общедемократиче-

ские нормы (особенно в области защиты прав человека), на заключение которых эти страны идут под давлением народных масс своих стран, мирового общественного мнения, а иногда даже в чисто пропагандистских целях. Когда же дело доходит до конкретной имплементации таких договоров, то буржуазия этих стран старается различными путями обойти прогрессивные положения международных договоров, особенно если внутри страны действуют противоречивые им реакционные нормы национального права. Одним из удобных приемов обхода прогрессивных положений международных договоров при этом является признание их несамостоятельными. Характерной иллюстрацией этого утверждения может служить решение Верховного суда Нидерландов в 1960 году по поводу ст. 13 Европейской конвенции по правам человека 1950 года. Статья 13 определяет, что «любое лицо, чьи права и свободы, как они определены в этой конвенции, нарушены, будет иметь действенные средства перед национальными властями, несмотря на то что нарушение было совершено лицами, действующими в официальном качестве»⁵³. Верховный суд определил: «Как указал апелляционный суд, ст. 13 налагает только на договаривающее государство обязательство иметь такое законодательство, которое в случаях, определенных в ст. 13, обеспечивает существование эффективных средств. Апелляционный суд правильно решил, что ст. 13 по своему характеру не может непосредственно применяться судами и поэтому, согласно ст. 66 Конституции, не принадлежит к тем положениям международных соглашений, которые обязательны для всех»⁵⁴.

Можно согласиться с тем, что правила международных договоров, подобные ст. 13 указанной конвенции, действительно непосредственно трудно осуществимы в сфере национального права. Однако это не может служить оправданием нарушения подобных статей. Государство должно, согласно конвенции, предусмотреть все действенные средства перед национальными властями»⁵⁵. Признание же подобных положений международных договоров частью права страны не может являться таким действенным средством.

Существуют еще и другие причины, заставляющие признать международные договоры несамостоятельными. Так, отсылка, как мы уже отметили, чаще всего применяется для имплементации положений международных договоров, направленных на урегулирование

международных отношений негосударственного характера. Однако часто эти отношения тесно связаны с аналогичными внутригосударственными отношениями, и их различное урегулирование невозможно. Необходимо единый правовой режим как для данной категории внутригосударственных отношений, так и для аналогичных отношений между внутригосударственными субъектами из разных стран.

Возьмем, например, вопрос о правилах дорожного движения, которые не могут быть различными для своих граждан и иностранцев. Многие западноевропейские государства, имеющие в своем национальном законодательстве общую отсылку к международным договорам, став участниками Международной конвенции о дорожном движении в 1949 года, не внесли соответствующих изменений в свое национальное законодательство. В судах этих стран возникли дела, в которых водители-иностранцы, нарушившие правила дорожного движения на территории пребывания, ссылались в свое оправдание на конвенцию. Так, Бельгийский кассационный суд в решении от 13 апреля 1964 г. заявил: «Суды не могут не признать законы и правила, соответствующие этим законам, на том основании, что они не соответствуют договорным обязательствам. Международная конвенция о дорожном движении не наделяет индивидов правами и не налагает на них никаких обязательств»⁵⁶. Даже окрестный суд в Гааге, в стране, где, согласно Конституции, международные договоры могут изменять положения самой Конституции, отказался руководствоваться положениями этой конвенции, так как, по мнению суда, она «налагает обязательство и наделяет правами только договаривающиеся государства. Индивиды при этом прав не приобретают»⁵⁷.

Конечно, суды этих стран нередко выносят решения на основе международных договоров, однако, как отмечает К. Холлоуэй, они «в целом проявляют большую осторожность в деле объявления того или иного договора самоисполняющимся, особенно если договор регулирует отношения, обычно входящие в сферу национально-правового регулирования»⁵⁸.

Одним из условий применения международных договоров внутри страны является их опубликование в официальных изданиях государства. В конституциях некоторых стран прямо говорится о необходимости опубликования международного договора в официальном изда-

Что касается соотношения других норм национально-права и международных договоров, то здесь существует еще меньшее единогласие. В буржуазной юридической литературе большинство авторов считают, что в этом случае действует принцип *lex posteriori derogat priori*. Суды также руководствуются этим принципом. Так, окружной суд пятого округа в Техасе (США) заявил в решении от 10 апреля 1962 г.: «Если конгресс принимает законы, которые противоречат Конституции США, он выходит за рамки своих полномочий, и суды должны объявить такие законы недействительными. Когда же конституционный орган (конгресс. — Р. М.) принимает законы, противоречащие международному праву, международным договорам, то суд должен применить последний по времени издания акт этого органа»⁶³.

Применение на практике принципа *lex posteriori derogat priori* может вести к нарушению норм международного права. Фактически это означает, что государство путем издания противоречащих международным договорам норм национального права может нарушать положения международного права. В этом вопросе практика Советского государства, которая рассматривает международные договоры как *lex specialis* и руководствуется принципом *lex specialis derogat generali*, выгодно отличается от практики буржуазных государств.

Соединенные Штаты Америки, например, заключают кроме договоров в строгом смысле этого слова (на их заключение требуется совет и согласие двух третей присутствующих сенаторов) еще так называемые исполнительные соглашения конгресса и президентские исполнительные соглашения. Если первые заключаются исполнителями власти во исполнение какого-либо акта конгресса или после заключения одобряются конгрессом, то вторые заключаются исполнительной властью самостоятельно, в рамках полномочий президента как главы исполнительной власти. М. Макдугал и А. Лэнс отмечают, что «юридические последствия заключенных соглашений народных договоров или исполнительных соглашений конгресса не отличаются как в сфере внутреннего права, так и в сфере международного права»⁶⁴. Однако что касается президентских исполнительных соглашений, то авторы пришли к выводу, что «они, как правило, являются недействительными в случае их противоречия ра-

нии данного государства, для того чтобы положения договора могли применяться внутри страны (например, ст. 55 Конституции Франции). В других государствах, хотя конституция и не содержит подобного положения, суды тем не менее отказываются руководствоваться положениями неопубликованных договоров. Во Франции кассационный суд в деле от 16 мая 1961 г. отказался руководствоваться положениями француско-вьетнамской судебной конвенции от 1949 года, которая после вступления в силу на международной арене не была опубликована во Франции. Суд в решении заявил, что «международная конвенция, заключенная Францией, но не опубликованная в надлежащем порядке, не может применяться судами»⁶⁵. Хотя Конституция Бельгии и не требует опубликования договоров, кассационный суд в деле «Буало против Мелара» заявил, что, «для того чтобы договоры стали обязательными для бельгийцев, они должны доводиться до их сведения путем опубликования в «*Mopiteur belge*»⁶⁶.

Исследуя применение международных договоров в Швейцарии, Л. Вильдхабер пришел к выводу, что «договор, как таковой, является действительным до опубликования. Официальное опубликование, однако, является необходимым условием распространения его положений на индивидов»⁶⁰.

Следующая проблема, которая возникает в этих странах при имплементации международных договоров, — вопрос о соотношении между нормами международных договоров, заключенных от имени государства различными органами, и нормами национального права различного уровня.

Что касается конституции страны, то и практика, и доктрина показывают, что договоры, содержание которых противоречит нормам конституции, не могут действовать внутри страны, хотя на международной арене договор может и не являться недействительным. Например, окружной суд в штате Иллинойс в США в деле «Бурдель против Канадской тихоокеанской авиакомпания» отказался руководствоваться положениями Варшавской конвенции об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, 1929 года. Ответчик (канадская авиакомпания) заявил, что «действительность конвенции внутри страны не зависит от ее соответствия Конституции США»⁶¹. Суд же решил, что положения конвенции, ограничивающие ответствен-

нее изданным законам» (авторы имеют в виду их недействительность в сфере внутреннего права. — Р. М.).

В Бельгии международные соглашения, не одобренные парламентом, приостанавливают действие предшествующих актов исполнительной власти. Однако их юридическая сила внутри страны уступает юридической силе законов, так как король, ратифицирующий международные договоры, не может вторгнуться в сферу полномочий законодательных органов⁶⁵.

Статья 55 Конституции Франции 1958 года предусматривает, что «договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или одобренные, имеют силу, превышающую силу внутренних законов с момента опубликования, при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной»⁶⁶. Статья 55 Конституции Франции служила примером для конституций многих африканских государств — бывших колоний Франции. Поэтому есть смысл разобрататься в положениях этой статьи несколько подробнее.

Провозглашая общим правилом примат положений международного договора над нормами национального права, статья содержит и несколько ограничений. Приоритет над внутренними нормами имеют только должным образом ратифицированные или одобренные договоры. Фактически это означает, что, для того чтобы международный договор имел большую юридическую силу, чем закон, изданный парламентом, он должен до ратификации одобряться парламентом в форме закона, так как, согласно ст. 53 Конституции, международные договоры, «изменяющие постановления законодательства... могут быть ратифицированы или одобрены только на основании закона»⁶⁷. Статья 34 Конституции содержит перечень вопросов, относящихся к исключительной сфере законодательства. Международный договор, затрагивающий эти вопросы, должен обязательно одобряться парламентом. Ж. Дзосси пишет, что «суды в принципе отказываются применять международные конвенции, которые до их ратификации не были одобрены парламентом»⁶⁸, если конвенция затрагивает вопросы, перечисленные в ст. 34 Конституции.

Что же касается других многочисленных международных соглашений, то они не только не имеют внутри страны силы, превышающей силу законов, они вообще не действуют сами внутри страны и общая отсылка в Конституции к ним не относится. Если в США президент-

ские исполнительные соглашения действуют внутри страны после их вступления в силу на международной арене, то не одобренные парламентом международные соглашения Франции вообще сами не действуют внутри страны. Для осуществления положений таких соглашений требуется их одобрение декретом президента. Дзосси по этому поводу пишет, что «поскольку дело касается исполнительных соглашений, то мы видим возрождение дуалистической системы восприятия во внутренней власти посредством автономного акта исполнительной власти международных договоров, которые уже до этого действовали в международной сфере в силу их подписания»⁶⁹.

Дело, конечно, не в монистическом или дуалистическом подходе к соотношению международного и национального права. Национальное право любого государства и международное право — различные системы права, и международные договоры при любом способе их заключения или имплементации являются нормами международного права, которые могут действовать внутри государства только с разрешения национального права страны. Если для первой категории договоров такое решение дается ст. 55 Конституции (дополнительно ст. 34 и 53 требуют для этих договоров обязательного одобрения парламентом до их ратификации), то для других договоров разрешением является декрет президента. То обстоятельство, что в одном случае национальное законодательство заранее санкционирует действие международных договоров внутри страны, а в других случаях такая санкция следует за вступлением договора в силу на международной арене, не является выражением морального подхода к соотношению международного и национального права в первом случае и дуалистическом — во втором.

Еще одним необходимым условием действия международного договора внутри государства, как мы уже видели, является его опубликование в официальном издании страны.

Наиболее интересным является третье ограничение: международные договоры «имеют силу, превышающую силу внутренних законов... при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной». Американский автор Р. Вильсон правильно отмечает, что формулировка «новой французской Конституции и конституций молодых государств, имеющих подобные формулировки, поднимает вопросы: как необходимая взаим-

ность определяется и кто должен решать, существует ли в каждом конкретном случае такая взаимность»⁷⁰. В своем решении от 15 января 1975 г. Конституционный совет, отказываясь решать вопрос о соответствии или несоответствии закона международному договору главным образом потому, что «закон, противоречащий договору, не противоречит тем не менее Конституции», сделал акцент и на трудностях применения процедуры ст. 55 Конституции⁷¹. Можно сказать, что оговорка о применении «каждого соглашения или договора другой стороной» превращает ст. 55 в «каузуковую» норму.

Нужно обратить внимание еще и на то, что эта статья говорит только о другой стороне, а не о других сторонах. Означает ли это, что внутри страны могут действовать положения только двусторонних договоров? Если нет, то возникает вопрос: является ли неприменение многостороннего договора, например, только одним из его участников основанием, согласно ст. 55 Конституции, отказа от применения положений такого договора в сфере национального права Франции?

Как показывает практика, французские суды применяют и нормы многосторонних международных договоров и соглашений⁷². Отсюда следует, что «другая сторона» в ст. 55 Конституции может означать только сторону в международном договоре, положения которого направлены на урегулирование отношений между внутреннегосударственными субъектами из разных стран. Только в таком случае можно не применять положения многостороннего договора по отношению к индивидам или юридическим лицам какого-либо государства — участника договора, который не применяет положения этого же договора для урегулирования отношений, в которых одной из сторон выступает французский гражданин или юридическое лицо французского права, не отказываясь в то же время от применения положений данного договора по отношению к внутреннегосударственным субъектам из других государств — участников договора. Если же положения договора имеют целью достижение определенных урегулирования внутреннегосударственных отношений (например, вопросы защиты прав человека), то вряд ли можно толковать рассматриваемое конституционное положение таким образом, что нарушение положений договора в одном из государств-участников может быть основанием отказа от применения положений этого же договора Францией. Что касается международных до-

говоров, регулирующих чисто межгосударственные отношения, то их положения вообще не применяются национальными судами.

Следовательно, можно сделать вывод, что ст. 55 Конституции Франции, говорящая, что международные договоры и соглашения «имеют силу, превышающую силу внутренних законов», относится только к тем положениям международных договоров, которые направлены на урегулирование отношений между внутреннегосударственными субъектами из разных стран, то есть оговорка о применении договоров «другой стороной» превращает общую отсылку к международным договорам в частичную.

15 декабря 1975 г. Конституционный совет Франции вынес решение по поводу соответствия закона о прерывании беременности Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Конституционный совет признал себя некомпетентным рассматривать соответствие национального закона международному договору, но признал, что «положения закона, представленного на рассмотрение Конституционного совета, не противоречат Конституции»⁷³.

Этот пример показывает, что сама конвенция, имеющая целью достижение урегулирования внутригосударственных отношений, не имеет примата внутри страны над национальным законом и, следовательно, не подпадает под действие ст. 55 Конституции. Французский автор Д. Рюрье считает, что решение Конституционного совета «полностью выхолащивает суть принципа верховенства договоров над законами, закрепленного в ст. 55 Конституции»⁷⁴. Вернее было бы сказать, что правило о верховенстве над законами в ст. 55 сводится на нет оговорками, содержащимися в этой статье. Такое правило противоречит объективно складывающемуся соотношению между национальным и международным правом, не учитывает различия между этими двумя системами права и, следовательно, на практике отвергается, превращается в определенной степени в декларативное заявление.

Однако, какую бы важную роль ни играло правильное сочетание различных способов и форм национально-правовой имплементации норм международного права, главное — это отношение государства к своим международным обязательствам, соответствие и согласованность между принципами его внешней политики и принципами международного права. Звучит парадоксально, но ос-

таются фактом, что в Соединенных Штатах Америки данные законы, принятые во исполнение конкретных международных договоров, вопиюще и недвусмысленно нарушают положения этих договоров. Примером может служить американский закон № 96-70, который якобы должен обеспечить имплементацию американско-панамских договоров 1977 года. Беспрецедентными были огорки и заявления сената США при даче согласия на ратификацию этих договоров, уже согласованных между государствами. Но этого мало. В законе № 96-70 многие положения явно расходятся с буквой и духом договоров. Так, закон предусматривает, что президент США может по своему усмотрению заменять представителей Панамы в Совете (высший орган Комиссии Панамского канала), в то время как договоры предусматривают, что их можно заменить только или по представлению Панамы или требуется согласие Панамы⁷⁵.

Французский автор Ж. Фишер отмечает по этому поводу, что американский закон является примером игнорирования внутреннего правом страны характера отношений между суверенными государствами⁷⁶.

б) *Национально-правовая имплементация в странах, строго разграничивающих международное и национальное право*

Вторая группа государств — это страны, строго разграничивающие международное и свое национальное право.

Право Англии в течение последних двухсот лет перенесло значительную эволюцию в вопросе соотношения международного и национального права. В конце XVIII века У. Блэкстон писал: «...Право народов в Англии... рассматривается как часть права страны»⁷⁷. Однако, когда Блэкстон говорил о праве народов, он имел в виду только обычные нормы международного права. К. Холлоуэй с полным основанием отмечает, что, «кажется, существует общее согласие по поводу того, что когда английские судьи в течение более чем полутора веков утверждали, что международное право является частью права Англии, то они имели в виду обычное право»⁷⁸. Однако анализ судебной практики, а также высказывания авторитетных английских юристов заставляют усомниться и в том, можно ли считать международное обычное право в настоящее время частью права Англии.

Х. Уолдок пишет: «Английские судьи продолжают рассматривать международное обычное право как часть английского права, однако они настаивают на двух вещах: во-первых, право определять, является ли данное правило обычной нормой международного права, принадлежит исключительно английскому суду и, во-вторых, необходимо согласие Англии на обязательность для нее данной нормы»⁷⁹. Уолдок объяснил такое осторожное отношение к международному обычному праву «определенным недоверием английских судей к доктрине инкорпорации в условиях, когда количество норм международного права начало резко расти»⁸⁰.

В 1939 году лорд Аткин, оглашая решение Судебного комитета Тайного совета, заявил: «Что касается судов этой страны (Англии. — Р. М.), то нужно всегда помнить, что международное право (NB: здесь говорится не только о международных договорах, но о международном праве в целом. — Р. М.) действует лишь постольку, постольку его принципы восприняты нашим национальным правом»⁸¹.

Анализируя практику Канады, которая в вопросе соотношения международного и национального права почти полностью следует за практикой Великобритании, А. Жакоми-Миллетт пришла к выводу, что канадский судья, если перед ним встанет вопрос о применении норм международного обычного права, решает, во-первых, применима ли эта норма к данному конкретному случаю и, во-вторых, воспринята ли данная норма канадским правом. Она заключает: «Международное обычное право является частью национального права только тогда, когда его нормы инкорпорированы в право Канады или путем издания статута, или посредством судебного прецедента»⁸². Данное утверждение является, на наш взгляд, неточным в том смысле, что когда правило, содержащееся в обычной норме международного права, инкорпорировано в право Канады путем издания статута или путем судебного прецедента, то не сама норма международного права является частью права Канады, а предписания этой нормы имплементированы в национальное право путем издания статута или посредством судебного прецедента.

Р. Лапидот, исследуя практику Великобритании в этом вопросе, отмечает, что «случай, когда судья должен прямо ссылаться на нормы международного права, ставятся все более редкими. Как правило, норма между-

народного права, могущая быть примененной в конкретном случае, уже была ранее применена каким-либо английским судом, решение которого является обязательным прецедентом... Судья, следовательно, руководствуясь предыдущим решением национального суда, нормой национального права, не ссылаясь на ее первоисточник»⁸³.

Это позволяет сделать вывод, что международное обычное право не действует непосредственно внутри этих государств. Для имплементации положений международного обычного права требуется издание статута или, чаще всего, эти положения осуществляются в сфере действия национального права, воплощаясь в судебном прецеденте или становясь нормами национального обычного права. Да и нелегко определить в странах, где важная роль принадлежит судебному прецеденту и обычным нормам, действует ли обычная норма международного права или воспринятый из международного права прецедент национального суда, то есть норма национального права.

Что же касается международных договоров, то Великобритания всегда придерживалась практики, выраженной в словах лорда Аткина в деле о конвенциях МОТ в 1937 году: «В отличие от некоторых других стран, в Англии положения договора... сами по себе не имеют силы норм национального права»⁸⁴. В 1967 году апелляционный суд в Лондоне определил, что «так как в английском праве сам договор не может действовать внутри страны, то он неприменим к какому-либо делу в английских судах, пока правительство Ее Величества не примет необходимых мер для законодательного исполнения договорных обязательств»⁸⁵.

Известный английский юрист Х. Лаутерпахт считает, что «договоры, заключенные Великобританией и действующие на международной арене как часть международного права, не являются правом страны до тех пор, пока они явно не инкорпорированы в национальное право»⁸⁶. Западногерманский юрист Л. Вильдхабер приходит к выводу, что «в Англии (а также в Канаде, Австралии и Индии) исполнительная власть одна, независимо от парламента, не может изменить законы. Вследствие этого договоры не являются *ipso facto* частью права страны»⁸⁷.

Следовательно, в этих странах положения международного договора сами не могут действовать внутри

страны. Для имплементации договора на территории государства всегда необходимо издать те или иные нормы национального права, то есть в этих государствах нет отсылки к международным договорам.

В настоящее время самым распространенным способом национально-правовой имплементации договоров норм международного права является издание специальных актов имплементации (enabling legislation). Такой акт воспроизводит те или иные положения договора, устанавливает ответственность за совершение действий, запрещенных договором, и т. д. Часто сам договор приводится в приложении к акту имплементации. Например, Соглашение о подоходном налоге между Канадой и Ямайкой, заключенное в 1971 году, было в Канаде имплементировано посредством издания закона о канадско-ямайском Соглашении о подоходном налоге 1971 года. Закон устанавливает, что «Соглашение, заключенное между Правительством Канады и Правительством Ямайки, приведенное в приложении, одобряется и объявляется имеющим силу закона в Канаде в течение того периода, пока будет в силе само Соглашение»⁸⁸.

Акт, изданный с целью имплементации договора, может предоставить силу закона только некоторым положениям международного договора, содержащегося в приложении. Так, Бреттон-Вудское соглашение было имплементировано в Канаде посредством издания закона о Бреттон-Вудском соглашении 1945 года. Закон предусматривает, что «первое предложение п. b ч. 2 ст. VIII Соглашения, приведенного в первом приложении к данному закону, имеет силу закона в Канаде»⁸⁹. Отсюда видно, что само приведение договора в приложении к закону об имплементации не наделяет договор силой национального закона. Для этого требуется специальное указание в законе.

Канадский юрист-международник Р. Макдональд, отмечая, что «канадские суды, по существу, приняли такой же подход к договорному праву, что и английские суды»⁹⁰, пишет об имплементации договоров в Англии следующее: «Договор может быть имплементирован законодателем одним из трех способов: во-первых, парламент может издать целый ряд статутных или дополнений к ним; во-вторых, он может издать общий закон, в котором даны основные положения договора, и нет сомнений в том, что закон принят с целью имплементации договора; наконец, он может его прямо с соответствующей пре-

амбулой ввести в состав английского права. Последние два способа дают суду возможность обращаться к самому договору с целью его толкования как вспомогательного средства применения статута»⁹¹.

Если международный договор для своего исполнения требует изменения норм национального права, то это не означает, что они должны обязательно воплощаться в актах законодательных органов. В настоящее время заключается множество так называемых межведомственных соглашений. Эти соглашения для своего исполнения, как правило, не требуют вмешательства законодательных органов. Например, закон о почтовой службе в Канаде в ст. 5, которая определяет права, обязанности и функции министра почт, предусматривает, что «министр почт может заключать и имплементировать любые почтовые договоры с правительственными и почтовыми службами других стран...»⁹². Это означает, что орган, заключивший договор, сам принимает и меры для его имплементации. Так, министр транспорта в Канаде может заключать и имплементировать договоры, относящиеся к вопросам транспорта⁹³, и т. д.

Вступление Англии в Европейское экономическое сообщество было для нее, как и для других стран, законодательство которых проводит строгую границу между национальным и международным правом, связано с необходимостью изменения национального права в той части, которая касается соотношения национального права и так называемого «права Сообществ». В мае 1967 года в ходе подготовки Великобритании к вступлению в «Общий рынок» лордом-канцлером была представлена парламенту так называемая Белая книга («Правовые и конституционные последствия вступления Великобритании в Европейское экономическое сообщество»). В ней говорилось, что «необходимо будет принять законодательство, придающее силу национальному закону тем положениям договоров (договоров о создании Европейских сообществ.— Р. М.) и других актов Сообществ, целью которых является их непосредственное действие внутри государств—членов Сообществ. Такое законодательство является необходимым, потому что, согласно нашему конституционному праву, само присоединение к договору еще не означает его действия во внутреннем праве, даже если целью договора является его прямое действие в качестве национального права государств—участников договора»⁹⁴.

Великобритания присоединилась к «Общему рынку» в 1972 году. Правовой основой присоединения является Договор о присоединении 1972 года. Он был ратифицирован только после издания закона о Европейских сообществах⁹⁵. В силу этого закона правовые акты Европейских сообществ становятся самоисполняющимися в Великобритании. Параграф 2 закона предусматривает, что «все права, полномочия, ответственность, обязательства и ограничения, созданные договорами (договорами о создании Сообществ.— Р. М.) либо возникающие из них или из других актов, изданных на основе этих договоров, действуют в Великобритании непосредственно»⁹⁶. По существу, это отсылочная норма национального права Англии к «праву Сообществ».

Соответствующие изменения внесли в свое законодательство и Ирландия (ст. 29 Конституции), Дания (закон о присоединении Дании к Европейским сообществам⁹⁷) и Норвегия (ст. 29 Конституции), которая, правда, впоследствии не вступила в ЕЭС.

Таким образом, в Великобритании и других странах, которые в значительной степени восприняли английскую систему права, существует довольно строгое ограничение международных договоров от норм национального права. Причиной этого, как указывают многие буржуазные авторы, является то обстоятельство, что в этих странах международные договоры заключаются исполнительной властью независимо от законодательной. Здесь мы снова видим, как способ национально-правовой имплементации международных договоров связан со способом их заключения. Так, проф. Дж. Старк пишет, что такое строгое разграничение между договорами и национальным законодательством обусловлено главным образом конституционными принципами, которые регулируют взаимоотношения между исполнительной властью (Короной) и парламентом. Если бы положения договора, заключенного Короной, действовали в Великобритании автоматически, без какого-либо специального акта, инкорпорирующего эти положения в национальное право, то это привело бы к тому, что Корона изменяла бы внутрисударственное право Великобритании или принимала бы другие важные шаги без участия парламента»⁹⁸.

При исследовании порядка заключения международных договоров в различных странах мы видели, что национальное право тех государств, в которых междуна-

и отсылки к международным договорам как способов национально-правовой имплементации последних является более рациональным и надежным, чем использование только одного из этих способов.

в) Национально-правовая имплементация в странах, провозглашающих общепризнанные нормы международного права выше права страны

Третья группа стран — страны, конституции которых провозглашают общепризнанные нормы международного права выше права страны. Статья 25 Основного закона ФРГ предусматривает, что «общие нормы международного права являются составной частью права Федерации. Они имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории»⁹⁹. Статья 10 Конституции Италии определяет: «Правовой порядок Италии согласуется с общепризнанными нормами международного права»¹⁰⁰.

Первая проблема, которая встает перед исследователем при анализе практики национально-правовой имплементации норм международного права в этих странах, — вопрос о том, что понимается под общими (или общепризнанными) нормами международного права применительно к этим конституциям.

На этот вопрос даются различные ответы. К. Холлоуэй, исследуя соотношение международного договора и национального права ФРГ, считает, что, «хотя ст. 25 Основного закона явно не говорит о договорах, положение о верховенстве общих норм международного права интерпретируется многими таким образом, что она распространяется также и на договоры»¹⁰¹. Л. Вильдхабер также отмечает, что в ФРГ «договоры автоматически инкорпорируются во внутреннее право страны»¹⁰².

Некоторые авторы толкуют ст. 10 Конституции Италии таким образом, что распространяют ее действие и на международные договоры. Вот логика их рассуждений. Статья 10 Конституции Италии устанавливает, что внутренние нормы Италии должны соответствовать требованиям общепризнанных норм международного права. Принцип *роста sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) является общепризнанной нормой международного права. Если внутренние нормы не согласуются с положениями международных договоров, то это может

родные договоры могут действовать внутри страны, требует одобрения законодательным органом всех договоров (США, Швейцария) или договоров определенной категории, в том числе договоров, требующих для своей имплементации изменения норм внутригосударственного законодательства (Австрия, Франция и др.). В Англии же согласия парламента на заключение международных договоров вообще не требуется. Это является первой и непосредственной причиной строгого разграничения сфер международного договора и норм национального права в рассматриваемых здесь государствах. Однако, как нам представляется, имеется и другая причина.

В Англии, в отличие от большинства других буржуазных государств, нет норм статутного права, посвященных заключению и исполнению международных договоров. Сложившиеся здесь нормы, касающиеся соотношения международного договора и национального права, являются результатом длительного исторического развития, складывались постепенно под влиянием практики. Можно сказать, что в этих странах юридические нормы, касающиеся вопросов соотношения международного и национального права, больше соответствуют фактическому состоянию дел, чем в государствах, объявляющих международное право частью права страны. Провозглашение в конституциях многих буржуазных государств международных договоров частью права страны или даже выше него носит в определенной степени декларативный характер, ибо часто положение международного договора, хотя и имеет целью достижение определенного урегулирования отношений с участием субъектов национального права, не могут в силу своего характера действовать в сфере последнего. С другой стороны, в процедуре национально-правовой имплементации норм международного права в Англии проявляется и отрицательная сторона регулирования только нормами прецедента или обычного права общественных отношений в условиях быстрого их развития. Правовое регулирование может в таком случае отстать от изменения фактических отношений. Что касается «права Сообществ», то, как мы знаем, Англия вынуждена была пойти на изменение своего традиционного подхода к соотношению договора и норм национального права.

Анализ практики социалистических государств в воле национально-правовой имплементации норм международного права показал, что сочетание инкорпорации

привести к нарушению нормы *rasa sunt servanda*. Следовательно, международные договоры должны автоматически действовать в сфере внутреннего права страны. Такими же умозаключениями некоторые авторы подводят международные договоры под действие ст. 25 Основного закона ФРГ.

По поводу подобного умозаключения следует отметить, что, с одной стороны, для добросовестного соблюдения принципа *rasa sunt servanda* отнюдь не требуется, чтобы международные договоры действовали внутри страны, а, с другой стороны, как мы уже видели, объявление договоров частью права страны отнюдь не означает, что этим гарантировано соблюдение принципа *rasa sunt servanda*.

Анализ самих конституционных положений, а главное практики этих стран, приводит совсем к другим выводам.

Статью 25 Основного закона ФРГ нельзя толковать изолированно от п. 2 ст. 100 этого же закона, которая предусматривает, что, «если в связи с судебным делом возникает сомнение, является ли какая-либо норма международного права частью федерального права и создает ли она непосредственно права и обязанности для отдельных лиц (статья 25), суд должен прибегнуть к решению Федерального конституционного суда»¹⁰³. Как пишет Г. Рупп, «суд должен передать вопрос для решения в Конституционный суд, чье решение имеет силу, равную силе федерального закона, и является обязательным для всех судов и публичных властей»¹⁰⁴. Далее он объясняет: «Процедура, установленная в п. 2 ст. 100 Основного закона, имеет целью ограничивать как можно в большей степени опасность для внутреннего права, которая является результатом инкорпорации общих норм международного права»¹⁰⁵. Следовательно, Конституционный суд — внутренний орган государства — решает, является ли та или иная норма международного права общей, применима ли она внутри страны, придать ли ей силу внутреннего закона. По сути дела, функции Конституционного суда в данном случае являются правотворческими.

У судов, как правило, не возникает никаких сомнений, если вопрос касается международных договоров. Так, например, налоговый суд в Гамбурге в решении от 29 октября 1969 г. отказался руководствоваться положениями Генерального соглашения о тарифах и торговле

(ГАТТ). Суд заявил, что, «согласно решению Федерального конституционного суда от 14 мая 1968 г., общие нормы международного права состоят в принципе из универсальных обычных норм международного права... Суд не считает, что положения, содержащиеся в ГАТТ, — это общие нормы международного права, хотя ГАТТ не двусторонний, а многосторонний договор... Отсутствие двух великих держав, таких как СССР и Китай, не позволяет, по мнению суда, рассматривать ГАТТ как общую норму международного права... Следовательно, ГАТТ — это международный договор, а не общая норма международного права. Нельзя также превратить договор в общую норму международного права путем ссылки на принцип *rasa sunt servanda*, как утверждает истец»¹⁰⁶. Поэтому суд ссылаясь в своем решении не на ГАТТ, а на противоречащие ему нормы права ФРГ.

Мюнстерский высший административный суд в решении от 25 мая 1955 г. заявил по поводу применимости положений Европейской конвенции по правам человека внутри страны, что «разд. 2 акта о ратификации является правом согласно смыслу ст. 59 ч. 2 Основного закона. Следовательно, Конвенция стала частью внутреннего права и поэтому непосредственно применимым правом»¹⁰⁷. Далее, однако, суд уточнил, что конвенция не подпадает под действие ст. 25 Основного закона, так как последняя говорит только «об общих нормах международного права. Эта статья может быть, конечно, применена и к договорному праву, но только постольку, поскольку последнее является кодификацией общих норм международного права»¹⁰⁸.

Следовательно, необоснованным является встречающееся в советской международно-правовой литературе утверждение, что Основной закон ФРГ признает примат международного права над национальным законодательством и «необходимость соблюдать договор, даже если он противоречит основополагающим внутрисударственным правовым нормам»¹⁰⁹.

Относительно международных договоров мы уже выяснили, что они не подпадают под действие ст. 25 Основного закона ФРГ. Но вряд ли можно утверждать, что вообще какая-либо конституция признает примат международного права над национальным правом, особенно «над основополагающими внутрисударственными правовыми нормами». Даже ст. 63 Конституции Нидерландов, которая предусматривает, что «в интересах, требу-

рых развитием международного правоупорядка, соглашение может содержать отступление от положений Конституции»¹¹⁰, не является признанием примата международного договора над национальным правом, ибо процедура заключения такого договора совпадает с процедурой внесения изменений в конституцию.

Что касается Италии, то ст. 10 Конституции также не относится к международным договорам. Характерным для соотношения международного договора и норм национального права Италии является решение Верховного суда Италии от 22 марта 1972 г. по делу «Унионе манифаттуре» против министерства финансов. Суд не только отказался руководствоваться италяно-сирийским торговым соглашением от 10 ноября 1955 г., который был ратифицирован Италией и 7 мая 1957 г. опубликован в официальном издании страны («Gazzetta Ufficiale»), но и дал развернутое объяснение своим действиям. Суд заявил, что «ст. 10 Конституции, конечно, имеет в виду автоматическую рецепцию норм международного права... Однако необходимо иметь в виду, что метод рецепции действует только в отношении общего международного права, которое состоит из обычных норм. Такие нормы действуют в отношении всех членов международного сообщества и содержат основные правила для обеспечения мирного сосуществования. Что же касается норм, содержащихся в международных конвенциях, коих рецепция осуществляется путем имплементации, которая может произойти посредством издания закона, если вопрос, согласно внутреннему праву, относится к компетенции законодательных органов»¹¹¹. Далее суд признал, что, «правда, имелись попытки со стороны теоретиков права обосновать автоматическую рецепцию договоров в Италии, но это только отдельные попытки и явно противоречат нашей правовой системе»¹¹². Конституционный суд Италии в решении от 6 февраля 1979 г., когда возник вопрос о применении положений Пакта о гражданских и политических правах, заявил, что ст. 10 Конституции не относится к международным договорам.

Впечатление о том, что международный договор после вступления в силу на международной арене становится частью национального права ФРГ или Италии, может возникнуть из-за того, что законодательный орган, одобряя закон о международном договоре, часто в этот же закон включает нормы, направленные на им-

плементацию одобряемого договора. Например, в ФРГ 22 июня 1954 г. был принят бундестагом закон о присоединении Федеративной Республики Германии к Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений ООН от 21 ноября 1947 г. и о предоставлении привилегий и иммунитетов другим международным организациям. Статья 1 закона предусматривает: «Присоединение Федеративной Республики Германии к Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений ООН одобрить»¹¹³. Статья 2 определяет: «Конвенция, опубликованная ниже, будет иметь силу закона».

Верховный суд Италии в решении от 22 марта 1972 г. разъяснил также различие между имплементацией договора парламентом и одобрением договора до ратификации этим же органом. Суд заявил: «Необходимо проводить различие между законом, который содержит положение об имплементации, и законом, который, согласно ст. 80 Конституции, разрешает ратификацию договоров... Как показывает практика, в настоящее время в Италии принимается только один закон. Этот закон и уполномочивает президента Республики ратифицировать международный договор и содержит указание об имплементации договора»¹¹⁴.

Лучше всего видно отличие между договором и нормой национального права на примере международных соглашений, которые для вступления в силу на международной арене не требуют ни ратификации, ни одобрения законодательным органом. В этом случае одно подписание договора, достаточное для его вступления в силу на международной арене, не делает договор обязательным в сфере национального права. Для реализации положений договора внутри страны требуется издание специальных норм национального права. Вышеприведенное решение Верховного суда Италии подтверждается и другими решениями этого же органа¹¹⁵.

Таким образом, международные договоры сами не действуют внутри этих государств. Что же касается общепризнанных (общих) норм международного права, то, несмотря на все их значение, они, являясь порождением согласования воли государств различных социальных систем, очень часто общие еще и в том смысле, что для своего применения нуждаются в конкретизации. Их положения конкретизируются или на международном уровне в других нормах международного права (глав-

ным образом в договорных нормах), или на внутригосударственном уровне в нормах национального права. Если пользоваться терминологией стран, в которых международные договоры являются действующими внутри страны, общие (общепризнанные) нормы международного права — это нормы по своему характеру несамостоятельные. Поэтому само провозглашение этих норм выше права страны еще не означает, что они могут действовать внутри государства. И не удивительно, что ни один суд в этих странах не признавал действительными нормы национального права, противоречащие общепризнанным нормам международного права. А такие нормы в национальном праве этих стран, конечно, имеются. Возьмем хотя бы положения законодательства ФРГ, содержащие запрещения на определенные профессии прогрессивным деятелям. Положения этих законов противоречат общепризнанным принципам и нормам международного права, касающимся сотрудничества государств в области защиты прав человека, а также Пактам о правах человека, участницей которых является ФРГ. Например, министр транспорта, почты и телеграфа ФРГ социал-демократ К. Гшайдле заявил в интервью еженедельнику «Штерн», что государственный служащие, являющиеся членами Германской коммунистической партии, подлежат увольнению со службы. На замечание журналиста, что ФРГ — единственное государство в Западной Европе, где коммунисты не могут работать почтальонами или железнодорожниками, министр ответил: «У нас не европейское право, мы должны подчиняться западногерманским законам. А поскольку федеральное правительство и западногерманские судьи неоднократно подчеркивали, что ГКП преследует цели, враждебные Конституции, неминуемо, чтобы государство этой партии»¹¹⁶. Это заявление ответственного государственного деятеля отнюдь не служит подтверждением положения, что общепризнанные нормы международного права «имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории».

11 июня 1975 г. вступила в силу новая Конституция Греции, которая довольно много внимания уделяет соотношению международных договоров и норм национального права. Пункт 1 ст. 28 Конституции гласит, что «общепризнанные нормы международного права, а так-

же международные договоры с момента их санкционирования при помощи закона и вступления в силу, согласно положениям самого договора, являются частью национального права Греции и имеют преимущество перед законами, противоречащими им»¹¹⁷.

Как отмечает американский автор А. Фатоурос, санкционирование — это юридический акт национально-го права, «в силу которого положения международного договора могут действовать в сфере национального права. Согласно недавней практике, санкционирование договора не обязательно происходит путем издания парламентом закона. Актом, санкционирующим действие договора, может быть акт исполнительной власти (коля, президента), хотя в Конституции нет на этот счет никаких указаний»¹¹⁸. Греческий автор Э. Рукунас пишет: «...Конституция требует: договор, для того чтобы он мог быть выше внутреннего закона, должен быть проммульгирован в форме закона. Соглашения в упрощенной форме вводятся во внутреннее право декретом или министерским приказом»¹¹⁹.

Хотя для окончательных выводов нужно исследовать практику применения указанных положений Конституции, анализ п. 1 ст. 28 позволяет нам отнести Грецию скорее к третьей группе стран в вопросе о национально-правовой имплементации норм международного права. Во-первых, общепризнанные нормы международного права объявляются действующими непосредственно в сфере национального права и их юридическая сила, согласно Конституции, превосходит юридическую силу национальных законов. Во-вторых, международные договоры, хотя и объявляются имеющими большую юридическую силу, чем национальные законы, требуют для своего действия внутри страны последующей санкции со стороны норм национального права. А. Фатоурос отмечает: «...По смыслу п. 1 ст. 28 и ст. 36 Конституции существует только один путь, посредством которого договор становится частью национального права: издание парламентом санкционирующего договор закона»¹²⁰. Как и ст. 100 Основного закона ФРГ, ст. 100 Конституции Греции предусматривает, что спор о том, является ли та или иная норма международного права общепризнанной, решается специальным Верховным судом¹²¹.

Новая Конституция Греции содержит и статью (п. 2 ст. 28) о возможном ограничении суверенитета страны в пользу международной организации. Эта статья была

включена в Конституцию, явно имея в виду вступление страны в «Общий рынок», как это было и в некоторых других государствах (Дания, Ирландия и т. д.).

Отсылки к международному праву содержатся и в ст. 8 новой Конституции Португалии: «Нормы и принципы международного общего или обычного права составляют неотъемлемую часть португальского права»¹²². Что же касается международных договоров, то они вступают в силу внутри страны и их выполнение становится обязательным после опубликования. Следовательно, Конституция Португалии содержит отсылку как к обычным нормам международного права, так и к международным договорам. Поэтому в области национальной правовой имплементации норм международного права она соединяет в себе характерные особенности как государств первой группы (США, Франция и др.), так и государств третьей группы (Греция, Италия, ФРГ).

Характерным для освободившихся от колониальной зависимости стран является восприятие ими многих черт законодательства своих бывших метрополий. Нигериец Ф. Окойе отмечает, что «почти все африканские государства, добившиеся независимости после 1945 года, в своих конституционных положениях сохранили те нормы национального права, которые действовали до достижения независимости, поскольку они не противоречили положениям новых конституций или публичному праву в государстве. В результате такой преемственности нормы национального права, определяющие взаимоотношения международного и национального права, по существу, совпадают с нормами внутреннего права бывших метрополий»¹²³.

Большинство развивающихся стран Африки — бывших французских колоний в вопросе соотношения национального и международного права восприняли, по существу, всю гл. VI «О международных договорах и соглашениях» Конституции Франции 1958 года¹²⁴. С другой стороны, Конституция Нигерии, бывшей колонии Великобритании, содержит положения, в главных своих чертах совпадающие с конституционной практикой бывшей метрополии в вопросах соотношения международного и национального права. Так, ст. 69 Конституции гласит: «Парламент может издавать законы для Нигерии или любой ее части... в целях выполнения любого договора, конвенции либо соглашения между Федерацией и любой другой страной, или любого соглашения с

международной организацией, членом которой является Федерация, либо решения такой международной организации»¹²⁵.

Так, Верховный суд Ганы (бывшая английская колония) в деле «Лардман против Генерального прокурора» заявил: «Действительность законодательного акта, принятого парламентом в осуществление своих функций, не может ставиться под сомнение судами даже на том основании, что он противоречит международному праву»¹²⁶. Это решение характерно для британской практики в данном вопросе. В Марокко же (бывшая французская колония) суд первой инстанции в Рабате в решении от 29 апреля 1964 г. применил положения Варшавской конвенции об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, от 12 ноября 1929 г., а не нормы национального права, противоречащие данной конвенции¹²⁷.

Конституции некоторых африканских государств содержат положения декларативного характера о приверженности этих стран нормам международного права. Например, Конституция Гвинеи 1958 года в ст. 31 определяет, что «Гвинейская Республика сообразуется с нормами международного права»¹²⁸. Статья 38 Конституции Мали 1960 года также гласит: «Республика сообразуется с нормами международного права»¹²⁹.

Ф. Окойе пишет, что «эти положения не имеют целью гарантировать примат международного права, а предусматривают исполнение норм международного права в деятельности различных государственных органов»¹³⁰. Думается, что эти положения можно сравнить со ст. 51 Конституции Индии 1949 года, которая предусматривает, что «государство стремится... поощрять уважение к международному праву и договорным обязательствам в отношениях между организованными народами»¹³¹. Это положение входит в ч. IV Конституции «Руководящие принципы политики государства», а в ст. 37 сказано, что положения, содержащиеся в этой части, «не должны осуществляться в судебном порядке, но изложенные в ней принципы имеют, тем не менее, основополагающее значение для управления страной, и государство обязано исходить из этих принципов при издании законов»¹³².

Конституции молодых государств в вопросах соотношения международного и национального права, конечно, не являются копиями соответствующих положений в национальном праве бывших метрополий. Своеобразие

социальной структуры, общность целей и задач, стоящих перед государствами, добившимися независимости, обуславливают особенности и в этом вопросе.

В преамбуле конституций некоторых молодых государств нашло отражение то обстоятельство, что борьба за их независимость прогрессивных сил всего мира, и в первую очередь социалистических государств, велась в рамках ООН. Так, в Конституции Гвинеи записано: «Гвинейское государство полностью присоединяется к Уставу Организации Объединенных Наций и ко Всеобщей декларации прав человека»¹³³.

Конституции некоторых государств Африки содержат положения, являющиеся отражением концепции африканского единства. Например, ст. 48 Конституции Мали 1960 года предусматривает, что «Республика может заключить с любым африканским государством соглашение об ассоциации или сообществе, предполагающие частичный или полный отказ от суверенитета, в целях осуществления африканского единства»¹³⁴.

Однако происходящая в настоящее время социально-экономическая и политическая дифференциация государств Африки, когда одни из них вступают на путь социалистической ориентации, ведут антиколониальную, антиимпериалистическую внешнюю политику, в то время как другие идут на поводу своих бывших метрополий или других империалистических держав, вряд ли позволит этим положениям осуществиться в ближайшем будущем. Как было сказано на XXVI съезде КПСС, «страшны эти очень разные. Одни из них после освобождения пошли по революционно-демократическому пути. В других утвердились капиталистические отношения. Некоторые из них проводят подлинно независимую политику, другие идут сегодня в фарватере политики империализма. Словом, картина довольно пестрая»¹³⁵.

Практика национально-правовой имплементации норм международного права в различных странах имеет своеобразные черты в каждом государстве, которые определяют общественым и государственным строем, степенью участия страны в международном общении, историческими традициями и т. д. Существует тем не менее ряд общих моментов в вопросе имплементации норм международного права в различных государствах.

Во-первых, анализ, проведенный выше, не оставляет никаких сомнений в том, что международное право и национальное право любого государства — это две раз-

личные системы права. Поэтому нет никаких оснований говорить, что, например, «по Конституции Португалии международное и внутригосударственное право — это одна юридическая система, по Конституции Ирландии — две»¹³⁶. Если нормы какой-либо правовой системы могут действовать в рамках другой, то только с разрешением последней.

Во-вторых, все увеличивающиеся взаимосвязи между государствами не приведут к увеличению применения общей отсылки к международным договорам (как произошло, в форме объявления договоров частью права страны). Скорее всего, наоборот. Увеличение количества международных договоров, имеющих целью достижение определенного урегулирования отношений между субъектами внутригосударственного права, является причиной острого отношения государств к доктрине самоисполняющихся договоров.

В-третьих, следует отметить, что метод инкорпорации, то есть издания материальных норм национального права с целью исполнения положений норм международного права, встречается во всех государствах, даже в тех, которые объявляют международное право частью права страны. Это является результатом необходимости конкретизации положений многих соглашений, адаптации их к социальному строю государства, к особенностям его правовой системы. Отсылка является дополнительным (хотя и очень важным и в теоретическом плане наиболее сложным) способом имплементации и применяется главным образом при регулировании международных отношений негосударственного характера.

В-четвертых, как бы совершенен ни был механизм национально-правовой имплементации международных договоров (а в государствах, рассмотренных выше, он часто далек от совершенства), главной гарантией строгаго соблюдения международных договоров государством является соответствие между принципами внешней политики данного государства и принципами и нормами международного права. Именно поэтому практика имплементации международных договоров в социалистических странах выгодно отличается от практики буржуазных стран в этом вопросе. Отсюда и поиски социалистических стран в области улучшения механизма исполнения договоров и, следовательно, более точный и рациональный механизм национально-правовой имплементации договоров в этих странах.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО, МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Как мы видели, существует много спорных вопросов в проблеме соотношения международного и национально-го права. Однако еще больше нерешенных проблем в области соотношения международного публичного и частного права, а также международного частного права и национального права.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что существуют две основные концепции о месте международного частного права. Господствующая в литературе точка зрения — подход к международному частному праву как к части национального права различных государств. Некоторые авторы считают, что международное частное право является частью международного права в широком смысле этого слова (в качестве второй части рассматривается международное публичное право). Рассмотрим подход к международному частному праву (МЧП) как части национального права.

Нам представляется, что такой подход имеет несколько спорных посылок. Первой посылкой является то обстоятельство, что многие сторонники национального характера МЧП рассматривают его исключительно как коллизионное право. Так, Дж. Моррис в работе «Коллизионное право» пишет, что «коллизионное право, или международное частное право, как его иногда называют, имеет мало общего с международным публичным правом»¹. Источниками коллизионного права, по Моррису, являются статуты, судебные решения и мнение юристов², то есть внутригосударственные источники. Дж. Че-

шир считает, что «международное частное право является отдельной и отличной частью английской правовой системы», потому что оно всегда касается одного из трех вопросов, а именно: 1) обладают ли английские суды юрисдикцией в данном деле; 2) если обладают, то каким правом они должны руководствоваться при решении и спора; 3) в каких случаях английские суды признают и исполняют иностранные судебные решения»³. Следовательно, и Чешир в МЧП включает только внутренние коллизионные нормы.

Вторая посылка заключается в теории трансформации. Большинство советских ученых не ограничивают МЧП лишь коллизионными нормами, а включают сюда и определенные нормы материально-правового характера, особенно создаваемые посредством межгосударственных соглашений. Но они считают, что положения такого соглашения становятся частью МЧП лишь в результате трансформации их в нормы национального права⁴.

Несостоятельность первой посылки убедительно показана многими советскими учеными. Однако нам представляется, как мы подробно постарались показать в предыдущей главе, что и вторая посылка не беспорна. С одной стороны, если быть точным, невозможно превращать нормы международного права в нормы национального права, с другой (и это главное) — нет и такой необходимости. Государство или включает в свое внутреннее законодательство нормы материального права, помогающие реализации предписаний норм международного права, или посредством отсылки санкционирует действие положений международных договоров на территории государства. Последний способ, как правило, подходит для реализации тех положений международных договоров, которые направлены на регулирование международных отношений негосударственного характера⁵. Поэтому мы считаем, что отнесение МЧП только к национальному праву различных государств не совсем соответствует действительному положению вещей.

Что же касается точки зрения, что МЧП является частью международного права в широком смысле, то следует отметить, что никто еще не доказал, что такое явление вообще существует. У МЧП и международного публичного права различные субъекты, различна у них также значительная часть источников, не совпадают регулируемые ими общественные отношения и т. д. Все

это вряд ли позволяет говорить о международном праве в широком смысле, включающем и международное публичное, и международное частное право.

Советская юридическая наука исходит из того, что международное публичное право и национально-правовые системы различных государств являются хотя и взаимодействующими, но тем не менее различными системами права. Так как такого единства нет в вопросе о природе и месте МЧП, нам представляется целесообразным предварительно рассмотреть вопрос о том, по каким основаниям можно говорить о международном публичном праве и национально-правовых системах как о различных самостоятельных системах права и есть ли такие основания для выделения МЧП в качестве особой системы права, отличной от международного публичного или национального права.

В. М. Корецкий весьма точно, по нашему мнению, еще в 1928 году писал, что «нормы можно характеризовать по источнику регулирования, по техническому приему регулирования и по содержанию регулируемых отношений»⁶. Можно сказать, что все юридические нормы распределяются в различные правовые системы в силу двух основных системообразующих факторов. Этими факторами являются: 1) сфера действия норм (для регулирования каких отношений они созданы, в рамках какой социальной системы они действуют); 2) источник норм (чью волю выражают те или иные нормы). Международное публичное право отличается от всех национально-правовых систем еще и тем, что оно выражает волю не какого-либо одного государства, а согласованную волю нескольких государств. В этом плане одна национально-правовая система отличается от других систем национального права, во-первых, тем, что ее нормы призваны регулировать общественные отношения в пределах юрисдикции какого-либо определенного государства; во-вторых, тем, что они являются результатом волеизъявления господствующих классов (всего народа — в социалистических государствах) этого же государства.

Эти особенности международного публичного права и национально-правовых систем, позволяя отличать национальное право одного государства от национально-правовых систем других государств и от международного публичного права, являются также основными системообразующими факторами для этих правовых систем.

Существуют ли такие факторы у международного частного права?

Что касается источника норм, то представляется, что, кроме двух вышеприведенных источников (воля какого-либо отдельного государства или согласование воли нескольких государств) особую третью источник юридикальных норм не существует⁷. «Право возникает только как результат действий государственных органов. Следовательно, любой правовой нормативный акт исходит от государства или одобрен им, то есть носит государственный характер»⁸, — отмечает С. Л. Зивс, имея в виду внутрисоударственное право. Так же обстоит дело и с международным публичным правом. «Разные составные части международного права, происходящие из различных источников, входят в систему международного права. Общим для них является согласование воли государств, из которых возникает международное право»⁹, — говорится в «Курсе международного права».

Таким образом, по своему источнику правовые нормы являются или нормами права какого-либо государства, или нормами международного публичного права (мы не рассматриваем здесь нормы права, создаваемые международными организациями и регулирующие поведение международных служащих).

Не так просто обстоит дело со сферой действия норм права. В гл. I мы показали, что общественные отношения в зависимости от их связи с государством делятся на три категории: внутрисоударственные отношения, межгосударственные отношения и международные отношения негосударственного характера. Если межгосударственные отношения регулируются международным публичным правом, а внутрисоударственные отношения — национальным правом данного государства, то с правовым регулированием международных отношений негосударственного характера дело обстоит сложнее. Эти отношения носят в определенной мере двойственный характер. С одной стороны, они выходят за пределы одного какого-либо государства и, следовательно, их правовое регулирование затрагивает интересы более чем одного государства, то есть они не подпадают под исключительную юрисдикцию какого-либо одного государства. С другой стороны, эти отношения не могут непосредственно регулироваться и международным публичным правом, так как их субъектами (сторонами) являются юридические и физические лица, то есть субъекты междуна-

родного права. С нашей точки зрения, то обстоятельство, что эти общественные отношения, с одной стороны, являются международными, так как они выходят за пределы одного какого-либо государства, а с другой стороны, участниками этих отношений являются субъекты национально-правовых систем, обуславливает в значительной мере сложности в определении места МЧП. Эти отношения несомненно значительно отличаются от межгосударственных властных отношений, являющихся объектом международного публичного права, но они также во многом отличаются от внутригосударственных отношений хотя бы уже их зависимостью от состояния и наличия соответствующих межгосударственных отношений. Такие различия должны учитываться при правовом регулировании этих отношений.

Сами же эти отношения тоже не являются однородными. Это могут быть отношения вертикального характера (государство как субъект власти — иностранец). Они могут быть отношениями горизонтальными (торговые связи между юридическими лицами из разных стран). Первые из этих отношений регулируются национальным правом (уголовным, административным и т. д.) того государства, которое само в лице своих органов или должностных лиц является одной из сторон отношений. Горизонтальные же отношения (их можно было бы назвать международными отношениями невластного характера) не могут регулироваться исключительно национальным правом какого-либо одного государства. Следовательно, существует группа общественных отношений, несомненно нуждающихся в правовом регулировании, но не являющихся «собственным» объектом национального права какого-либо государства, ни международного публичного права.

Характерным для регулирования международных отношений невластного характера является, по нашему мнению, особый метод регулирования — коллизионный (отсылочный) метод. Так как эти отношения не имеют своего «собственного» источника права, то всегда перед органом, применяющим право, возникает вопрос, нормами какой правовой системы руководствоваться при их регулировании. Чаще всего речь идет о выборе между различными национально-правовыми системами. Такой выбор осуществляется при помощи коллизионной нормы. Если же между государствами, чьи правовые системы коллидируют в данном вопросе, заключен договор,

положения которого имеют целью регулирование данного вопроса, то вместо коллизионной нормы, отсылающей к своему национальному праву или к иностранному праву, будет применяться отсылочная норма к международному договору. Если в национальном праве нет отсылочной нормы к международным договорам, как, например, в Англии, то правотворческие органы страны должны в каждом случае издать соответствующие акты национального права, нормы которого следует применять в данном случае. Но и здесь нет так называемого «прямого регулирования». Даже инкорпорируемые в национальное право нормы, изданные во исполнение международного договора, применяются только в результате указаний коллизионной нормы, если речь идет о регулировании международных отношений невластного характера. Дело в том, что, даже в случае если национально-правовые системы двух государств были бы идентичными или идентичными были бы применяемые к данному случаю нормы¹⁰, хотя, по существу, не было бы различия в том, чье право применять, применить можно лишь нормы одной системы права, то есть выбор права необходим и в этом случае. Другое дело, что результат этого выбора не имеет такого большого значения, как в случае, если бы нормы права этих государств в данном вопросе были различными. Но так как необходим выбор, требуется и обращение к коллизионной норме.

Так как отсылочная (или коллизионная) норма может отсылать к материально-правовым нормам своего государства, к праву иностранного государства или, наконец, к нормам международного договора, получается, что при регулировании международных отношений невластного характера взаимодействуют определенные части национального права различных государств как между собой, так и с определенной частью норм международного публичного права. Эти взаимодействующие части различных правовых систем имеют свой объект регулирования (международные отношения невластного характера) и свой особый метод регулирования (коллизионный, отсылочный). Однако по своему источнику нормы, регулирующие эти отношения, входят в различные системы права (в различные национально-правовые системы и в международное публичное право).

Эти нормы, традиционно называемые нормами МЧП, в отличие от норм международного публичного права и

в состав соответствующего целого, но и то, что одновременно являются частями другого целостного правового образования»¹³. Нормы МЧП как раз и являются такими правовыми образованиями, которые, сохраняя свое место в национально-правовых системах государств и в международном публичном праве, имея здесь свою главную «прописку», образуют новую структуру, получают возможность раскрывать свои потенции через вновь возникший полисистемный комплекс.

Что позволяет нам говорить о МЧП, с одной стороны, как о полисистемном комплексе, а не о простой совокупности норм, принадлежащих к тому же к различным системам права, и почему, с другой стороны, эти нормы не образуют единую целостную систему?

Во-первых, эти нормы необходимым образом связаны. Основной их связи является то обстоятельство, что все они участвуют в регулировании определенной однородной совокупности общественных отношений — международных отношений невластного характера. Вторым связующим фактором, вытекающим из первого, является единый метод регулирования. Регулирование этих отношений происходит по формуле: коллизионная (или отсылочная) норма + материально-правовая норма. Через коллизионные (отсылочные) нормы осуществляется непосредственная связь между различными частями МЧП.

Кроме того, различные части МЧП объединяют и определенные общие начала. Так, Л. А. Лунц пишет, что «ряд начал международного частного права давно считается общепризнанным, исходя из того что их соблюдение служит неременным условием мирного делового сотрудничества между государствами и, следовательно, вытекает из основных принципов международного публичного права»¹⁴. Существуют также общие понятия, характерные только для МЧП.

С другой стороны, нормы МЧП не могут образовать единую целостную систему. Они являются результатом волеизъявления различных государств или даже результатом согласования их волей. Их связь достаточно сильна с соответствующими «базовыми» правовыми системами (национально-правовые системы и международное публичное право). Это едва ли позволяет говорить о МЧП как о целостной системе права.

Можно задаться вопросом, а не наделяем ли мы индивидов и юридических лиц качеством международной

национального права, характеризуются другими специфическими факторами: особой сферой действия и специфическим методом регулирования. По своему источнику они входят или в национальное право какого-либо государства, или в международное публичное право. Могут ли эти нормы в таком случае образовать особую, отличную от национального или международного права систему?

Советские философы, исследующие различные системы, обращают внимание на то, что явления объективной действительности могут взаимодействовать между собой, не образуя при этом новую систему, но, связанные необходимым образом, приобретают характер полисистемных комплексов. Так, В. П. Кузьмин отмечает, что «даже самый общий взгляд на реально существующее разнообразие материальных систем показывает, что существует по крайней мере два их основных «объектных» типа: целостные системы и системные комплексы». Во втором случае предметом изучения «являются не столько сами материальные системы и их закономерности, сколько системы взаимодействия, существующие между различными разнокачественными объектами, связанными необходимым образом»¹¹.

Нам представляется, что одним из таких полисистемных комплексов как раз и является МЧП, возникающее в результате взаимодействия определенных частей национально-правовых систем как между собой, так и с определенной частью международного публичного права при регулировании международных отношений невластного характера. Эти части, образующие в результате такого взаимодействия полисистемный комплекс, тем самым не исключаются из соответствующих национально-правовых систем или из международного публичного права (из соответствующих отраслей национального права и международного публичного права). Нормы права, как и многие другие явления объективного мира, могут одновременно являться частями (элементами) различных систем. Так, советские философы В. И. Сvidersкий и Р. А. Зобов отмечают, что производные структуры «сохраняют свои связи с исходной структурой, и их элементы получают возможность раскрывать свои потенции как через механизм закона результирующей структуры, так и через вновь возникшие системы отношений»¹². Д. А. Керимов отмечает, что для некоторых частей целого «характерно не только то, что они входят

правосубъектности, так как в МЧП у нас включается часть норм международного публичного права? Нет, не наделяем. Дело в том, что любые нормы МЧП, по своему источнику находящиеся в международном публичном праве, как материально-правовые, так и коллизионные, применяются лишь с санкции отсылочных норм национального права. Такая санкция требуется всегда также и для применения иностранного права, и, более того, нормы своего национального права также применяются при регулировании международных отношений невластного характера лишь с санкцией своей коллизионной нормы. В этом заключается особенность МЧП как права, регулирующего особую группу общественных отношений, обладающих двойственным характером (их можно назвать международными отношениями, сторонами которых являются субъекты внутригосударственного права) и не имеющих в силу этого своей «собственной» системы права.

Какие же это части национально-правовых систем и международного публичного права, образующие в результате своего взаимодействия МЧП?

Следует сказать, что у многих авторов подход к МЧП — это подход не как к реально существующему объекту, относительно обособленному от других объектов реального мира, а как к науке или учебной дисциплине, не имеющей к тому же четкого объекта исследования. Так, И. С. Перетерский отмечает, что «международное частное право является наукой (выделено мной. — Р. М.), предмет и даже само название которой наименее общепризнанно по сравнению с другими юридическими науками»¹⁵. Далее он говорит об отношениях, изучаемых международным частным правом¹⁶. А. Б. Левитин пишет о коллизионных нормах как о предмете международного частного права¹⁷. Л. А. Лунц считает, что ныне международное частное право должно охватить... изучение норм и регулируемых ими отношений¹⁸.

Нет сомнений в том, что указанные авторы понимают разницу между правом как совокупностью норм, регулирующих общественные отношения, и наукой права, изучающей эти нормы и отношения. Высказывая же типа «международное право исследует, изучает и т. д.» или прямое отождествление МЧП с наукой международного частного права являются, по нашему мнению, результатом отсутствия объективных критериев для оп-ределения тех или иных норм как норм МЧП.

Что же может служить таким объективным критерием? По нашему мнению, им должен являться факт участия норм в регулировании международных отношений невластного характера и метод (коллизионный, отсылочный) регулирования.

Как мы отметили, при регулировании международных отношений невластного характера всегда участвуют коллизионные, или отсылочные, нормы. Означает ли это, что МЧП — исключительно коллизионное право? Думаем, что ответ может быть только отрицательным. Однако лишь коллизионная норма не может регулировать общественные отношения. «Регулирующий эффект будет достигнут, когда будет применена норма, которую вызвала к действию конфликтная норма»¹⁹ — указывает В. М. Корецкий. А. Б. Левитин считает, что «коллизионные нормы совместно с соответствующим материальным правом непосредственно регулируют определенные жизненные отношения»²⁰. Это действительно так. Тем более непонятно, почему А. Б. Левитин исключает из МЧП любые материально-правовые нормы, которые, по его же правильному выражению, совместно с коллизионными нормами регулируют определенные жизненные отношения. Л. А. Лунц видит опасность в том, что если быть последовательными на этом пути, то придется включить в МЧП, например, и «общие нормы советского гражданского права»²¹. А. Б. Левитин даже отменяет, что повторное исследование одних и тех же вопросов в науке международного частного права помимо науки гражданского права «может принести только вред»²². Но дело в том, что МЧП не исследует, не изучает, а регулирует «определенные жизненные отношения». Действительно, наука МЧП, имеющая объектом исследования МЧП как совокупность норм, может и не исследовать подробно всех аспектов материально-правовых норм МЧП, входящих, допустим, в гражданское право какого-либо государства и применяемых в результате указаний коллизионной нормы для регулирования международных отношений невластного характера. Она может пользоваться и широким использованием выводов науки гражданского права (как она пользуется и многими выводами науки международного публичного права).

При нашем подходе к МЧП не возникает вопроса, к чему оно ближе: к международному публичному праву или внутреннему гражданскому праву. Г. К. Мат-

вев, например, считает, что «международное частное право занимает промежуточное (хотя и вполне самостоятельное, отраслевое) место между внутренним гражданским и международным публичным правом»²³. Однако далее он говорит по поводу МЧП: «Если иметь в виду собственно специфические задачи указанной отрасли советского права...». Следовательно, получается, что, с одной стороны, МЧП является отраслью советского права, а с другой стороны, оно занимает промежуточное место между другой отраслью советского права (гражданским) и международным публичным правом — особой системой права. Возможно ли такое? Ведь гражданское право и международное публичное право — это явления не однопорядковые: с одной стороны, отрасль советского права, а с другой — система права, состоящая, в свою очередь, из отраслей. Нам представляется, что необоснованна сама постановка вопроса: к чему ближе МЧП. Это хорошо видно при конкретизации вопроса. Ближе ли МЧП к нормам международного публичного права, касающимся запрещения применения силы или угрозы силой в международных отношениях, или нормам внутрисударственного уголовного права? Боюсь, что одинаково далеко. С другой стороны, к чему ближе МЧП: к «Общим условиям поставок СЭВ», которые являются международным договором, или к нормам национального права, регулирующим форму внешнеторговых сделок и входящим в гражданское право какого-либо государства? По нашему мнению, и то и другое есть само МЧП.

Следовательно, МЧП как объективно существующий полисистемный комплекс включает коллизийные и отсылочные нормы, содержащиеся в национальном праве и в международных договорах, а также нормы материального права, имеющие свой источник как в международных договорах, так и в национальном праве государств и применяемые в результате указаний коллизийной или отсылочной нормы для регулирования международных отношений невластного характера. В результате можно дать определение МЧП как полисистемного нормативного комплекса, регулирующего международные отношения невластного характера коллизийным (отсылочным) способом и включающего нормы, имеющие свой источник в национальном праве различных государств и в международном публичном праве.

Еще до Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин писал, что нельзя политику внешне отделить от политики внутренней, тем более противопоставлять одну другой. «Нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики»¹, — замечал он. «Выделять „внешнюю политику“ из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль. И во внешней политике, и во внутренней, одинаково, империализм стремится к нарушению демократии, к реакции»², — писал В. И. Ленин в другой работе.

Взаимосвязь внешней политики СССР, направленной на обеспечение мира, упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество, и его созидательной внутренней политики видна всегда и везде. Так, говоря о внешней политике Советского Союза на XXIV съезде КПСС, А. А. Громыко подчеркнул, что «каждый произведенный в стране станок, каждая тонна металла, каждая новая электронно-вычислительная машина и каждый центнер зерна — это не только вклад в подъем нашей экономики и благосостояние народа, но и вклад в нашу внешнюю политику»³. В. В. Загладин выделяет другую сторону взаимосвязи внутренней и внешней политики: «... От состояния дел внешних, международных в огромной мере зависит и ход нашего, прежде — социалистического, а теперь — коммунистического строительства»⁴.

Внешняя и внутренняя политика, международные и внутрисударственные отношения, а следовательно, и международное и национальное право, регулирующие

эти отношения, тесно взаимосвязаны. Поэтому координация и взаимосогласованность международного и национального права служат интересам осуществления как прогрессивной внутренней политики, так и миролюбивого, направленного на сотрудничество, а не на политическую силу курса на международной арене. Отсюда — активная законодательная деятельность Советского государства по согласованию международного и национального права. Только за последние годы были приняты такие важные законы в этой области, как Конституция СССР 1977 года (особенно ее гл. IV «Внешняя политика»), Закон о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР 1978 года, Закон о гражданстве СССР 1978 года, Закон о правовом положении иностранных граждан в СССР 1981 года и ряд других правовых актов. Активная законодательная деятельность в этой области происходит и в других социалистических странах.

Координированностью внешней и внутренней политики социалистических государств, соответствием их политики международному праву объясняются и внимание науки международного права в этих странах к вопросу соотношения международного и национального права, ее успехи в этой области.

Что касается империалистических государств, как показывают факты, их внешняя политика и внутренние дела, особенно в настоящее время, весьма далеки от международного права. Отсюда многочисленные конфликты между национальным правом этих стран и современным международным правом. Буржуазные ученые тщетно пытаются решить эту важную проблему.

Так, французский юрист-международник Ш. Валле на основе исследования положений, относящихся к международному праву, в пяти недавно принятых конституциях (СССР, КНР, Греции, Испании и Португалии) затрудняется определить, «одерживает ли в них верх монистическая концепция примата международного права над монизмом, признающим примат внутреннего права, или над дуализмом, или, говоря другими словами, сильнее ли автономность международного права по отношению к национальному правопорядку, чем их взаимозависимость»⁵.

По нашему мнению, бессмысленно спорить абстрактно о том, имеет ли место примат международного права над национальным или наоборот. Всегда нужно уточ-

нить: где, в какой сфере общественных отношений, в отношениях между государствами или внутри страны. Все наши предыдущие рассуждения, как нам представляется, позволяют сделать вывод о том, что если речь идет о соотношении международного и национального права в международной системе, то, естественно, примат принадлежит международному праву. Признание примата национального права в этой сфере означало бы отрицание самого международного права.

Несмотря на это, национальное право оказывает заметное воздействие на международное право, как на содержание его норм, так и на действительность международных договоров.

Сложнее обстоит дело с соотношением международного и национального права внутри государства, в «собственной» сфере национального права. Государства могут, как мы уже видели, объявить или все международное право, или отдельные его части выше внутреннего права страны в целом или какой-либо его части. Но государства делают это посредством своего национального права. То, что международное право не предписывает государствам какого-либо единого способа имплементации своих норм, видно хотя бы на примере разнообразной практики государств в этом вопросе. Следовательно, если само национальное право и устанавливает преимущественное действие положений международного права внутри страны, то это позволяет говорить только о верховенстве определенных норм международного права над определенными нормами национального права, а не о примате международного права как системы над национальным правом как системой.

Следовательно, может быть сформулировано общее положение о том, в процессе создания норм международного права имеет место разнообразное определяющее влияние национального права на международное право. В процессе же осуществления норм международного права оно оказывает решающее влияние на национальное право. Государства, руководствуясь при создании норм международного права своим национальным правом, принимая во внимание его возможности и ограниченности, не могут затем ссылаться на национальное право для оправдания невыполнения своих международных обязательств.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Правда, 1981, 15 окт.
- ² Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 8.
- ³ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1976, с. 25.
- ⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 64.
- ⁵ О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. М., 1979, с. 6.

Введение

Глава I

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.
- ² Цит. по: Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России, М., 1958, с. 20.
- ³ Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов, СПб., 1898, с. 188.
- ⁴ См. Байков А. Л. Правовое значение оговорки *gebus sic stantibus* в международных отношениях, М., 1916, с. 50—58.
- ⁵ Камаровский Л. Основные вопросы науки международного права, М., 1892, с. 9.
- ⁶ Там же, с. 41.
- ⁷ Там же, с. 33—34.
- ⁸ Казанский П. Введение в курс международного права, Одесса, 1901, с. 264.
- ⁹ См. Горюнов А. М. Международное право, Избранная литература, Краткая энциклопедия, СПб., 1909, с. 13.
- ¹⁰ Там же, с. 14.
- ¹¹ Там же, с. 537.
- ¹² Там же, с. 680.
- ¹³ Triepel H. *Völkerrecht und Landesrecht*, Leipzig, 1899, S. 19.
- ¹⁴ Анцилотти Д. Курс международного права, том первый, М., 1961, с. 66.
- ¹⁵ Так, Д. Б. Левин пишет, что они «изображали обе системы как почти полностью разобщенные» (Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права, М., 1974, с. 198). В. Г. Буткевич считает, что «дуалисты увлеклись анализом особенностей отношения международного и внутригосударственного права и настолько их гипертрофировали, что не признали возможным соот-

ношение правовых систем и их элементов между собой» (Буткевич В. Г. Соотношение внутригосударственного и международного права, Киев, 1981, с. 53).

- ¹⁶ См. Анцилотти Д. Указ. соч., с. 71.
- ¹⁷ Triepel H. *Les rapports entre le droit intern et le droit international*. — *Récueil des cours de l'Académie de droit international*, t. I, P., 1925, p. 92.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 106.
- ¹⁹ Гегель, Соч., т. 7, М.—Л., 1934, с. 349.
- ²⁰ Kelsen H. *General Theory of Law and State*, Camb., 1945, p. XVI.
- ²¹ *Ibid.*, p. 349.
- ²² *Ibid.*, p. 384.
- ²³ Тункин Г. И. Идеологическая борьба и международное право, М., 1967, с. 59.
- ²⁴ Rousseau Ch. *Droit international public*, t. I, P., 1970, p. 46.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 46.
- ²⁶ Усенко Е. Т. Формы регулирования социалистического международного разделения труда, М., 1965, с. 139.
- ²⁷ Scelle G. *Précis du droit des gens*, P., 1934, p. 11.
- ²⁸ Jessup Ph. *Transnational Law*, New Haven, 1956, p. 76.
- ²⁹ Ладженский А. М. К вопросу о взаимоотношении внутригосударственных и международных норм. Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного университета, т. I—XVIII, вып. 4, 1957, с. 55.
- ³⁰ Rousseau Ch. *Op. cit.*, t. II, P., 1974, p. 22.
- ³¹ Корюван Е. А. Абсолютный суверенитет или абсолютная неправда. — Новое время, 1947, № 41, с. 15.
- ³² Tunkin G. I. *The Problem of Sovereignty and Organisation of European Security*. — *Revue belge de droit international*, 1974, No 1, p. 3.
- ³³ Броунли Я. Международное право, кн. I, М., 1977, с. 67.
- ³⁴ Friedmann W. *Legal Theory*, L., 1967, p. 577.
- ³⁵ Wright Q. *Treaties as Law in National Courts. Treaties and Executive Agreements. Hearing before the Subcommittee on the Judiciary, US Senate, Wash., 1958, p. 476.*
- ³⁶ Тункин Г. И. Предисловие к кн.: Фердросс А. Международное право, М., 1959, с. 15.
- ³⁷ Броунли Я. Указ. соч., с. 67.
- ³⁸ Левин Д. Б. Что скрывается за теорией «примата» международного права над внутригосударственным правом. — Советское государство и право, 1955, № 7, с. 119.
- ³⁹ Тункин Г. И. Конституционные принципы внешней политики СССР. — *Международная жизнь*, 1978, № 3, с. 12.
- ⁴⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 25.
- ⁴¹ См. Allen F. E. *The Treaty as an Instrument of Legislation*, N. Y., 1952.
- ⁴² См. *The Constitution and Conduct of Foreign Policy*, N. Y. — Wash. — L., 1976, p. 131.
- ⁴³ *The Department of State Bulletin*, 1953, Sept. 7, p. 303.
- ⁴⁴ Nagy K. *Problems of Relationship between International and Domestic Law*, Leyden — Budapest, 1977, p. 137.
- ⁴⁵ Подобную неочность допускает и В. Г. Буткевич, когда утверждает, что международное и внутригосударственное право «обладают рядом свойств сходного характера. выступают в качестве внутреннего единства более высокой системы — права как надстроечного явления» (Буткевич В. Г. Указ. соч., с. 30).

- 46 Радойнов П. М. Слысаване на вътрешнодържавното и международно право. София, 1971, с. 165—166.
- 47 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.
- 48 Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972, с. 2.
- 49 Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978, с. 8.
- 50 Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973, с. 72.
- 51 См. *Recueil des cours de l'Académie de droit international*, 1975, t. IV. The Hague, 1978, p. 59.
- 52 Тункин Г. И. Функционирование международного права. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1978, с. 56.
- 53 *Recueil des cours de l'Académie de droit international*, 1975, t. IV, p. 60.
- 54 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 242.
- 55 Kelsen H. Op. cit., p. 364.
- 56 См., например, Буткевич В. Г. Советское право и международный договор. Киев, 1977, с. 20; Черниченко С. В. Личность и международное право. М., 1974, с. 46.
- 57 Коммунист, 1975, № 18, с. 44.
- 58 Советский ежегодник международного права. 1977. М., 1979, с. 61—62.
- 59 Там же, с. 62—63.
- 60 Hoffmann S. Primacy of World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. N. Y., 1980, p. 16.
- 61 См. The Nation, Jan. 17, 1981.
- 62 См. Советский ежегодник международного права. 1977, с. 65.

Глава II

- 1 Тункин Г. И. Основы современного международного права. М., 1956, с. 9.
- 2 См. История Советской Конституции (в документах). 1917—1956. М., 1957, с. 45.
- 3 Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 407.
- 4 Там же, с. 409.
- 5 Советский ежегодник международного права. 1977, с. 47.
- 6 Toupin G. La nouvelle Constitution de l'URSS et le droit international. La politique Soviétique de paix. Moscou, 1979, p. 47—48.
- 7 *Recueil des cours de l'Académie de droit international*, 1975, t. IV, p. 197.
- 8 См. Дорнбергер Г., Клейне Г., Клингер Г. Гражданское право Германской Демократической Республики. М., 1957, с. 8.
- 9 Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970, с. 285.
- 10 Усенко Е. Т. Указ. соч., с. 129.
- 11 Советское государство и международное право. М., 1967, с. 301.
- 12 Тункин Г. И. Теория международного права, с. 227.
- 13 Там же.
- 14 Мартыненко П. Ф. Современные буржуазные теории о внешних сношениях государств. Киев, 1970, с. 4.
- 15 См. *Laws and Practices Concerning the Conclusion of Treaties*. U. N. N. Y., 1953.
- 16 Конституции буржуазных стран. М., 1968, с. 164.
- 17 Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957, с. 33.
- 18 См. McDougal M. and associates. *Studies in World Public Order* New Haven, 1960, p. 433—434.

- 19 См. *Laws and Practices Concerning the Conclusion of Treaties*, p. 101.
- 20 *American Journal of International Law*, 1964, vol. 58, No 1, p. 92.
- 21 См. *British Practice in International Law*, 1963—II. L., 1965, p. 137.
- 22 Jacomy-Millette A. *Treaty Law in Canada*. Ottawa, 1975, p. 64.
- 23 См. *American Journal of International Law*, 1964, vol. 58, No 1, p. 98.
- 24 *Laws and Practices Concerning the Conclusion of Treaties*, p. 81.
- 25 См. *The British Yearbook of International Law*, 1978. Oxford, 1979, p. 207.
- 26 Blix H. *Treaty-Making Power*. L.—N. Y., 1960, p. 101.
- 27 См. *The Indian Journal of International Law*, 1965, vol. 5, p. 274—275.
- 28 См. *Recueil des cours de l'Académie de droit international*, 1974, vol. 141, p. 350.
- 29 Ациллогги Д. Указ. соч., с. 318.
- 30 См. *International Law Commission Yearbook*, 1953, vol. II, p. 141.
- 31 *International Law Commission Yearbook*, 1963, vol. II, p. 44.
- 32 Шуршалов В. М. Основные вопросы теории международного договора. М., 1959, с. 225.
- 33 Талалаев А. Н. Юридическая природа международного договора. М., 1963, с. 250.
- 34 Талалаев А. Н. О действительности международных договоров. — Советское государство и право, № 5, с. 115.
- 35 Талалаев А. Н. Юридическая природа международного договора, с. 252.
- 36 Тункин Г. И., Ненаев Б. Н. Право договоров на XV сессии Комиссии международного права ООН. — Советское государство и право, 1964, № 2, с. 85.
- 37 Elias T. O. *The Modern Law of Treaties*. Leyden, 1974, p. 149.
- 38 Holloway K. *Modern Trends in Treaty Law*. L., 1967, p. 211.
- 39 Wildhaber L. *Treaty-Making Power and Constitution*. Basel and Stuttgart, 1971, p. 382.
- 40 Kelsen H. *Principles of International Law*. N. Y., 1967, p. 323—324.
- 41 Фердросс А. *Международное право*. М., 1959, с. 173.
- 42 См. *International Law Commission Yearbook*, 1953, vol. II, p. 143.
- 43 Ibid.
- 44 Цит. по: Blix H. Op. cit., p. 344.
- 45 Ibid.
- 46 См. Талалаев А. Н. Право международных договоров. Общие вопросы. М., 1968, с. 221.
- 47 См. Blix H. Op. cit., p. 345—348.
- 48 См. Конституции буржуазных государств Европы, с. 33.
- 49 См. *International Law Report*, 1952, p. 459.
- 50 *American Journal of International Law*, 1955, vol. 49, No 4, p. 473.
- 51 Цит. по: Blix H. Op. cit., p. 242.

Глава III

- 1 См. Собрание Постановлений Правительства СССР, 1976, № 16.
- 2 Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права, с. 214.
- 3 Kelsen H. *Principles of International Law*. N. Y., 1967, p. 403.
- 4 Народная Республика България. Държавен вестник. Брой 62, 1975, 12 август.

- 42 Конституции буржуазных стран. М., 1968, с. 183.
- 43 Wright Q. Op. cit., p. 475.
- 44 Recueil des cours de l'Académie de droit international, 1974, vol. 141, p. 377.
- 45 Конституции буржуазных стран, с. 169.
- 46 Adams L. J. Theory, Law and Policy of Contemporary Japanese Treaties. N. Y. — Leiden, 1974, p. 21—22.
- 47 Holloway K. Op. cit., p. 306—307.
- 48 International Law Reports, vol. 32, L., 1966, p. 349.
- 49 Cornell Law Journal, 1976, vol. 9, No 2, p. 302—303.
- 50 Texas International Law Journal, 1975, vol. 10, No 1, p. 139.
- 51 Ibid., I. 138.
- 52 Recueil des cours de l'Académie de droit international, vol. 141, p. 378.
- 53 Fawcett J. E. S. Op. cit., p. 227.
- 54 Ibid., p. 15.
- 55 International Law Reports, vol. 47, L., 1974, p. 331.
- 56 International Law Reports, vol. 33, L., 1967, p. 384.
- 57 Holloway K. Op. cit., p. 307.
- 58 International Law Reports, vol. 42, L., 1971, p. 266—267.
- 59 International Law Reports, vol. 24, L., 1953, p. 410.
- 60 Wildhaber L. Op. cit., p. 205—206.
- 61 International Legal Materials, vol. VIII. Wash., 1969, p. 12.
- 62 Ibid., p. 25.
- 63 International Law Reports, vol. 33, p. 389.
- 64 McDougal M. and associate. Op. cit., p. 561—562.
- 65 См. Wildhaber L. Op. cit., p. 211.
- 66 Конституции буржуазных стран, с. 52.
- 67 Там же.
- 68 Dehaussy J. Les conditions d'application des normes conventionnelles sur le for intern français. — Journal du droit international, 1960, p. 725.
- 69 Ibid., p. 721.
- 70 American Journal of International Law, 1964, vol. 58, No 2, p. 435.
- 71 См. Journal du droit international, 1975, № 2, I, p. 251—267.
- 72 См. The Impact of International Labour Conventions and Recommendations. Geneva, 1976, p. 40.
- 73 Journal du droit international, 1975, No 2, p. 267.
- 74 Ibid., p. 250.
- 75 См. Annuaire français de droit international, 1979, P., 1980.
- 76 Ibid., p. 412.
- 77 Blackstone W. Commentaries on the Law of England, book fifth. Oxford, MDCCCLXXIII, p. 67.
- 78 Holloway K. Op. cit., p. 288.
- 79 Waldock H. General Cours on Public International Law. — Recueil des cours de l'Académie de droit international. The Hague, 1962, vol. 1, p. 129.
- 80 Ibid.
- 81 Цит. по: Jacomy-Millette A. Op. cit., p. 183.
- 82 Ibid., p. 186.
- 83 Lapidot R. Les rapports entre le droit international et le droit interne en Israël. P., 1959, p. 29—30.
- 84 The Law Reports. House of Lords L., 1937, p. 347.
- 85 Harris D. J. Cases and Materials on International Law, second edition. L., 1979.
- 86 Transactions of Grotius Society, vol. 25, L., 1940, p. 73.

- 5 Triepel H. Les rapports entre le droit intern et le droit international. — Recueil des cours de l'Académie de droit international, t. 1, p. 95.
- 6 Ведомости Верховного Совета СССР, 1961, № 50, ст. 525.
- 7 См. СЗ СССР, 1926, № 57, ст. 416.
- 8 Собрание Постановлений Правительства СССР, 1975, № 10.
- 9 Миронов Н. В. Международное право: нормы и их юридическая сила. М., 1980, с. 41.
- 10 Луиц Л. А. Курс международного частного права. Общая часть. М., 1973, с. 160.
- 11 Там же, с. 191.
- 12 Карташкин В. А. Международная защита прав человека. М., 1976, с. 49.
- 13 Uiborui H. J. International Law and Municipal Law in Soviet Doctrin and Practice. Ius Humanitis. Festschrift zum 90 Geburtstag von Alfred Verdross. В., 1980, S. 685.
- 14 The Italian Yearbook of International Law 1978—1979. Napoli 1980, p. 187.
- 15 The British Yearbook of International Law. 1978. Oxford, 1979, p. 336.
- 16 Усенко Е. Т. Указ. соч., с. 156.
- 17 Талалаев А. Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973, с. 64.
- 18 Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права, с. 252.
- 19 Зивс С. Л. Источники права. М., 1981, с. 225.
- 20 Цит. по: Fawcett J. E. S. The Application of the European Convention on Human Rights. Oxford, 1968, p. 10.
- 21 Черниченко С. В. Указ. соч., с. 53.
- 22 Там же, с. 50.
- 23 Гаврдовский А. С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980, с. 72.
- 24 См. Ведомости Верховного Совета СССР, 1973, № 9, с. 138.
- 25 Собрание Постановлений Правительства СССР, 1976, № 1, ст. 2.
- 26 Подробнее см. Игнатенко Г. В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. Свердловск, 1980.
- 27 Там же, с. 42.
- 28 Советский ежегодник международного права. 1963. М., 1964, с. 173.
- 29 См. Правоведение, 1963, № 1, с. 125.
- 30 Правоведение, 1968, № 6, с. 106—107.
- 31 Народна Република България. Държавен вестник. Брой 62.
- 32 On the Question of Americans Missing in the Vietnam War. Department of Press and Information. Ministry of Foreign Affairs. Socialist Republic of Vietnam, 1980, p. 30.
- 33 Бюллетень чехословацкого права, 1963, № 4, с. 285.
- 34 Германская Демократическая Република. Конституция и законодательные акты. М., 1979, с. 295.
- 35 Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 127.
- 36 Uiborui H. J. Op. cit., p. 688.
- 37 Ibid., p. 668.
- 38 Тункин Г. И. Основы современного международного права, с. 11.
- 39 См. Uiborui H. J. Op. cit., p. 661—662.
- 40 Ibid.
- 41 Falk R. Legal Order in a Violent World. Princeton, 1968, p. 88—89.

- 87 Wildhaber L. Op. cit., p. 190.
 88 Jacomy-Millette A. Op. cit., p. 363.
 89 Ibid., p. 123—124.
 90 McDonald R. St. J. International Law and the Domestic Law in Canada. Ius et Societas. Essays in Tribute to Wolfgang Friedmann. The Hague—Boston—L., 1979, p. 224.
 91 Ibid.
 92 Revised Statute of Canada, vol. VI. Ottawa, 1970, p. 5874.
 93 См. Jacomy-Millette A. Op. cit., p. 124—125.
 94 British Practice in International Law 1967. L., 1971, p. 149.
 95 См. Wortly B. A. The Law of Common Market. Manchester, 1974, p. 10.
 96 European Community Treaties. L.—N. Y., 1972, p. 310.
 97 См. The Law Quarterly Review, 1977, vol. 93, July, p. 360.
 98 Starke J. G. An Introduction to International Law, seventh edition. L., 1972, p. 89.
 99 Конституции буржуазных стран, с. 107.
 100 Там же, с. 64.
 101 Holloway K. Op. cit., p. 280.
 102 Wildhaber L. Op. cit., p. 184.
 103 Конституции буржуазных стран, с. 134.
 104 Texas International Law Journal, 1976, vol. II, No 3, p. 545.
 105 Ibid.
 106 American Journal of International Law, 1971, vol. 65, No 3, p. 631.
 107 Цит. по: Harris D. J. Op. cit., p. 85.
 108 Ibid.
 109 Буткевич В. Г. Советское право и международный договор, с. 100—101.
 110 Конституции буржуазных государств Европы, с. 674.
 111 The Italian Yearbook of International Law, 1975, vol. 1, p. 288.
 112 Ibid.
 113 St/LEG/SER.V/11, p. 25.
 114 The Italian Yearbook of International Law, 1975, vol. 1, p. 289.
 115 Ibid.
 116 Цит. по: За рубежом, 1978, № 32, с. 17.
 117 American Journal of International Law, 1976, vol. 70, No 3, p. 494.
 118 Ibid.
 119 Revue Hellenique de droit international, 1976, № 1—4, p. 65.
 120 American Journal of International Law, 1976, vol. 70, No 3, p. 498.
 121 См. Revue Hellenique de droit international, 1976, № 1—4, p. 57.
 122 Португалия. Конституция и законодательные акты. М., 1979, с. 76.
 123 Okoye F. Ch. International Law and the New African States. L., 1972, p. 29—30.
 124 См., например, гл. V Конституции Берега Слоновой Кости, гл. V Конституции Верхней Вольты и т. д.
 125 Конституции государств Африки, т. I. М., 1963, с. 611.
 126 Цит. по: Okoye F. Ch. Op. cit., p. 33.
 127 Ibid., p. 43—44.
 128 Конституции государств Африки, т. I, с. 151.
 129 Там же, с. 427.
 130 Okoye F. Ch. Op. cit., p. 24.
 131 Конституция Индии (С изменениями на 1 мая 1955 г.). М., 1956, с. 80.
 132 Там же, с. 77.
 133 Конституции государств Африки, т. I, с. 146.

Глава IV

- 1 Morris J. H. The Conflict of Laws, second ed. L., 1980, p. 3.
 2 Ibid., p. 7.
 3 См. Cheshire's Private International Law, ninth ed., L., 1974, p. 7.
 4 См., например, Луиц Л. А. Указ соч., с. 62; Усенко Е. Т. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права. — Советский ежегодник международного права, 1977, с. 85.
 5 В литературе по МЧГ такие отношения обычно называются отношениями с иностранным элементом, что не совсем точно, так как может сложиться впечатление, будто речь идет о внутрисударственных отношениях. Эти отношения являются частью международных отношений в широком смысле этого слова (см. Советский ежегодник международного права, 1977, с. 85).
 6 Корещий В. М. Очерки международного хозяйственного права. Харьков, 1928, с. 8.
 7 Необходимо отметить, что существуют теории, пытающиеся обосновать возможность создания юридических норм не волей государства, а даже вопреки ей, например транснациональными корпорациями (см., например, Rigeaux F. Droit public et droit privé dans les relations internationales. P., 1977).
 8 Зивс С. Л. Указ. соч., с. 10.
 9 Курс международного права, т. I. М., 1967, с. 168.
 10 Это может иметь место, если государства, чьи правовые системы коллидируют в данном вопросе, являются участниками договора, направленного на регулирование международных отношений невластного характера, и инкорпорируют положения этого договора в свое национальное право.
 11 Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980, с. 250—251.
 12 Свицкерский В. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементно-структурных отношений. Л., 1970, с. 38.
 13 Керимов Д. А. Указ. соч., с. 267.
 14 Луиц Л. А. Указ. соч., с. 44.
 15 Советское государство и право, 1946, № 8—9, с. 17.
 16 Там же, с. 26.
 17 См. Правоведение, 1959, № 3, с. 98.
 18 Вопросы международного частного права. М., 1956, с. 13.
 19 Корещий В. М. Указ. соч., с. 10.
 20 Правоведение, 1959, № 3, с. 96.
 21 Вопросы международного частного права, с. 13.
 22 Правоведение, 1959, № 3, с. 99.
 23 Советское государство и право, 1980, № 6, с. 54.

Заключение

- 1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 335.
 2 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
 3 Громыко А. А. Указ. соч., с. 231.
 4 Новое время, 1981, № 9, с. 5.
 5 Annuaire français de droit international 1979, p. 279.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Международное и национальное право как различные, но взаимосвязанные системы права	6
История проблемы соотношения международного и национального права	6
Взаимодействие международного и национального права как регулирующих подсистем различных социальных систем	21
Глава II. Влияние национального права на международное право	29
Влияние содержания норм национального права на международное право	30
Влияние норм национального права, касающихся порядка заключения международных договоров, на действительность договоров	38
Глава III. Влияние международного права на национальное право	55
Национально-правовая имплементация — важнейший способ реализации норм международного права	56
Национально-правовая имплементация в социалистических государствах	75
Национально-правовая имплементация в буржуазных странах и в странах, освободившихся от колониальной зависимости	82
Глава IV. Соотношение международного публичного, международного частного и национального права	114
Заключение	125
Примечания	128

Рейн Авович МЮЛЛЕРСОН

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Редактор *Е. В. Архипова*

Оформление художника *Е. И. Васильева*

Художественный редактор *В. В. Сурков*

Технический редактор *Н. П. Мамеева*

Корректор *Н. А. Борисова*

ИБ № 674

Сдано в набор 17.11.81. Подписано в печать 21.05.82. А-01747
Формат 84X108/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 7,46. Уч.-изд. л. 7,92. Тираж 4000 экз.
Зак. № 131. Цена 1 р. 20 к. Изд. № 320-Ю.

Издательство «Международные отношения», 107053, Москва, Б-53,
Садовая-Спасская, 20.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Хохловский пер., 7.

Р.А.МЮЛЛЕРСОН

**Соотношение
международного
и национального
права**

